

АЛЕКСАНДР ЦЗИ

ПОГАНСКО ПОЛЕ

Олесь Панов — обычный айтишник, оставшийся без работы. Поверив другу, он соглашается поучаствовать в якобы безопасном научном эксперименте за деньги и внезапно оказывается в Вечной Сибири — странном месте, где живут люди, которые считают, что окружены бесконечным аномальным Поганым полем.

Олесь сбегает из этого странного государства и путешествует по Поганому полю, чтобы присоединиться к Отщепенцам — племени свободолюбивых людей, не пожелавших жить в Вечной Сибири и прочих ей подобных образованиях.

Глава 1. В гости к Отщепенцам

Черный столб дыма поднимался над желто-зеленой равниной высоко в опаловое небо. Несколько минут назад небо было чистейшим.

Первой его заметила Кира, скачущая на своем скакуне за мусоровозом вместе с заводной лошастью. Я крутил баранку и тарасился на “железную дорогу” из блестящих шестиугольников, усеивающих равнину в виде бесконечного ряда через каждые десять метров. Обычной дороги не было вовсе, даже мало-мальской колеи. Мусоровоз тяжело пробирался по целине через разнотравье, естественные рытвины и кочки. Прямо по шестиугольникам ехать я поостерегся — неизвестно, чем они могут шарахнуть, — поэтому мы двигались вдоль. Вертеть башкой по сторонам — себе дороже, хотя, надо признаться, думал я совсем не о дороге...

Кира обогнала машину слева и поравнялась с кабиной. Крикнула:

— Олесь!

И махнула рукой направо.

Я посмотрел.

Дымный столб поднимался километрах в пяти-шести от нас к юго-западу. Дальше и левее в небе таял еще один столб, полупрозрачный и едва заметный.

Когда сумасшедший изобретатель Решетников показал нам — вечность назад! — путь к своему “дворцу” при помощи черного дыма, я подумал, что в Поганом поле это отличный способ общения. Так общались индейцы доколумбовой эпохи и прочие разные примитивные народы. В итоге мы пришли к тому, с чего начали.

Я не представлял, что значат эти костры. Призыв на войну или приглашение в гости? Как бы то ни было, эти костры сигнальные, иначе зачем привлекать к себе лишнее внимание?

Одновременно с мыслями о Решетникове и его костре снова, в миллионный раз за день, вспомнился Витька Смольянинов, которого я похоронил в Ведьмином круге, но тело которого чудесным образом исчезло в ту же ночь. Я искал его несколько дней по всей округе. То, что мы с Кирой при этом стояли лагерем посреди засушенной степи, создавало проблемы с едой и — прежде всего — водой. Кира терпеливо ждала, когда я завершу поиски. Не помогала искать, но и не мешала. Несколько раз уносила прочь на лошади и привозила в бурдюках воду — мутноватую, с железистым привкусом, но воду, которая утоляла жажду. Она брала ее в слабеньком ручейке в нескольких километрах к востоку. Я полагал, что она совсем не верит в необыкновенное воскрешение Витьки, и позже выяснилось, что так оно и есть. Она видела рану от стрелы и количество пролитой крови, видела бездыханное тело. Как и я. И не верила. Но я верил. И не хотел думать, что тело вырыли Уроды или какие-нибудь иные омерзительные существа Поганого поля.

Конечно, это был идиотизм с моей стороны — хоронить друга в такой неглубокой могиле и не защитить ее от стервятников. Кира предлагала сжечь тело, но я отринул этот вариант. В то же время я не нашел никаких следов потенциальных стервятников и признаков того, что тело куда-то волокли и — подумать страшно! — пожирали. Могила просто была разрыта. И выглядело это при должной фантазии так, будто ее разрыли изнутри...

Поганое поле — это еще и поле чудес. Прав Решетников. Здесь есть магия и сверхъестественные явления. Настя (тоже покойная) говорила, что в Ведьминых кругах

появляются и исчезают скелеты. Означало ли это, что тело Витьки когда-нибудь вновь появится в разрытой могиле?

Было неприятно об этом думать, и я старательно отгонял эти мысли.

Я подключил все допарты и возможности своего нейрочипа — субклеточного когнитивного нейромодулятора. Внимательно вслушивался в потоки энергии на этой огромной равнине. Гулял вокруг Ведьминого круга темными ночами, привязав к поясу мешочки с травами, отпугивающими Погань. Ждал, когда же над Ведьминым кругом засияет неземной свет и произойдет что-нибудь необыкновенное. Что-нибудь, что приоткроет завесу тайны этого места.

В конце концов я решил, что виноваты не стервятники и в исчезновении тела замешана некая волшба. Если бы могила находилась в дремучем лесу-джунглях, в котором живут Дети Морока, я бы усомнился и, наверное, допустил бы вариант со стервятниками. В лесу трудно найти следы и улики. Но на открытой всем ветрам равнине это затруднительно, а я обследовал каждый квадратный дециметр в радиусе километров трех, если не больше. С использованием магических способностей.

Я снова и снова отматывал с помощью нейрочипа все, что с нами — мной и Витькой — произошло с тех пор, как мы сбежали из Вечной Сибири. Лежал в палатке и крутил в голове видео, опять и опять, то с ускорением, то с обычной скоростью. Настроения это не улучшало, но я не мог остановиться. Я будто хотел что-то исправить, повернуть время вспять силой воли, но в результате чуть не свихнулся. Вскоре мне стало казаться, что все происходящее — не действительность, а лишь запись в моем нейрочипе. Что я всего лишь кручу очередную запись. Я стал путаться между реальностью и записью реальности.

Однажды (не представляю, сколько времени прошло, а узнавать через апгрейд неохота) Кира сказала, что нам пора двигаться дальше. Я моментально сорвался и наорал на нее, упрекая в том, что ей наплевать на Витьку, что она сама толком не представляет, куда ехать и что книги она любит больше, чем настоящих людей. Кира ожгла меня пронзительным взглядом, но промолчала.

Видимо, она меня жалела, иначе высказалась бы или просто уехала одна, ей не привыкать быть одной. За короткое время на меня навалилось слишком многое. Я узнал, что вся моя прошлая жизнь — ложь и иллюзия, а настоящая стерта из памяти; что я гребанный Гарри Поттер без волшебной палочки, зато с чипом в башке; что у меня нет дома, куда можно было бы вернуться. И еще я потерял единственного друга.

Итак, Кира промолчала, а я пришел в себя от собственного бешенства. Оно меня отрезвило, и я вдруг осознал, что нахожусь в действительности, а не прокручиваю неизменную запись. Надо было двигаться дальше.

Мы отошли от прежнего плана прибиться к Отщепенцам, о которых почему-то до сих пор не слышали ни единого доброго слова, и поехали вдоль “железной дороги” Республики Росс на юго-запад, где, по слухам, и находилась эта загадочная и, судя по всему, высокотехнологичная страна.

Пока ехали-скакали вдоль шестиугольной дороги, которая казалась бесконечной, я немного пришел в норму. Насчет Витьки твердо решил: буду апгрейдить свои магические способности, собирать допарты, узнавать пределы и возможности своего СКН, а потом возьмусь за капитальные поиски Витьки. Исходить буду из веры в то, что он каким-то чудом выжил. Или трансформировался во что-то другое. Неважно. Я его найду, а потом будет ясно, что со всем этим делать.

Насчет себя тоже твердо решил: надо принять ситуацию такой, какая она есть, не сходить с ума, а выживать в этом мире. Неплохой, в сущности, мир. Делай, что хочешь, иди, куда пожелаешь. Если ты не в Вечной Сибири, конечно. Плюс магия. Смущала мысль о тете Вере, которую я, получается, тупо бросил, но меня грела надежда, что я смогу вернуться в Сиберию могучим магом и забрать тетю с собой.

Так что вся моя жизненная стратегия упиралась в одно — саморазвитие. И не обычное саморазвитие, а магическое.

Для саморазвития сидеть на месте глупо, допарты и знания под лежащий камень не заберутся. Нужно активно путешествовать, узнавать мир, тренироваться, искать таких, как Морок.

Во время одной из стоянок я порылся в луте, собранном Витькой и мной в “до-лючные” времена. Нашел бутылочку клея и бумагу с чернилами. Нарисовал несколько десятков Знаков Морока на стикерах с клейкой задней стороной. Я их назвал М-стикеры. Если понадобится, эти стикеры легко приклеить к одежде ничего не подозревающего человека и воздействовать на него магией. Пачку этих стикеров я носил за широким тряпичным поясом, который стал носить с некоторых пор поверх рубахи. Удобная штука. За нее можно засунуть все, что угодно, включая мою рапиру.

Я пытался восстановить память с помощью расширившихся возможностей, но ничего не вышло. Мне по-прежнему представлялось, что я с рождения жил в другом мире — мире, где и в помине нет Поганого поля. Вспоминались сотни и тысячи мелких подробностей этой жизни. Неужели всю эту инфу вливают в мозги в квест-камерах? Неужели настолько проработан виртуальный мир и биография аватара? А мой язык — старый добрый язык, полный жаргонизмов и сленговых англицизмов? Его тоже я почерпнул из квеста?

Невероятно.

Но возможно.

Возможно, что “квест к буржуям” создавался на основе реального периода истории человечества со всеми вытекающими. В том мире существовал интернет, и информации, закачанной в него, хватило бы на миллион таких квестов. И еще осталось бы. Возможно даже, что и интернет сохранился — в той же Республике Росс.

***

На сей раз я почуял приближение чужих раньше Киры, которая постоянно была настороже и которой было проще мониторить окружающее пространство на 360 градусов. Мне помогло магическое чутье, причем без включения интерфейса СКН.

Я затормозил и подтянул к себе автомат. Волшба волшбой, а пуля надежнее.

Кира подъехала к кабине, но тут из-за пригорка выскочили три всадника и еще три коня без людей, нагруженные переметными сумками, тушками каких-то животных (вроде сурков) и окровавленными мешками. Насколько я мог разглядеть, эти грузовые кони скакали сами по себе, не были привязаны к всадникам, как наша заводная лошадь к лошади Киры. Возле всей этой братии неслись два длинноногих, поджарых гончих пса.

Когда отряд подскакал вплотную, я разглядел всадников. Три здоровых мужика, с длинными косами до низа спины, выбритыми висками, бородами и вислыми усами (их не стригли, а просто расчесывали в две стороны). Один — рыжий, сгоревший на солнце до густого медного цвета. Другой — черноволосый и очень смуглый, с африканскими чертами. Третий — жирный, рыхлый, массивный, волосы темные, но с проседью, самый старший из

всех.

Все трое были вооружены саблями и луками. За спиной торчали колчаны, полные стрел. Слева висели небольшие круглые щиты.

Одеты в тонкие серые сорочки и что-то вроде легкого доспеха в виде кожаных пластин на туловище спереди и сзади. Руки и ноги не защищены. Шеи и руки, кстати, покрыты густой вязью татуировок. Я не разглядел, что там были за узоры. Или Знаки.

Три богатыря пронеслись справа от машины, обогнули ее и Киру с заводной лошадкой сзади и появились слева, сделав таким образом круг вокруг нас. Изучили обстановку, получается.

Я почему-то был уверен, что это колдуны, хотя никаких перстней на пальцах не заметил. Наверное, решил так из-за длинной растительности на головах.

Я выпрыгнул из кабины, сжимая в руках автомат. На каждой руке — по три перстня Морока.

Теперь, когда меня не экранировала металлическая кабина, я почувал их силу по-полной. Особенно ее много было вокруг рыхлого.

Три всадника выстроились в ряд: рыжий в центре, черный и рыхлый по сторонам. Три грузовые лошади тоже выстроились в ряд позади, словно их долго дрессировали специально для такого построения. Гончие стояли справа и слева от всадников, высунув языки, бока их поднимались и опадали, глаза были настороженные. Они не нападали, но были готовы к атаке.

— Хайло! — хриплым, гортанным голосом крикнул рыжий, сделав ударение на первом слоге. Слово походило на “hallo”, но могло значить все, что угодно.

На всякий случай я сказал:

— Привет.

— Кои йи? — последовал новый вопрос.

Я затупил.

Вмешалась Кира, которая подъехала ко мне на лошади. Она выглядела расслабленной, но лук находился ближе к руке, чем обычно.

— Ви симпые дорожники, — сказала она.

— Тут терра Отщепенцев!

А вот это я понял.

Перед нами знаменитые Отщепенцы. И это их “терра”, то есть земля.

Пока рыжий переговаривался с Кирой, рыхлый буравил меня тяжелым взглядом мутных, полуприкрытых глаз. Я отвечал тем же. Тактика это так себе — плясь на одного человека, теряешь из виду остальных. Но я рассчитывал на то, что успею врубить боевой режим, если начнется месилово.

— Ви ведаем се, — сказала Кира. — К йиим едем.

— С счом?

— Йиим хотим прирастать.

Немигающий жабий взгляд рыхлого начинал меня подбешивать. Не отрываясь от него, я громко поинтересовался у Киры:

— Это Отщепенцы?

— Да, — так же громко и четко ответила она.

Наступила тишина. Поддувал сухой ветерок, колебля жесткую траву. Солнце жарило, как обычно, с чистого неба. До меня доносился запах взмыленных лошадей и потных

мужланов. Черный дым поднимался в небесные выси как раз позади них.

Вдруг толстые губы разомкнул рыхлый:

— Се — ведун! Чую ас.

И некультурно тыкнул в меня толстым пальцем.

Я снова обратился к Кире, все так же глядя в его мерзкую рожу:

— На каком языке они говорят?

— На южном наречии.

— Ты хорошо его понимаешь? Скажи, что мы пришли с миром.

— Мы понимаем северный язык, ведун, — неожиданно сказал рыжий, и я от удивления перевел взгляд на него. Говорил он с необычным акцентом, как Кира, только более выраженным. — Вы пришли с миром — хорошо. Но мы отродясь не страшились войны. И каждый Отщепенец всегда должен быть готов к сражению. Вы готовы?

“Вы готовы, дети?!?” — вспомнилась фраза пирата из заставки к мультику о Губке Бобе. Интересно, был ли такой мультик в реальности или это “легенда” квеста к буржуям, в котором глюк подменил мне память? И откуда у меня столько знаний о прежнем мире, включая специфический язык, полный англицизмов и жаргонных словечек, которых не найдешь в чистой речи жителей Поганого поля и Вечной Сибири?

Я переглянулся с Кирой.

Рыхлый тоже заговорил на “нормальном” языке:

— Этот ведун спрашивает разрешения у женщины! По-моему, он не готов.

— Ты имеешь что-то против женщин? — холодно и дерзко осведомилась у него умница Кира.

Рыхлый усмехнулся:

— Я только “за” женщин и ни в коем разе не “против”. Но вы колеблетесь с ответом. А это значит, вы слабы. Отщепенцам не нужны такие люди.

И тут я завелся уже серьезно. Сделал шаг к рыхлому и звенящим от гнева голосом спросил:

— А может, ты ошибаешься?

— Хочешь сказать, что я дурак? — ничуть не растерялся рыхлый.

— Почему бы и нет?

Впервые за время нашей “беседы” рыхлый колдун отвел от меня взор и глянул на спутников. На его чугуновой роже читалось удовлетворение. Мол, слышали? Те кивнули. У них происходил какой-то секретный диалог.

— Йии зрили, счо он ми оскорбил! — повысил голос рыхлый. И перевел: — Вы все видели, что он меня оскорбил! Ведовской поединок!

— Чего? — не понял я.

— Хурр! — заорал рыжий.

Он резко сорвался с места, взметнув косой, из-под копыт вырвались куски глины. Спутники колдуна отскочили в разные стороны, принялись гарцевать. Словом, выпендриваться.

“Боевой ре...”

Но конь рыхлого тоже огромным скачком прыгнул в сторону. Из-за него на меня понесся, храпя, “грузовой” конь. Я растерялся. Передо мной взметнулись передние копыта, я инстинктивно закрылся руками, в которых по-прежнему был автомат, но удар все равно пришелся куда-то в грудь. Вспышка тошнотворной боли, я отлетел назад, ударился о

мусоровоз и сполз на землю. В груди словно горячий камень застрял, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Автомат я выронил и не представлял, где он валяется.

Сранные колдуны управляли конями на расстоянии. Телепатически. Я улавливал потоки энергии, но не понимал значения.

Кира что-то выкрикнула и, молниеносным движением выхватив из колчана стрелу, натянула лук. Надо было ей отдать автомат... Но она не захотела его брать.

Как ни стремительно она двигалась, рыжий и черный действовали шустрее. Они уже в нее целились из своих луков. Рыжий ухмылялся. Ситуация ему нравилась.

“Боевой режим!” — мысленно скомандовал я, лежа на земле и стараясь превозмочь боль в груди. Ударивший меня конь носился возле меня, ударяя копытами в землю, к нему присоединился второй “грузовой” конь. Они ржали и вставали на дыбы, но меня не топтали. Видно, хотели напугать.

Ими управлял рыхлый, я это чувствовал отчетливо. Он подавлял их волю своей волшбой, что бы она не представляла, не пользуясь перстнями и вообще не шевеля пальцем.

ВКЛЮЧЕН БОЕВОЙ РЕЖИМ

Время привычно растянулось и замедлилось, звуки снизились на октаву. Я потянулся к матерчатому поясу, за которым лежала стопка стикеров со Знаком Морока. М-стикеров.

Но как подкинуть их врагу?

От боли сознание путалось, мутилось, а тут еще и энергозатратный боевой режим ударил по организму. Рыхлый гоготал клокочущим, вязким басом.

ОБНАРУЖЕНО ПСИХОСУГГЕСТИВНОЕ ПОЛЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИЛЫ

Я и без нейрочипа ощущал, как по волосам — моему щиту против телепатического воздействия — бегут искры статистического разряда. Отщепенцы были в высшей степени сильными колдунами.

Грузовые кони носились около меня, храпели, били копытами по земле совсем рядом от моих ног, наседали. Рыхлый специально их сдерживал, но в то же время демонстрировал, что может в любой момент сделать из меня отбивную.

Гончие псы лаяли не умолкая ни на секунду, стояли рядом, но тоже не приближались близко.

Кира пустила стрелу в рыжего, но тот прикрылся щитом. Стрела ударилась о щит и отскочила. Рыжий заржал не хуже коня.

Я начал привставать, и ближайший конь тут же поднялся на дыбы, так что груз чуть не перевалился через круп. Я повернул голову в поисках автомата, но одна из гончих схватила его за ремень и утащила в сторону. Рыхлый противно захихикал.

— Не-е-е, дра-а-аться на-а-адо только свои-и-ими си-и-илами! — протянул он. В состоянии боевого режима казалось, что он манерно растягивает слова. — И-и-или волшбо-о-ой!

Волшбой так волшбой.

Ускорившись, я вскочил и прилепил к животу неистовствующего коня М-стикер. Отскочил. Направил на коня перстни на правой руке, сжав ладонь в кулак.

Почти сразу удалось перехватить инициативу в магическом управлении мозгом бедного животного. Я направил коня к рыхлому, заставил ударить копытами скакуна под колдуном. Колдун, судя по всему, не ожидал такого поворота событий, расслабился, пока наблюдал мое бессилие. Заорав, он свалился с коня, гулко бухнувшись о землю, как мешок с навозом.

В ускоренном темпе я выхватил шпагу из кабины, одновременно вынимая клинок из

ножен, и ударил второго грузового коня, который напал на меня в этот миг. Погрузил метровый клинок в мускулистую грудь почти до корзинчатой гарды и тут же выдернул.

Жалко было убивать невинное существо, но выхода не было. Я не успевал отбить атаку, а рядом ведь находились еще и два пса! Пока будешь щелкать клювом, тебя разорвут на куски.

Раненный конь вскрикнул — именно вскрикнул, а не заржал, — ноги его подломились. Он пытался удержаться на ногах, но силы его покидали. Из дыры в груди хлестала кровь. Он упал и забился в пыли.

В это время (а события развивались с бешеной скоростью) валяющийся на земле колдун старался пересилить в ментальном плане своего же грузового коня. Его магия, которую я теперь воспринимал отчетливее, отличалась от магии Знаков, но была чем-то похожа.

Тату?

В этой магии было задействовано тату на теле рыхлого. Я, правда, не понимал, каким именно образом. Конь наседали на рыхлого, но будто не мог ударить в полную силу. Я опускал руку с перстнями, направленными на коня, а на его боку белел квадратик М-стикера. Пока М-стикер там, у коня не будет своей воли. Рыхлый одной рукой опирался о землю, другую тянул к мечущемуся коню, словно прося остановиться. По жирной роже струился пот — то ли от страха, то ли усилий. Несчастный конь ржал, поднимался на дыбы, метался в узком пространстве, зажатый между двумя невидимыми стенами.

Кира снова выстрелила, и стрела неспешно полетела к рыжему. Время для них шло гораздо быстрее, но рыжий чуть ли не ленивым движением отбил стрелу кромкой щита. А потом вытянул к Кире свободную ладонь, на которой был вытатуирован Знак ромбовидного глаза. Я не успел рассмотреть его подробно, но то, что это глаз в виде ромба, было бесспорно.

Не знаю, чем рыжий “выстрелил” из этого глаза, но Кира обмякла в седле и мягко повалилась с лошади.

И тут у меня сорвало крышу.

Я подбежал к колдуну и, не обращая внимания на мечущегося возле него коня, принялся бить его печатками по рыхлой физиономии. Печатки со Знаком Морока оставляли на лбу и щеках характерные следы.

Колдун не ожидал нападения в физическом плане. К тому же был занят тем, что сдерживал коня. Но тем не менее, получив несколько ударов, зарычал и потянулся к кривому ножу на поясе. Я мог бы заколоть его шпагой, но сработали боксерские рефлексy.

Отпрыгнув, я направил на него печатки.

— Завали хлебало! — рявкнул я. Не знаю, почему у меня вырвалась именно эта фраза.

Беснующийся конь, разом избавившись от магического воздействия с двух сторон, успокоился и, храпя, поскакал прочь, куда-то за машину, за пригорок.

Колдун затрясся, посмотрел на меня налитыми кровью глазами. По лицу струилась кровь, и на коже пламенели Знаки Морока.

И М-стикеров не понадобится...

Сидя на земле и трясясь, колдун медленно вынул из ножен кинжал. Он продолжал смотреть на меня, но не тяжелым презрительным взором, как поначалу, а загнанным, испуганным. В этом взоре было неверие. “Как такое могло произойти?” — спрашивал этот взгляд. Он замычал, но разжать челюсти не сумел. Потом резким движением вогнал кинжал себе в глаз.

Я поморщился, но не отвернулся.

Колдун выдернул клинок трясущейся рукой и снова ударил — туда же.

Наконец выпустил кинжал и завалился назад. Челюсти у него расслабились, рот раскрылся, и я услышал выдох, как от облегчения. Из глазницы хлестала розовая артериальная кровь, пачкая пожелтевшую траву.

БОЕВОЙ РЕЖИМ ОТКЛЮЧИТСЯ ЧЕРЕЗ 8... 7... 6...

Я повернулся к рыжему и черному, уже понимая, что не успею ушатать сразу обоих. Контроль над конем с М-стикером был утерян — конь убежал слишком далеко, и, кажется, М-стикер отвалился. Боевой режим сейчас выключится, и от стрел мне не увернуться. Кира лежит без сознания. Гончие так и не набросились на меня, но могут разорвать меня в любое мгновение.

БОЕВОЙ РЕЖИМ ОТКЛЮЧЕН

Я уставился на двоих Отщепенцев. Они тоже таращились на меня во все глаза. Без испуга, но и без ненависти. Скорее, с одобрением.

— Довольно! — сказал рыжий. — А ты молодец! Завалил Гришана и его боевого коня!

Оба Отщепенца одновременно спрыгнули с коней, подошли к мертвецу, поглядели на него секунду. И принялись раздевать.

Мне было плевать на то, чем они занимаются. Психи полные! Я поспешил к Кире, которая уже приходила в себя. Помог отыскать в пыли свалившиеся очки. Она протерла линзы плащом и надела очки, сев прямо на земле.

— Я в порядке, — прошептала она, шаря глазами вокруг. Отщепенцы увлеченно раздевали мертвого товарища, не обращая больше ни на что внимания. — Что творится?

— А хрен его знает! Больные на всю голову!

К нам широким шагом подошел рыжий. Он был высок, выше меня на полголовы. Улыбаясь, протянул мне сложенные шмотки рыхлого колдуна, включая доспехи и окровавленный кинжал.

— Это теперь твое! — объявил он.

Я принял “подарок”, взял кинжал, а остальное швырнул под ноги. До меня медленно, с трудом, доходила суть произошедшего. Я — самый обыкновенный парень — стал колдуном, который победил уже второго мага! Случайность? Везение? Если везение, то когда оно кончится?

— Ножик я возьму. Но это барахло мне не нужно.

— Как хочешь. Твое право. Отдаешь его мне?

Я приподнял брови. У них дефицит со шмотьем, что ли? Или в одежде колдуна есть что-то ценное? Витька не одобрил бы такой шаг.

— Да, — все же сказал я.

— Благодарю тебя, — серьезно сказал рыжий и протянул руку. — Меня зовут Викентий, а это Франсуа. — Он показал на молчащего до сих пор черноволосого спутника. — Ты победил Отщепенца в честной схватке и теперь ты — один из нас. И все, что принадлежит Гришану — твое. Его кони, скот, хата, наложницы и дети.

***

Сложившаяся ситуация категорически мне не нравилась, несмотря на упомянутых наложниц, которые достались мне “в наследство” от убитого Гришана Рыхлого. Но поделаться с этим я ничего не мог. Выдохся. Если б Викентию и Франсуа приспичило захватить нас с

Кирой в плен, нам бы нечего было им противопоставить.

Однако Отщепенцы не нападали. Это и тревожило, и радовало. Тревожило, потому что это могло означать, что для нас заготовили еще большую гадость, а радовало, потому что у Отщепенцев, по всей видимости, есть свои “понятия”, кодекс чести, “бушидо”.

Как бы то ни было, сражений больше не намечалось. И то хорошо.

— Ви зрили йии давно, — сообщил Франсуа, впервые заговорив на моей памяти. — И агнию воскурили.

Я уже худо-бедно понимал их “южный диалект”. Кажется, он сказал, что со своими спутниками спалил нас с Кирой давно и “воскурил” огонь по этому поводу. Видимо, чтобы уведомить кого-то еще.

Встрял рыжий Викентий:

— Француа не говорит на северном языке. Как и большинство Отщепенцев. Придется тебе выучить язык, бро.

Меня удивило это “бро”, но удивление от усталости и пережитых страстей долго не продержалось. Станный у них язык. И не чистый, как сибирейский, раз в нем есть такое слово, как “бро”.

— Твоя женщина сказала, что вы хотите прирастать... то есть стать нами... — продолжил он.

— Она не моя женщина, — поправил я. И покосился на Киру.

Викентий нахмурился.

— Тогда она тоже должна пройти испытание.

— Сражаться с вами?

— Да. А до этого она не пересечет границу наших земель. Можем сделать это прямо сейчас.

Он отступил и положил руку на рукоять сабли.

— Как она с вами сразится? Ты же колдун! То есть ведун! Вы оба ведуны!

— А она — нет? — зачем-то уточнил Викентий, хотя, как я подозревал, знал, что у Киры нет магических способностей. Он должен чувствовать. Наверное, ему надо было услышать это от нас самих.

— Нет.

— Плохо. Отщепенцы все — ведуны. Ей запрещен вход.

Я подумал. И сказал:

— Ну и черт бы с вами. Мы поедем своей дорогой!

“Не очень-то и хотелось, — добавил я про себя. — Придется только и заниматься, что сражениями и болтовней на странном языке”.

Все же охватила досада. Столько времени стремиться к ним, и вот когда они совсем рядом, наткнуться на какие-то мутные проблемы!

Но ничего. Зато Республика Росс рядом. Надеюсь, в ней обитают не разумные Уроды или какие-нибудь замороченные бедолаги, целыми днями впахивающие на заводах по производству мусоровозов и квест-камер для Вечной Сибири во славу Детинца.

— Как далеко ваши земли? — спросила Кира.

Викентий махнул рукой на дымный столб, который изрядно посветлел и поредел.

— Вот, рядом.

— А где Республика Росс?

Похоже, она мыслит в том же направлении, что и я...

— Неделя пути на запад, — сразу отозвался рыжий. — Верхом. На вашей машине — не знаю. Но дорог здесь нет. Кроме магнитной дороги россов.

Магнитная дорога!

Кира обратилась ко мне:

— Давай посетим Отщепенцев, посмотрим, подумаем, стоит ли оставаться. Чтобы зря не ездить далеко.

— Тебе же запрещено! — изумился я.

— Сделай меня своей наложницей, — без тени улыбки предложила Кира
Огнепоклонница.

У меня сам собой разинулся рот.

Кира добавила:

— Фиктивно.

Я хмыкнул и вздохнул. Спросил рыжего:

— А если мы захотим уехать, нас будут задерживать?

— Отщепенец — человек свободный. В мирное время он ходит куда угодно.

— А в военное?

— В военное он должен выполнять долг. Тогда мы даем присягу перед Советом Становищ.

— Сейчас какое время — мирное или военное?

Викентий рассмеялся и с сожалением ответил:

— Мирное...

Я на секунду задумался.

Гончие ходили вокруг околевшего коня, нюхали лужу крови. Иногда подбегали к голому телу Гришана, про которого все забыли, как только он умер.

Посетить Отщепенцев — безусловно риск. А что в Поганом поле не риск? При свете дня по нему разгуливают колдуны, мороки и огнепоклонники, ночью до тебя хотят добраться Уроды, Лего, вампиры и гигантские кресты, словно вырвавшиеся из ночных кошмаров. Если Отщепенцы окажутся сбродом мерзавцев, а в Республике Росс тоже обнаружится какая-нибудь дичь, я вернусь к Решетникову и буду жить рядом. Если чокнутый дед не будет против. Заодно научусь у него, как управлять Поганью.

Я еще раз вздохнул. Я сильно ослаб и мечтал подремать в тенечке часиков восемьдесят.

Поглядел на Киру.

— Ну что, сгоняем в гости к Отщепенцам?

***

Черноволосый Франсуа остался на месте нашей эпохальной битвы рядом с павшей от моей шпаги ни в чем не повинной лошадкой и далеко не таким невинным колдуном. Быстро сложил костерок из сухих веток от корявых кустов и поджег с помощью огнива и трута, извлеченных из кармана. Дым вызовет подмогу из патрулирующих округу групп, и они унесут лошадиную тушу и труп Гришана. Из одного наделают колбас, а другое похоронят. Я надеялся, что не перепутают.

Я сел за руль, Кира вскочила на лошадь. Впереди поскакал Викентий, возле него носились гончие.

“Запомнить местонахождение!” — велел я апгрейду.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В АРХИВНОЙ ПАМЯТИ

Если не слóжится с Отщепенцами, вернемся к шестиугольно-магнитной дороге и поедem в Республику Росс. Что-то подсказывало, что не сложится. Но не следовало настраиваться на пессимистический лад. Еще рано. К тому же сюда так мечтал попасть Витька. Я просто обязан выполнить эту мечту, пусть даже его рядом нет.

К сигнальному дыму, который таял и растворялся в синеве все сильнее, тащились битых полчаса, если не дольше. Степь усеивали колючие кусты, корни которых удерживали почву, тогда как грунт между кустами размывался редкими, но все же иногда идущими дождями. Издали эти торчащие на миниатюрных холмиках кусты выглядели как прыщи на коже гиганта. Несмотря на широкие колеса и хорошую амортизацию, мусоровоз передвигался медленно, трясясь на кочках и раскачиваясь. Не разгонишься. Мои конные спутники тоже не спешили, хотя я подозревал, что по такой местности перемещаться на коне куда сподручнее, и при желании Викентий и Кира могли бы ускориться.

Я коротко посигналил, и ехавший впереди рыжий Викентий обернулся. Когда он поравнялся с кабиной, я выглянул в открытое окно, крутя баранку одной рукой. Кира тоже подъехала.

— Сколько всего Отщепенцев? — спросил я, без труда перекричав негромкий гул двигателя.

Викентий ухмыльнулся. На его дочерна сгоревшем на солнце свирепом лице с белесыми бровями и ресницами, холодными голубыми глазами и длинной рыжей бородицей с вислыми усами улыбка смотрелась странно и, я бы сказал, неаутентично.

— Никто не считал. Да и зачем оно?

Он избегал прямого ответа. Понятно. С чего он должен отчитываться перед первым встречным, пусть и номинально принятым в ряды “своих”?

Но Викентий внезапно продолжил:

— Там, куда едем, человек с полсотни есть. Но это только одно становище. Вверх по Танаису еще много таких становищ есть. И вниз по течению тож. До Мутного моря аж. И сверху за горами наши кочуют.

Если и врет, то, конечно, преувеличивает. Показывает, насколько неисчислимы и сильны Отщепенцы. В сущности, мне чихать на то, насколько они сильны. Спросил просто из любопытства: это сколько же народу желает вести образ жизни Отщепенца? Получается, много.

— Что такое Танаис? — спросил я. — Река?

— Река. Не слышал?

Я помотал головой. С географией Поганого поля у меня дела обстояли туго.

Степь как-то незаметно становилась все более зеленой и, кажется, шла на понижение. Мы спускались в низину с более пышной (хоть в целом и убогой) растительностью. Впереди маячила гряда невысоких холмов, на одном из которых затухал сигнальный костер.

— Викентий, — снова заговорил я, — что за магию... ведунство ты использовал?

— А? Веды Форм.

Он ухмыльнулся и показал ладонь с ромбовидным глазом. Потом провел пальцами по груди, видневшейся в расстегнутом вороте и сплошь разрисованной геометрическими фигурами.

Я впервые о таком слышал. Что еще за Веды Форм? Веды — это он так магию называет? А Формы — это Знаки? Мне не хотелось задавать лишних вопросов и показывать свое

полное профанство в плане магии.

— А на объекте... то есть на человеке, которого собираешься заколдовать, не должно быть этих Форм?

Викентий, покачивающийся на коне рядом, насмешливо покосился на меня.

— Форма всегда есть. На каждом человеке, на коже. Только маленькая, просто так не разглядишь. На коже много форм разных, очень много, и часто они совпадают с Ведами, понимаешь? Главное, чтобы четкая Форма была на ведуне изображена, тогда он и колдовать сможет с любым человеком. А то и животным. Мы вот, конями-лошадьми управляем, как хотим. И еще разной животиной по надобности. У них на шкуре под шерстью тож форм немерено.

Стало понятно, как Гришан натравил на меня грузовых коней и почему Отщепенцы не привязывали их.

Идея использовать естественные морщинки и складки на коже как Принимающий Знак меня восхитила. Значит, не надо лепить к противнику М-стикеры! Круто!

Помявшись, я прямо спросил:

— Как можно получить эту магию... то есть Веды Форм?

Ожидал, что Отщепенец начнет выкобениваться, уходить от ответа. Но Викентий удивил:

— Доказать надобно, что достоин Вед, вот и все. Пройти испытание!

Я открыл рот, чтобы поинтересоваться, что это за испытание, но мы поднялись на холм, где тлел сигнальный костер, и перед нами открылся живописный вид. Широкая спокойная река, зеленая долина, деревья — одинокие, стоящие группками и сбившиеся в чащи — и множество домишек. С такого расстояния их форму не разглядишь, но вроде бы они круглые как шатры. Или это шатры и есть?

Ниже по течению (справа от нас) паслись табуны лошадей. По зеленым берегам рассыпались козы, в реке чернели точки — гуси и утки.

Возле домиков сушилось белье, слышались голоса людей, дымили костры. Их дым был светлым и полупрозрачным, сливающимся с закатными небесами. Один такой дымок мы с Кирой увидели вместе с сигнальным.

Домиков было много, штук тридцать. И здесь живет полсотни человек? Видимо, Отщепенцы предпочитают жить в одиночестве.

Почему-то было ясно, что это именно становище — временное селение. Номад-стайл, если хотите. Когда скотина сожрет всю траву, а люди засрут все, что только можно, народ соберет барахло и переедет в другое место.

На глаза попался гибрид трактора и комбайна — в точности такого, на котором работала Аня. Он стоял у самой воды, за группой домиков.

Отщепенцы обрабатывают землю? И у них есть комбайны, произведенный, судя по всему, в Республике Росс?

— Почему вас называют Отщепенцами? — спросил я Викентия, остановившегося и наслаждающегося видом родных пенатов. Мы с Кирой тоже остановились.

— Потому что мы отделились, отщепились от всех человеческих обществ! — пояснил тот торжественно. — У всех у них несправедливая иерархия.

Меня поразило не столько само рассуждение, сколько то, что Викентий знает слово “иерархия”. Может, в становище есть библиотека и Кира найдет то, что ищет?

— Не понял, — растерялся я.

Викентий пригладил усы и принялся объяснять.

— Ну, в каждом обществе есть иерархия, понимаешь? Кто-то главнее, а кто-то нет. И эта иерархия почти всегда несправедлива. Почему кто-то командует, а кто-то должен подчиняться? Потому что старше? Сильнее? Мудрее? Во все времена командовали не самые сильные, не самые мудрые и не самые старые.

Он сделал паузу, и я спросил:

— А кто же тогда? Самые хитрые?

— Почти угадал. Но одной хитрости мало. Еще нужно страстное желание править. Хитрые властолюбивые ушлепки правят всеми обществами на Земле. Вот!

Он был доволен своей короткой лекцией. Невесть какой велосипед он открыл, конечно, но слушать было занятно.

— А вами кто правит?

— Совет Становищ. А в нем — самые сильные ведуны.

“Ведунократия, — подумал я. — Или магократия, власть волшебников. То же самое, что и власть сильных, как в первобытных племенах. У кого больше магическая дубинка, тот и правит”.

В прошлой жизни (настоящей или выдуманной — неважно) я читал книгу про колдунов. Там отчего-то считалось, что чем сильнее маг, тем он мудрее. Мол, магическая сила помогает прозревать реальность. Может, в этом есть резон? С другой стороны, хитрые властолюбцы есть и среди колдунов. Они-то могут пробиться к вершинам власти и без значительных сил, за счет подлости и хитрожопости.

— И какие из них правители?

— Нормальные. Мы ведь воевать любим. А самое лучшее оружие — ведунство. А кто сильный — выясняется в схватках.

— Хм. А допустим, к власти приходит сильный ведун, но со временем среди молодежи появляется еще более сильный. Но старый ведун от него как-нибудь избавляется — хитростью или с помощью своей дружины... Что делать в таком случае?

— Потому о своей силушке надобно до поры до времени помалкивать! — рассмеялся рыжий. — Раз в год на праздник Первого Урожая каждый Отщепенец вправе вызвать на ведунскую дуэль любого советника. И дуэль должна состояться сразу же, без подготовки. Если молодой или молодая победит, займет место в Совете.

— То есть для советника вызов будет неожиданностью? И он не успеет провернуть какую-нибудь интригу? Интересно! Но получается, что быть советником у вас не так уж и легко: каждый год приходится сражаться с каждым желающим!

— А как же иначе? Власть — тяжелое бремя, и об этом надо советникам напоминать регулярно. Если же советник всех побеждает, то его нельзя вызывать на дуэль весь год. А в целом нами таким способом всегда управляют самые сильные ведуны. Я и сам как-то был в совете годик...

— А потом?

— А потом проиграл в дуэли, — вздохнул Викентий.

— Так проигравшего не обязательно убивают?

— Не обязательно. Это ж людей не напасешься! Но иногда бывает, что и насмерть дерутся.

— Недолго, видать, советники сидят у власти?

— Недолго. Но это ж хорошо. Власть, как и вода, должна меняться. Иначе застоится и

завоняет. И община ослабеет.

Я фыркнул. Магическая, мать ее, демократия! И в чем подвох?

— Совет-то лишь в военное время нами управляет, — добавил Викентий. — Ты этого еще не забывай. Отщепенцы не любят власть вообще никакую. В мирное время сами все решаем, всем становищем, по мере надобности. Один совет только во время битвы хорош, а в мирное время чем больше голов, тем лучше.

— Анархия, значит, у вас...

К нам галопом неслись три всадника — патруль. Вероятно, Викентий остановился не просто так, видами полюбоваться, а ждал патруля. Он поехал к ним навстречу, а к моему окну приблизилась Кира. Она внимательно и немного тоскливо оглядывала походные шатры и блеюще-мычащую скотину.

— Как думаешь, Олесь, у них есть библиотека? — без надежды спросила она.

— Разве что небольшая, — уклончиво ответил я. — Они кочуют, а кочевникам книги с собой таскать — лишний гемор.

Кира скривилась, дернула головой, откидывая неровную челку.

Я вполне разделял ее чувства. Отщепенцы — это кочевники-скотоводы, помешанные на магии. Что мы у них забыли?

— Останемся у них ненадолго, — сказал я. — Если ты не против. У них занятная магия.

— Планируешь научиться?

— Да. Ее надо перенять. Кажется, я понял, куда мне двигаться. Раньше я хотел вернуться домой, потом выяснилось, что дома у меня нет. А теперь я неожиданно понял свою цель: стать сильным магом и вернуть Витьку. Как только научусь Ведам Форм, поедем в Республику Росс. Ты со мной, Кира?

Она пожала плечами.

— Только обещай, что не будешь долго учиться.

— Обещаю, о моя наложница! — хихикнул я. Юмор иногда у меня проявлялся удивительно не к месту.

Кира отвернулась и отъехала.

А я подумал:

“Моя цель: собрать все допарты, какие только попадут в поле зрения и какие выдержит мой СКН. Проапгрейджусь по самую маковку. Найду Витьку. А дальше будем жить-поживать. В Поганом поле лучше быть сильным магом, чем слабым человеком”.

Глава 2. "Если б я был Гришан..."

Я не вылезал из кабины, пока патруль о чем-то перетирал с Викентием. Затем патрульные подскакали к нам, но без агрессивных телодвижений.

— Хайло! — сказал я, высунувшись из окна.

— Хайло, — отозвались они.

От них тянуло потоком волшбы — сканировали меня, наверное. Их радар наткнулся на мой собранный в хвост "экран", и Отщепенцы переглянулись. Развернувшись и крикнув "Хурр!", они поскакали назад, к реке, на берегу которой раскинулось становище. Досматривать машину не стали, а зря: оружия там хватало. Видимо, Отщепенцы не особо страшатся оружия, им важнее способности самого ведуна.

Викентий махнул нам рукой, чтобы следовали на патрулем, и помчал к реке.

Я включил двигатели и нажал на акселератор. Индикатор чудо-батареи привычно показал сто процентов зарядки. Мусоровоз покати́л вниз по пологому склону, переваливаясь на кочках и колдобинах и сминая траву с кустами, а Кира рысью двинулась рядом, как рыба-лоцман возле белой акулы.

Вблизи становища проявились разнообразные сельские звуки: бляение, мычание, ржание, кукареканье, кряканье и гоготание. Загоны для скота и курятники располагались на отдалении, но запах оттуда долетал крепкий. Как ни странно, отвращения он не вызывал.

Между шатрами из какой-то плотной бесцветной ткани ходили люди — на вид обычные. Одеты все были в просторные штаны, удобные для верховой езды, рубахи, сапожки из мягкой кожи. Некоторые мужчины и женщины носили платки на манер пиратов Карибского моря. Сначала мне показалось, что у многих слишком темная для загара кожа, и решил, что здесь много мулатов вроде Франсуа, но ошибся. Правда несильно. Мулаты здесь были, так же как и азиаты и лица кавказской национальности, но смуглость объяснялась и густым узором тату прямо на лицах, руках и всех открытых участках кожи.

Не все были татуированы — я заметил людей с девственно чистой кожей.

Проводив меня до становища, патруль без лишних слов умчался назад, а Викентий остался. Я "припарковал" мусоровоз на просторном пустыре между загоном для коз и большим шатром с длинной коновязью.

Я вылез наконец из душной, несмотря на распахнутые окна, кабины и чуть не наступил на "бомбу". Землю усеивало конское говно. Здесь его было выше крыши, а уборкой пустыря Отщепенцы себя не утруждали.

К моему недоумению, мусоровоз ажиотажа не вызвал. Я думал, что вокруг образуется толпа любопытных туземцев, которые будут щупать машину, тыкать пальцами в колеса и ковыряться во всех щелях. Но ничего подобного не случилось. Нас с Кирой будто игнорировали — бросали короткий взгляд и шли себе дальше по своим делам. В походках Отщепенцев и Отщепенок чувствовалась кошачья грация и ленивая расслабленность. Этаким гордый народец, знающий себе цену.

Дети вели себя более раскованно и естественно, но тоже не приближались и подолгу не пялились.

Нетатуированные личности просто так не гуляли. Они трудились. Таскали корзины, мешки, мыли в корытах на деревянных козлах посуду и стирали белье. В общем, вкалывали. А татуированные прохлаждались. Максимум, что они делали, насколько я понял, это

ухаживали за лошадьми.

Я и без СКН догадался, что татуированные — ведуны, а люди с чистой кожей — наложники и наложницы, прислуга и логистика. Одним словом, маглы.

Интересно, а как я выгляжу в их глазах? У меня нет ни одного самого задрипанного тату, но мое “ведунство” они чувствуют.

В одежде тоже бросилась в глаза одна особенность. Отщепенцы-ведуны одевались почти одинаково, без различий на пол, в шаровары и рубахи из тонкой ткани. Цвет был разный, но в целом не слишком яркий, пастельных тонов. Рубахи иногда заправлены за широкий пояс (как у меня), иногда висят навыпуск. И мужики, и бабы иногда носят серьги, причем не только в ушах, но и носу. Волосы у всех одинаково длинные, заплетенные в косы.

Отличия в прикидах все же были, но сразу их было не заметить. Женщины часто укладывали косы вокруг головы или сворачивали их в хитрые петли и не выбривали виски. Ну и бород, само собой, не носили. Зато носили бусы из ярких камешков, браслеты на руках и ногах и прочую бижутерию. Я был бы не прочь рассмотреть эти браслеты вблизи: нет ли на них Знаков...

Маглы же одевались иначе — более привычно для меня. Женщины красовались в сарафанах, платьях и юбках, мужики — в более узких штанах и рубахах, как правило, без рукавов. Наверное, маглам ездить верхом не полагалось, а полагалось стирать, убираться и вообще, вкалывать по-полной.

М-да, сословное неравноправие и здесь...

Зной шел на убыль, вечерело, солнце раскаленным подрагивающим в струях марева шаром заходило за сверкающий изгиб реки ниже по течению.

Кира спешила и мрачно отмахивалась рукой от атаковавших ее мух. Ко мне они тоже лезли. Где скотина, там и мухи, слепни и оводы.

— Вот тот шатер — Гришана, — пояснил Викентий, пока я тщательно запираю машину. — Он теперь твой.

Я поглядел на большой, вытянутый вширь шатер из неприглядной зеленоватой ткани. Сбоку к нему притулилась палатка поменьше; кажется, между большим и малым шатрами был проход. Своего рода двухкомнатная квартира. Таких шатров в становище, судя по всему, было много, поэтому Гришана нельзя было назвать ни особо богатым, ни бедным. Или же все Отщепенцы жили примерно одинаково, не возвышаясь друг над другом.

Перед занавешенным входом в шатер стояли столики с посудой и солнечная печь, похожая на спутниковую антенну с зеркальной внутренней поверхностью с казаном вместо облучателя. Рефлектор собирал световую энергию и фокусировал на казане — готовь, что хочешь, и никакого костра не надо. В здешних краях недостатка в солнце не бывает.

Викентий уверенно пошел к шатру, и я последовал за ним. Кира идти не спешила, освобождала лошадей от уздечек, стреноживала ноги, гладила по шее.

Подойдя к солярной печи, я наклонился и прочитал на внешней стороне мелкую надпись: “Сделано в Республике Росс”.

Ничего удивительного. Не сами же дикие дотракийцы соорудили этот гаджет! За всеми мало-мальски сложными техническими штуками в этом мире стоит загадочная Республика Росс. Ну, или один чокнутый ученый с манией величия.

Из шатра выглянул мальчишка лет восьми и тут же пропал. Спустя пару секунд вышли две молодые женщины в просторных, скрывающих фигуры, сарафанах. Одна — смуглая азиатка с детским личиком и миндалевидными глазами. Другая — блондинка-европейка со

светлыми, почти незаметными, бровями. Обе без признаков макияжа и без татух. Женщины глянули на нас исподлобья и дружно опустили глаза. Пацан выглядывал между ними, но не высовывался.

— Это твои наложницы, — сообщил Викентий, хотя я и так это понял.

Я перехватил взгляд азиатки, брошенный на кривой клинок Гришана, заткнутый за мой пояс. Викентий сказал что-то женщинам очень быстро на южном наречии. Что-то вроде: “Григорий закричился, латере с йиим буде новый пано”.

Закричился — это закручился? Здесь так говорят, когда человек выбивает кинжалом себе мозг через глазницу?

Неважно. Главное, записывать на нейрочип все новые слова. Смысл разберем позже.

Если Викентий и поведал наложницам о смене хозяина, то реакция была более чем сдержанной. У азиатки дрогнули брови, а блондинка чуть вытянула губы — и только.

— Пано! — хором, словно тренировались до этого, сказали они, обращаясь явно ко мне.

Я моргнул. В первый миг почудилось, что они назвали меня по фамилии — Панов. Но это было невозможно. Скорее всего слово значило “господин”.

А потом азиатка добавила, повернувшись к Викентию, но не поднимая глаз:

— Могу ас логос задавать?

— Задай, Азалия, — разрешил Викентий, добродушно глядя на нее с высоты своих двух метров.

— Ас мыслию, счо Григорий в ведовской ратьбе пал?

Я перевел взгляд с Азалии на блондинку и успел заметить, как она с интересом смотрит на меня. Поняв, что поймана с поличным, она снова опустила глазки, а уголок губ подняла. Она со мной уже кокетничает!

— Пал, — подтвердил Викентий без малейшей грусти. — Се была ратьба знатная и честная. Ви с Франсуа сами зрили. Допреж у йии Григорий был, латере — се новый ведун.

“Латере” — это “позже”, отметил я про себя, записывая лексику на СКН. От английского “later”, поди, происходит. Тут англицизмов видимо-невидимо. А “ви” — это вовсе не “вы”, как может показаться, а “we” — мы.

— Олесь, — представился я.

Мои новые наложницы синхронно поклонились. Хором повторили:

— Пано!

Я оглянулся на Киру — она поила лошадей у корыта с водой. На нас не смотрела, но что-то подсказывало, что за миг до того, как я обернулся, она прямо-таки сверлила нас взглядом. Хотя, возможно, это мои фантазии.

— Азалия, — назвалась азиатка. Это я уже знал.

— Катерина, — пролепетала блонди.

Няшками-милашками они притворялись профессионально. Я это чуял почти что без магии, и мне нравилось.

Наложницы снова заговорили хором:

— Благожелаем ви пану Олесю процветания и мощи ведовской и счоб с виим дюже полезно живился.

Тут я не совсем врубился и вопросительно глянул на Викентия. Тот пояснил:

— Так им положено говорить, наложницам-то. Желают тебе процветания, силы ведовской и чтобы с ними хорошо обращался.

— Я и не собирался их обижать! Гришан с ними плохо обращался, что ли?

Азалия и Катерина заметно вздрогнули при звуке имени Гришана. Или мастерски притворились, что испугались.

— Гришан когда не в духе был, громил все и всех подряд, — неохотно протянул Викентий.

Я откашлялся и обратился к наложницам, задействовав СКН с записанной лексикой:

— Ас с йиим жититься стану дюже полезно.

(“Я с вами обращаться буду очень хорошо”.)

Девушки заулыбались, но улыбки были немного дежурными, как у вышколенных официанток или администраторов гостиниц на ресепшене. Возможно, их тяжелый опыт подсказывал, что верить мужикам-Отщепенцам не стоит. Мне сразу захотелось доказать обратное, хотя я и не планировал задерживаться.

Викентий прервал поток моих размышлений:

— Сильно не балуй, не то на голову сядут. Если под бабские чары попадешь, ты больше не ведун. Ведун сам чары на всех насылает, а не под чарами живет. Потому у нас Отщепенец с Отщепенкой семьи не строит, как среди других племен. На сене помилиться — это одно дело. А чтоб семья... Нет. А с наложницами или наложниками дело другое. Они как лошади — любим их, но и упряжь не снимаем, не то задуреют. Понял, бро?

— Понял, — машинально сказал я, пораженный внезапной лекцией по психологии рабовладения.

“А если я вот сейчас послушаюсь тебя, Викентий, то тогда я тоже не ведун?” — вертелось на языке, но я сдержался. Бро дает добрый совет другому бро, тут послушать не впадлу.

Я снова обернулся на Киру. Огнепоклонница закончила возиться с лошадьми и смотрела, поднеся ладонь козырьком ко лбу, вдаль, на речной простор, где качались лодки рыбаков.

— Со мной еще... моя спутница, Кира.

Девки ее срисовали, еще когда я оглядывался в первый раз. Никаких эмоций не показали, но я уловил неприязнь. Блин, мне теперь в этом балагане жить? Надо в срочном порядке избавляться от непрошенного серала.

— Твоя наложница Кира будет жить в другой хате, — встрял Викентий. — Вместе с Азалией и Катериной.

И тыкнул пальцем на “пристройку” к основному шатру. Я мысленно сделал “фэйпалм”. Если я хоть заикнусь Кире об этом, то к утру тут будет три трупа. Четыре, если Викентий попадется по руку. И никакая волшба не поможет.

— У нее свой шатер есть, — равнодушно сказал я.

Викентий заржал, откинув голову назад, отчего стал похож на антропоморфного рыжего коня еще сильнее, чем прежде, хотя куда уж дальше.

— Да пусть хоть в твоём гарбовозе живет! Ты сам решаешь, бро.

“Гарбовозе”? Это от слова “garbage” — “мусор”? И как дикий степняк узнал, что это мусоровоз, а не что-то иное? Определенно Отщепенцы имеют сношения с Республикой Росс!

Отщепенец, видимо, устав со мной нянчиться, похлопал меня по плечу, сказал:

— Сегодня отдыхай. Завтра перед Советом представишься.

И ушел широким шагом.

***

Я отодвинул занавеску и вошел в темный шатер не без опаски. Азалия и Катерина

шмыгнули следом и засуетились, накрывая на круглый стол с короткими ножками, за которым полагалось не сидеть на стульях, а возлежать на матрасах, как это делали римские патриции.

В шатре было бы душно, если бы ткань на противоположных сторонах строения не подвернули на несколько сантиметров. Так что легкий сквознячок был весьма кстати. Свет закатного солнца просачивался сквозь узкие щели между полосами из ткани, образующими куполообразную крышу. Черт знает, как возвели эту “хату”, но явно не как обычную палатку и даже не как миниатюрный шатер Киры.

Слева от хаты под полупрозрачным балдахином раскинулось широкое спальное ложе на гряде одеял. Невольно подумалось, что на этом сексодроме можно кувыркаться одновременно с тремя наложницами, и еще для четвертой место хватит. Представился рыхлый Гришан с Азалией и Катериной, и меня замутило. Фу, гадость!

Ребенок бесследно испарился, зато за ложем я увидел занавешенный проход, ведущий в “пристройку” — то есть сераль. Наверное, там спрятался, бедняга.

Справа стоял массивный деревянный сундук, на стенах развешаны луки и колчаны со стрелами — то ли настоящими, то ли декоративными.

Не зная, чем себя занять, я заглянул в сераль. Там все было очень тесно, но по-своему уютно. Свернутые в рулоны матрасы и простыни, на которых ночью спят мои наложницы и не мой ребенок, сундуки поменьше того, что был в основном шатре, большое зеркало с полками, аккуратные стопки тряпок и одежды.

Мальчишка сидел на коврик и тихонько играл в деревянные игрушки, изображающих лошадей и человечков. И ни тебе компа, ни завалящего тетриса. Деревянные игрушки — подумать только! Хорошо хоть, что к полу не прибиты, да и то потому, что пола нет, а коврик постелен прямо на землю. Даже в Вечной Сибири условия для детишек и то лучше, чем здесь. С ума сойти!

Когда я заглянул, пацан вздрогнул и напрягся. Я улыбнулся ему и вышел, успев заметить, что мой интерес женской половиной здорово напряг и наложниц. С опозданием дошло: они реально боятся, что новый “пано” запросто зашибет чужое дите. На кой молодому льву конкуренты в виде львят от прежнего, убитого царя зверей?

— Дите порогу не преступит! — тонким голосом выдавила Азалия. Дескать, ребенок мешать не будет, не трогай его. Пацан, скорее всего, ее, судя по темным волосам и азиатским чертам.

Я подумал, что вздумай Гришан или другой Отщепенец, будучи не в духе, завалить пару детей или наложниц из категории “маглов”, ему за это не будет ровным счетом ничего. Здесь нет ни судов, ни омбудсменов. Все права у Отщепенца, а наложницы — его собственность, с которой он вправе поступать так, как приспичит его левой пятке.

В становище быть Отщепенцем хорошо. Но что тут держит этих несчастных маглов? Я бы на их месте просто ушел в Поганое поле.

Ладно, не все ведь как я. Значит, у них есть причина оставаться и терпеть сословную несправедливость.

Я вышел из шатра на свежий воздух и обнаружил, что Кира показывает местной ребятне, как кататься на скейте по утоптанному грунту. Зачем, кстати, она таскает доску с собой? Мы уже давно не на ровных улицах Князьграда-1.

— Ну и как там? — спокойно спросила она, когда я приблизился.

Возможно, я навывдумывал про ее эмоции по поводу моего нового статуса от избытка

фантазии. Кире в общем-то плевать на такие мелочи. Она сама из дикого племени, поклоняющегося огню. У них традиции могут быть похлеще, чем у Отщепенцев.

— Варварство. У наложников без магических способностей нет никаких прав. Они как собственность.

— Люди всегда — чья-то собственность, — неожиданно выдала Кира. — Просто некоторые про это не подозревают и думают, что свободны.

— Откуда такая мысль?

— В книгах прочитала.

Я не нашел, что сказать. Кира молчала и смотрела, как трое ребят катаются по очереди на скейте. Колесики выдавливали на мягком дерне глубокие бороздки. Нормально не покатаешься, но детвору это не останавливало. Воздух наполнился синевой сумерек, а с реки потянуло прохладой.

— Пойми меня правильно, Кира... — начал я. — Я хочу получить новые допарты... То есть магические штуки, понимаешь? А потом мы уедем отсюда в Республику Росс. И дальше видно будет.

— Хорошо.

— Хорошо?

Кира посмотрела на меня.

— Я ведь говорила, что человек никогда не бывает полностью свободен. Он всегда — чья-то собственность. Своей семьи, Председателя, Президента, хозяина, работодателя, традиций, обычаев... или идеи — идеи вернуть того, кого не вернешь, как это в твоём случае, Олесь.

Я нахмурился.

— Это не навязчивая идея, Кира! Я поклялся! И это — моя цель.

— Допустим, ты вернешь Витьку, — серьезно сказала Кира, и у меня сердце пропустило удар. “Вернешь Витьку” — звучит-то как! — Что будешь делать дальше? Поставишь новую цель и будешь носиться за ней по всему Поганому полю?

— Видно будет, — буркнул я, подумав, что в глубине души не сильно-то и верю в возможность вернуть Витьку. Иначе прикидывал бы, что делать дальше. А я совсем не думал об этом. — Построим дом и будем жить. Или отправимся в путешествие. Или осядем в Республике Росс.

— Или здесь, — добавила Кира.

— Или здесь, — упрямо повторил я. — А что? Что плохого в целеполагании? У тебя тоже есть цель — найти библиотеку и зарыться в книги. Тоже мне...

— Это не цель, — перебила Кира. — Это самообман. Книги — способ убежать от реальности в выдуманные миры. Духовный эскапизм. Но сейчас я думаю, что пора принять мир таким, какой он есть, а не бегать кругами, как цепной пес вокруг будки. Это место ничуть не лучше и не хуже любого другого.

— Не для тебя.

— Зато для тебя это место лучше многих. Ты ведь ведун. И не самый слабый, раз победил Гришана.

— Я не понял: к чему ты клонишь?

— К тому, что ты не обязан идти в Республику Росс. Ты волен остаться.

Я смотрел на нее некоторое время. Дети вопили вдалеке.

— Ты что, хочешь меня покинуть?

Кира ответила не сразу. Смущенной она не выглядела, разговор ее не напрягал. Она обдумывала свои слова.

— Олесь, ты будто чувствуешь вину передо мной. А ты ни в чем не виноват. Я с тобой по своей воле, никто меня не заставлял. Если ты думаешь, что я буду ревновать к твоим наложницам...

Я скривился, как от зубной боли.

— ...то мне все равно. Мужчинам надо изливать избыток своей мужской силы... как, собственно, и женщинам, но мужчины хуже умеют терпеть неудобства, скажем так. Так что развлекайся как хочешь, я тебе не помешаю. Поставлю здесь шатер и заодно посторожу машину.

Не скажу, что ее “разрешение” и было тем, чего мне недоставало. Я подозревал, что это очень тонкий троллинг, на какой только способна начитанная женщина без особых комплексов цивилизованного человека. Мы ведь и не было парой, чего я заморочился с этими наложницами? С чего вообразил, что Кире это не понравится?

У женщин, насколько мне известно, вообще гипертрофирован инстинкт собственника. При виде потенциальной соперницы у них на бессознательном уровне поднимается шерсть на загривке, вылезают когти, и они начинают шипеть. Но я сужу по дамам из первой четверти двадцать первого века — точнее, по “квесту к буржуям”, после которого у меня амнезия и одновременно обширная ложная память.

Я почесал бороду и мотнул головой:

— Пойдем, поедим. Там на стол накрывают.

Кира особо не колебалась и не ломалась. Мы уселись по-турецки за низкий стол, заполненный тарелками с холодным вяленным мясом и жареной рыбой, деревянными чашами с кашей, пирогами и квашеной капустой. Вся эта еда была приготовлена, видимо, загодя, а сейчас просто выложена на стол без подогрева. Не знаю, где они хранили снедь на этой жаре — наверное, где-нибудь у воды или даже прямо в воде. Или у них есть холодильник с надписью: “Сделано в Республике Росс”.

Кира “официально” — моя наложница, но Азалия и Катерина не стали ее тянуть к себе в сераль, чтобы господин потрапезничал в гордом одиночестве. Сами эти двое ускользнули в “пристройку” и не давали о себе знать ни единым звуком. Гришан хорошо их выдрессировал. Появлялись они лишь для того, чтобы подлить чаю, убрать грязные тарелки и зажечь свечи, когда совсем стемнело. Причем мне чудилось, что они владеют телепатией: до того вовремя появлялись.

В этом тоже было что-то от вышколенного обслуживающего персонала эпохи буржуев.

После ужина Кира удалилась возводить свой маленький шатер возле “гарбовоза”, и меня снова на минуту охватило бесячее чувство вины. Но я сумел от него отбрыкаться, напомнив себе аргументы самой Киры. За нашу безопасность я тоже не особо волновался. Кодекс бусидо Отщепенцев, или как он у них называется, соблюдался железно, и мертвый Гришан обеспечил меня и всю мою собственность, в том числе живую, определенным иммунитетом.

Конечно, если я повздорю с кем-нибудь из местных татуированных магов, разговор приобретет новые нотки, но за весь вечер ко мне в шатер не пожаловал ни один гость, чтобы с ним можно было поругаться. Или тут не принято ходить в гости без приглашения, или я первым должен обойти соседей... Я решил повременить с хождением по гостям — по крайней мере, до завтра. Вот представлюсь Совету, заявлю о своих целях, и видно будет...

За шатром размещались “удобства” в виде обычного деревенского туалета с дырой в

полу, но с камышовыми стенами, душ с нагретой водой в жестяной цистерне и простой раковине. Я почистил зубы и помылся в душе, где нашлись огромный кусок мыла, будто отрубленный от еще большего куска, и шампунь в стеклянной бутылке без наклеек. Мыло, несмотря на устрашающий вид, пахло приятно и не щипало глазки. И шампунь оказался достойным, чтобы привести мою растительность в порядок.

Я хотел предложить и Кире помыться, но она уже забралась в шатер.

Для помывочных процедур я распустил волосы и этим лишил свой волосяной допарт экранирующих свойств. Хрен пойми, как он работает, но от телепатических атак меня защищают собственные патлы, непременно собранные в хвост или (как я предполагал) заплетенные в косу. Для косы длины волос пока не хватало, но это вопрос времени. Сейчас волосы достигали плечей — еще пара месяцев, и я обзаведусь косой, как у Отщепенцев.

Кстати, недаром все они, как и мифические волшебники вроде Гэндальфа, Мерлина и Дамблдора, носили длинную растительность. Возьмем же пример с этих достойных мужей!

В те минут десять, что я мылся в душе голый и с распущенным допартом, моя уязвимость достигла максимума. Вздумай кто-нибудь напасть, я ничего не противопоставил бы, кроме кулаков и рапиры, которую прихватил с собой. Если обзаведусь врагами в становище, придется распрощаться с возможностью принимать душ — или, по крайней мере, мыть голову нормально. Судя по запаху, исходящему от Викентия, у него таких врагов полным-полно и ему приходится постоянно быть настороже.

После удара боевого коня на груди багровел отпечаток копыта в виде ущербной луны. Кожа вокруг пожелтела. В течении недели синяк будет пламенеть всеми цветами радуги...

Я вернулся в шатер со свечой в одной руке и зачехленной шпагой в другой. В шатре — никого. Из сераля — ни звука.

Ужасно интересовал вопрос: как должен поступать уважающий себя Отщепенец, вступивший в права владения имуществом? И что сказано в неписанных должностных инструкциях приличной и трудолюбивой наложницы?

Должны ли они врывать ко мне под покровом ночи и с жаркой страстью выполнять обязанности или это я должен проявлять инициативу?

Наверное, все-таки я. С чего рабыням стараться?

“Ну, хотя бы с того, чтобы обезопасить жизнь ребенка”, — ответил предельно циничный голос в голове, и я снова скривился, как от зубной боли. Быстро же я “порчусь” в роли “пано”. Что будет через неделю? Через месяц?

Устыдившись, я отбросил похотливые мысли. Я был без секса уже черт-те сколько времени, но это меня не оправдывает. Если у меня и будет секс, сказал я себе неуверенно, то по обоюдному согласию. Наложниц ни к чему принуждать не буду.

Не сегодня.

Поставив свечу на стол, я откинул кисейный полог вокруг ложа и обнаружил, что постель перестелили. От свежих простыней исходил запах солнца и ультрафиолета. Отлично! Я бы побрезговал спать на том же, на чем и Гришан.

Я разделся до трусов, приобретенных в князьградском магазине, и лег на постель. Она была мягкая и удобная. Даже слишком удобная — я от таких успел отвыкнуть. Свеча осталась гореть на специальной жестяной тарелочке, пламя временами трепетало, и по стенам шатра сновали тени. Пискнул и умолк комар. Я поплотней запахнул полог.

Мысли переключились на Гришана. Не далее чем сегодня днем я убил его особо жестоким образом. За такое у “буржуев” упекали в тюрьму на много-много лет... если бы

суд доказал, что ударить себя клинком в глаз заставил Гришана именно я.

Этот клинок, кстати, лежит совсем рядом, под рукой, рядом со шпагой и автоматом.

Самое фантазмагорическое во всем этом то, что я совершенно не переживаю по этому поводу. Прикончил колдуна, который напал ни с того, ни с сего и, очевидно, завалил бы меня с помощью боевых замороженных коней? Ну и что? Никаких рефлексий.

Это было уже мое второе убийство колдунов в этом мире — из тех, что я помню. Жизнь до квеста мне известна только по рассказам других людей. Раньше я жил в Посаде, собирал мусор и лут (часто это одно и то же), был хмурым и нелюдимым, был любим тетей Верой и нелюбим подругой Катей. Колдунов и обычных людей я, судя по всему, не истреблял.

Тогда откуда такое равнодушие к смертям тех, кого я лично отправил на тот свет? Такое впечатление, словно убивать для меня — дело привычное.

Или я психопат без стыда и совести?

Но откуда в таком случае боль и страдания из-за смерти (смерти ли?) Витьки Смольянинова?

Нет, я не психопат. Но я убийца.

За тонкими стенами шатра раздавались разные звуки: короткое бляение, топот, негромкие голоса, лай. Но постепенно шум затихал, становище засыпало. Деревенские жители ложатся рано.

Мои мысли начинали путаться и заплетаться. Меня тоже клонило в сон.

Вдруг подумалось: эй, а наложницы-то сами ели? Я как-то не заметил. Может, им нужно мое разрешение, а я его по незнанию не дал, и теперь они лежат в серали и слушают грустные вопли пустых желудков?

Совесть меня замучила настолько, что я решил их позвать (не врваться же в гарем среди ночи!), но имя азиатки напрочь вылетело из головы, а подключать СКН было неохота. Имя второй я-то помнил. Она — тетка моей бывшей, слинявшей в столицу Вечной Сибири.

— Катерина?!

В серали зашуршало, послышались торопливые шаги. В свете огарка свечи из-за занавески показалась фигура в белом, с распущенными длинными светлыми волосами, совсем как привидение. Это была Катерина в длинном, до пола, халате... Нет, не в халате, а пеньюаре. Полупрозрачном, как марля!

Под пеньюаром, как нетрудно догадаться, была только сама Катерина.

— К йиим праву явилась, пано, — прошептала она.

Я подскочил на своем траходроме, челюсть отвалилась.

— Опачки! — вырвалось у меня. Я плохо понимал, что болтаю. — Я хотел спросить, вы с... с Азалией, да... кушали сегодня? И ребенок... не знаю, чей он...

Катерина подняла на меня прозрачные глаза со смесью легкого удивления и одобрения.

— Азалия?

— Да, Азалия. Вы с ней кушали?

Катерина промолчала, снова потупившись, зато спустя пару секунд из сераля вышла Азалия. Тоже в полупрозрачном пеньюаре на голое тело. Фигуры, надо сказать, у обеих были отменные. Я отметил, что у обеих начисто отсутствует растительность на теле. Женских станков я нигде не видел; не знаю, чем они эту растительность выщипывают в условиях кочевой жизни. Видимо, наложницы обязаны тщательнейшим образом следить за собой.

— К йиим праву явилась, пано, — выдохнула Азалия.

Что они бормочут? “К вашему праву явилась, господин?” Разве так говорят?

У Отщепенцев, похоже, говорят.

Пока я разевал рот и ворочал скрипящими мозгами, дамы отодвинули полог и на коленях подобрались ко мне. Я инстинктивно отпрянул, закрываясь простыней, но наложницы мягко толкнули меня в грудь, и я бухнулся на подушки. Катерина и Азалия улеглись, как кошечки, по обе стороны от меня и принялись гладить по животу и груди. Азалия зацокала языком, пальчиком проводя по полумесяцу синяка от копыта.

Довольно скоро их шаловливые ручки опустились ниже и взялись за дело всерьез.

“У жизни Отщепенца есть свои плюсы... — подумал я прежде, чем способность рассуждать меня не покинула. — Раньше я в групповухах-то не участвовал... Или участвовал? Не помню. Я даже не помню, был ли у меня вообще секс. Хотя у меня была девушка... Но это сейчас неважно...”

— Если б я был Гришан, — негромко пропел я, переиначив слова известной песни, — я б имел двух жен!

Глава 3. Глаза Урода

Совет становища состоялся в самом большом шатре в центре поселения. Его, собственно, и возвели специально для важных встреч. В остальное время, то есть большую часть времени, он стоял пустой, и в нем иногда играли дети. Внутри не было ничего особенного, только по кругу лежали толстые подушки для задниц заседающих особ, а перед каждой подушкой стоял маленький наклонный столик для того, чтобы делать записи. Отщепенцы, оказывается, делали конспекты заседаний!

Внутри шатер поддерживался тремя деревянными столбами с вырезанными на них на уровне головы лицами суровых бородачей и длинноволосых женщин с закрытыми глазами.

В этот шатер меня проводил после завтрака парень-магл без ведовских тату и ауры волшбы. Я не знал, чей он наложник и наложник ли вообще, и что с ним делают по ночам. Выглядел он вполне прилично, даже улыбался.

За бурную ночь мой СКН ухитрился записать немало слов южного наречия. В основном, слова из категории нежно-ласкательных и провоцирующе-грубых, но все же мой словарь пополнился. С посланцем я разговаривал уже без посторонней помощи. Прав оказался доктор Тарас Игнатьич Пономарев из моего виртуального квеста, когда уверял, что СКН поможет выучить новый язык за один день!

В целом, южное наречие относилось к славянским языкам, но с гигантским пластом лексики, пришедшим, насколько я понял, из английского и сильно трансформировавшемся под влиянием русской грамматики. “Йии”, означало “ты” или “вы” и происходило, наверное, от английского “you”, как бы дико это не звучало; “вам” или “тебе” на отщепенском языке соответствовало “йиим”. То есть окончание в виде буквы “м” в слова “вам” осталось в неприкосновенности.

Обращение Отщепенца к другому Отщепенцу в виде “бро” или Отщепенке — “сис” — и вовсе никак не изменилось и полностью перекочевало из английского. Видимо, это обращение стало международным давным-давно, еще во времена “буржуев”, так подробно отраженных в незабвенном квесте. К “маглам” так обращаться не полагалось. Зато “маглы” обращались к Отщепенцам-ведунам не иначе как “пано” (к мужчинам) или “панньё” (к женщинам). Причем обращение не имело множественного числа.

Ночь выдалась продуктивной и полезной во всех смыслах. Во-первых, был чрезвычайно доволен мой озабоченный гомункул — настолько, что впал в спячку на несколько дней. Во-вторых, я подтянул знания языка и продолжил обучение за завтраком, разговаривая с Кирой и записывая новые слова на нейрочип.

Меня сбивал с толку парадокс: Кира не знает сленговых словечек-англицизмов, но при этом свободно тарыхтит на отщепенском, в котором этих самых англицизмов выше крыши. Как такое возможно?

И я нашел ответ: скорее всего, русско-славянская грамматика с ее гибкими изменчивыми окончаниями настолько исказила английские слова, что Кира просто никак не отождествляет их с моими словечками родом из “эпохи буржуев”.

Теперь, когда гомункул уснул и мое мышление очистилось от гормональных выбросов, я сподобился посмотреть на Киру не как на молодую женщину, а просто как на человека. И вспомнил одну особенность: я не смог подействовать на нее волшбой с помощью М-стикеров (тогда еще кусочков коры с нарисованным ножом Знаком Морока), но Викентий

выбил ее из седла одним пассом...

Я делал что-то неправильно или Викентий был намного более мощным ведуном? Спрашивать Киру бессмысленно — она мало что смыслит в магии, как и я, собственно, но вот с Викентием поговорить стоит.

За завтраком же я узнал про судьбу детей, выросших в становищах. Азалия и Катерина поведали, что до пятнадцати лет дети — неважно, чьи они: ведуна или магла — воспитываются одинаково, без сословных различий. Их учат охотиться, сражаться, заниматься сельским хозяйством и прочими необходимыми для жизни в Поганом поле вещами. В пятнадцать же лет они проходят экзамен на владение волшбой. Если обнаружатся задатки мага, их учат Ведам Форм и принимают в ряды Отщепенцев. Если нет, то таким детям дорога в маглы.

Владение магией не передается по наследству, то есть магл может породить ведуна, а ведун — магла, как карта ляжет, поэтому насчет чистоты крови никто не заморачивается.

Отщепенцы-ведуны превыше всего ценят личную свободу и не создают семей, живя с наложниками или наложницами. А вот маглы семьи, как правило, создавали, хоть и не всегда. Они вкалывали на полях и в сералях, пасли скот, выполняли разную работу, но при этом получали и воинское “образование”. В становищах сражаться обязаны все поголовно, даже кони и собаки, не говоря уже о людях.

Если же человек не имеет никаких склонностей к воинскому искусству и не поддается никакой дрессировке, то его изгоняют из становищ. Говорят, таких бродяг принимают в Республике Росс, но это не точно. По мнению моих наложниц, такие бездари не нужны никому, даже странным россам.

Короче, в становищах как бы сосуществовало два образа жизни, и всех все устраивало.

— А откуда у детей нейрочип берется? — спросил я Киру. — Колдовство — это результат того, что в голове есть нейрочип, верно? В Вечной Сибири этот чип вставляют всем подряд, у них... то есть у нас даже шрамы на затылке есть... Но здесь? Почему некоторые дети владеют волшбой, а некоторые — нет?

Кира пожала плечами.

— Им не вставляют нейрочипы. Они прирожденные ведуны.

Я задумался.

— А если у них врожденный апгрейд?.. Что-то вроде генетического изменения мозга...

Кира не встречала в литературе информации о “генетических нейрочипах”, но знала, что непосредственно перед появлением Поганого поля, навсегда изменившего мир, человеческая цивилизация сделала множество открытий в сфере генетики. Так что вполне возможно, что и изобрели ненароком генетический нейрочип. Тогда возникал вопрос, зачем в Вечной Сибири парятся с обычными чипами, если есть генетические?

Ответов на эти вопросы не было...

Итак, когда я вошел в шатер, внутри на подушках по кругу восседало человек десять Отщепенцев — пять мужиков и пять женщин в возрасте от тридцати до шестидесяти. Все — сплошь в татуажах в виде геометрических и разных абстрактных фигур. Тату покрывали лица, шеи, открытые участки рук. Я почувал укутывающую этих людей волшбу. У многих были серьги в ушах и носу, а у женщин вдобавок цветы в волосах.

Кое-кого я встречал вчера, но сейчас сильно не присматривался — позже перемотаю запись и, если понадобится, рассмотрю так пристально, как захочется.

— Хайло! — сказал я.

Как и вчера, меня попытались просканировать, и, когда не получилось, попытки сразу прекратились. Несколько Отщепенцев выразительно переглянулись.

— Хайло, бро! Садись!

Они говорили, разумеется, на южном наречии, но мой СКН быстро все переводил. Если слово попадалось незнакомое, я его просто записывал и позже вычленял смысл по контексту. Я уселся со скрещенными ногами на одной из подушек спиной ко входу. Что-то мне подсказывало, что это не самое уважаемое место — место просителя, клиента или претендента на работу, если можно так выразиться.

Хотя работу надо было искать в эпоху буржуев. Сейчас все или трудоустроены, как в Сибири, или по умолчанию при деле, как у Отщепенцев.

Советники представились. Я бы не запомнил имен, если бы не нейрочип. Мужчин звали Тимур, Алихан, Рубен, Джером и Мухаммед. Женщин — Алевтина, Томирис, Люция, Тамара и Нэнси. Как ясно из этих имен, в становище царило не только гендерное равенство, но и расовое. Они и выглядели как представители разных национальностей и рас, несмотря на одинаково смуглую кожу, которая казалась еще более темной из-за густой вязи тату. У чернокожей (скорее, даже лиловокожей) Нэнси вместо кос были зловещего вида дреды, похожие на шевелюру медузы Горгоны, и в них торчали полевые цветочки.

— А где, кстати, Миша и Варвара? — спохватился Рубен, поглядев на две пустые подушки. Говорил он на южном наречии, но я уже почти свободно понимал этот язык и автоматически переводил про себя на “тру-русский”.

Большинство советников понятия не имело, где Миша и Варвара. Чуть позже выяснилось, что Миша уехал на охоту в низовья реки, а Варвара неважно себя чувствует после вчерашних возлияний. Обоих предупредили, что сегодня состоится совет, но они по разным причинам решили его прогулять.

“Бардак, — подумал я. — Это не свобода, а анархия в самом дурном смысле этого слова”.

Быстро переговорив друг с другом, советники сошлись во мнении провести совет в неполном составе. Для начала попросили меня рассказать о себе все, что я посчитаю нужным. Я кратко поведал им о своем путешествии. В детали не вдавался — не рассказал ни про ключный квест, ни про побег из Вечной Сибири, ни про Витьку. Сюда я прибыл просто потому, что захотел. Такой довод для Отщепенцев был вполне себе достаточным и резонным.

Меня спросили, желаю ли я быть в совете.

— Нет, — ответил я твердо. Этого мне еще не хватало!

Чего же я хочу сейчас, когда прибыл в становище?

— Хочу научиться вашей волшбе, — сказал я. — Ведам Форм.

Советники переглянулись. Люция, обнимая одной рукой колено, другой ковыряла травинкой в зубах и насмешливо-испытующе смотрела на меня. Точнее, лапала взглядом. Я явно был ей интересен. А вот она мне — нет. Здоровенная, широкоплечая пиратка в красной косынке, похожая на цыганку. Мои наложницы куда приятнее на вид.

— Для того, чтобы познать Веды Форм, — манерно протянула она хрипловатым низким голосом, — надобно как минимум год прожить в становище.

— Или поучаствовать в схватках, — добавил Алихан, квадратнолицый тип с густой моновью на оба глаза. — И получить при этом хорошие отзывы от соратников. Тогда год ждать не надо.

— Вы же сейчас ни с кем не воюете? — удивился я. — Викентий сказал, что сейчас мирное время!

— Серьезной войны ни с кем у нас нынче нет. Но регулярные столкновения бывают с Прикордоньем.

— Прикордоньем?

— Это одна из Секций Россов.

Он так и сказал: “секций”, будто речь шла о секции бокса. Я не совсем понял, но не стал пока что углубляться.

Алихан усмехнулся, махнул широкой ладонью.

— Это договорная война. Для развлечения, чтобы форму не терять. Считаю, сейчас мирное время и есть. Но для тебя и Прикордонья достаточно, чтобы показать себя.

Ожил Джером, самый пожилой из всех. У него были седые вислые усы, залысины и целых две седые косы чуть ли не до поясницы.

— Он может пройти Испытание. Тогда обойдемся без Прикордонья и года жизни в становище. Пусть сам добудет себе Форму.

Отщепенцы зашевелились, заговорили. Идея подвергнуть меня Испытанию пришлась им по душе. Наверное, это было долгожданное развлечение, не хуже полноценной войны.

— Какое еще Испытание? — мрачно спросил я.

— Ты должен, — сказал Джером, — добыть глаза Урода.

***

Близился вечер второго дня моего пребывания в становище Отщепенцев.

Люция, Джером, Алихан, Нэнси, трое маглов и я верхом на конях прибыли к заросшему рогозом и колючим кустарником озеру километрах в десяти ниже по течению Танаиса. Вокруг высились холмы, покрытые лесочком, состоящим из деревьев с плоскими вершинами. Среди деревьев белел раздутый мешок поганого гриба размером с трактор, не меньше. Его пульсирующую “плоть” покрывал розовый сосудистый рисунок.

— Уроды днем прячутся в грибе, — сказал Джером, подъехав ко мне вплотную. — Они там днюют. А с приходом ночи выбираются наружу.

Нечто подобное я и подозревал. Грибы, Уроды и прочая Погань образовывала специфический биогеоценоз под названием Поганое поле. В нем все было взаимосвязано.

— Мы дали тебе задание забрать у Урода глаза, потому что оно самое простое, — продолжал Джером. — Отщепенец, претендующий на звание советника, должен добыть тело Лего или зачаровать Пустого, но это не твой случай.

— У Лего есть тело? Мне говорили, что у них нет тел, поэтому они делают его из железок.

Джером хмыкнул и не ответил.

Люция, которая поставила коня с другой стороны, сказала:

— Для того, чтобы пересилить Лего или Пустого, нужны Веды Форм. Претендент уже должен быть полноправным Отщепенцем. Твоя волшба на них не подействует.

Меня пробрала мгновенная дрожь, и легкий прохладный ветерок от озера тут был ни при чем. И как только я сподобился победить Гришана, полноценного Отщепенца? Не иначе крупно повезло. А везение, как известно, долго не длится.

Монобровный Алихан поддакнул:

— С Пустым и самый умелый ведун не всегда справится. Тут нужна сила духа... И

знания Форм. Но поскольку Олесь не претендует на место советника, сойдут и Уроды.

Я не обратил внимания на его пренебрежительный тон. Не до того было. Я пытался не показать, насколько напуган. Не подобает Отщепенцу показывать свой страх. Посему я выпятил грудь и принял максимально залихватский и пренебрежительный ко всему опасному вид, будто каждый день отбираю глаза у Уродов.

Никто не потрудился объяснить, каким именно образом я должен провернуть эту жуткую процедуру, так что я подготовился со всей тщательностью. Надел все перстни Морока, за пояс заткнул М-стикеры, рапиру и кривой клинок Гришана, повесил автомат и ведьмовские мешочки.

— Сними это, — сказал Джером, тыкнув узловатым пальцем на мешочки. — Ты этим Урода отпугнешь. А должен, наоборот, притянуть.

Поколебавшись, я снял мешочки и сунул их в переметную суму.

Джером, закряхтев, вытащил откуда-то из кармана стеклянную банку объемом в четверть литра с притертой пластиковой крышкой.

— Возьми, — сказал он.

— А зачем... — начал было я, но оборвал сам себя. — Понял.

Я не представлял, что и как делать. Сперва надеялся, что во фразе “добыть глаза Урода” нет какого-либо метафорического значения, но вскоре надежда испарилась. Добыть следовало именно глаза Урода в самом буквальном смысле. Отщепенцы не из тех, кто жонглирует тончайшими коннотациями и выражается идиоматично. Они говорят прямо и четко.

Маглы (кстати, ведуны называли их просто “симплы”) развели костерок и поставили навес. Судя по размеру костра, его разожгли вовсе не для отпугивания Погани, а чтобы разогреть прихваченную с собой еду. Ждать, пока я пройду испытание, приготовились долго. Погани Отщепенцы не боялись, имея какие-то магические способы их отгонять.

Когда стемнело, ведуны выжидательно уставились на меня. Я пожал плечами, развернулся и зашагал к привязанному к кусту коню, который раньше принадлежал незабвенному Гришану. Инструкций насчет того, как все-таки уговорить Урода одолжить глаза, я не дождался. Но мне и не запрещали брать любое оружие. Пожалуй, я просто пристрелю Урода и вырежу ему зенки. Звучит омерзительно, но придется потерпеть. Мне позарез нужны Веды Форм...

— Олесь! — позвала меня Люция, эта здоровенная мужеподобная Отщепенка-ведуныя, ростом чуть ли не с меня и широченными татуированными плечами. Кажется, я ей нравился.

Я остановился.

Она подошла вплотную и положила твердую ладонь мне на плечо.

— Постарайся сразу его убить, — посоветовала она, — и вырежи глаза. Не мешкай. Подкарауль возле гриба. Иначе он убежит, и тебе придется ждать его возвращения до утра. Или бегать за ним всю ночь. Когда взойдет солнце, Урод станет ядовитым, и ты можешь пострадать...

Она улыбнулась. Наверное, она считала, что улыбается обворожительно, но, как по мне, от ее улыбки можно было бы обделаться. Если бы такая дама со свирепым татуированным лицом улыбнулась среднестатистическому жителю эпохи буржуев, он бы точно наложил в штаны. Люция понравилась бы разве что какому-нибудь людоеду с Соломоновых островов. Или любителю экстремального косплея.

— Так это не сказки? — вырвалось у меня. — То, что они становятся ядовитыми?

Люция помяла мое плечо. Ее мозолистые пальцы погладили мою шею.

— Любишь сказки? — проворковала свирепая викингша. — Я могу тебе рассказать...

Я аккуратно вывернулся из ее захвата и, улыбнувшись, сказал:

— Не сейчас. Я тут как бы занят...

Люция расхохоталась и пошла к костру, вокруг которого сновали “симпные люди” (то есть обычные; от английского “simple”) или просто “симплы”, разнося закуски и напитки.

Джером крикнул вслед:

— Коня не бери! Он напугается и подведет. Ты ведь не умеешь управлять животными!

Естественно, не умею, зло подумал я. Для управления животной нужны Веды Форм, ради получения которых я и пошел на это идиотское испытание. Нельзя было прояснить все эти нюансы заранее? У нас ведь было время. Зачем уведомлять обо всем этом в последний момент? Бардак у этих Отщепенцев, везде бардак!

“Не то что в Вечной Сибири, — заговорил циничный голосок в голове. — Там у них жесткий порядок везде и всюду. Полная противоположность анархии этих Отщепенцев. Неудивительно, отчего сиберийцы не жалуют Отщепенцев — да и никто не жалуется, если честно... Правда, если ты ведун, то жизнь в становище — настоящая сказка!”

Я сменил курс и вместо коня по щиколотку в густой траве потопал напрямик к поганому грибу в трехстах метрах от лагеря. В сумраке он казался бледным пятном в темной массе леса.

Постоянно “принюхиваясь” к потокам волшбы и прочих тонких энергий, природа которых была мне непонятна, я подошел к грибу и остановился в трех шагах. Звездное небо заслонили плоские кроны, но здесь они были не такими плотными и непроницаемыми, как в лесу Морока. Все же это небольшая чащоба на берегу озера. Мерещилось, что меня обступили невидимые и злобные тени, но чутье чипированного мага уверяло, что вокруг просто деревья. Гриб же окутывали тонкие поля (я их назвал про себя “В-токами” — от слов “волшебные потоки”), ничего мне не говорящие, кроме того, что гриб живой.

По закону подлости луны на небе не было. Новолуние. Ярко светили звезды, но от них не было никакого проку. Как и от тусклой точки костра позади. Ночного зрения нейрочип не давал — а жаль! Фонарей я с собой не взял — отпугну Урода, а мне в данном случае нужно его как раз таки подманить.

Становилось все темнее, и я начал переживать, что ничего не увижу, даже если Урод пройдет перед самым носом. Оставалось ориентировать только на В-токи. Они окружали не один гриб, но и деревья, и траву, если “присмотреться”. Неживая материя вроде земли и камней В-токи не излучала, но слабо-преслабо “фонил”. Это становилось заметно, если как следует сосредоточиться. Спустя минут десять я обнаружил, что, в принципе, могу ориентироваться даже в полном мраке, если стою неподвижно и настраиваюсь на В-токи. Стоит пошевелиться и отвлечься, “В-токовая” картина тут же испаряется без следа, и я вижу одну чернильную тьму.

Я оглянулся и не увидел костра. Его затушили или спрятали каким-то иным образом. Волшбы я не ощущал, морочить голову мне не могли. Не доносились и голоса. Мои спутники будто сквозь землю провалились.

“Видать, не хотят отпугнуть Урода”, — подумал я и вдруг почувствовал пульсацию гриба. Это был не звук, а что-то более неуловимое. Гриб при всей своей неподвижности бился, как гигантское сердце.

Я сдвинул предохранитель автомата на стрельбу очередями и стал осторожно обходить

гриб. Что же это такое? Симбиоз? Но как целая экосистема единомоментно зародилась вместе с Поганим полем? Для обычной эволюции нужны миллионы и миллиарды лет.

И как в поганую экосистему вписываются Лего? Где днюют эти непонятные роботы?

Если расстрелять, сжечь, раскурочить нафиг все грибы, подохнут ли Уроды внутри и куда пойдут с рассветом те, кто выживет? Растут ли эти грибы как, собственно, грибы после дождя?

Мое сердце стучало едва ли не громче гриба. Напряжение достигло апогея. Еще мгновение, и я начну стрелять по грибу, не дождавшись выхода Урода.

Конечно, это тоже вариант: расстрелять в хлам гриб и Урода заодно, потом долго рыться в жидких внутренностях и того, и другого в поисках глаз. И надеяться, что шальные пули не превратили глазные яблоки в жидкое дерьмо.

Что-то подсказывало, что поступи я так, Отщепенцы посчитают Испытание проваленным.

Эти соображение сдерживали меня нажать на спусковой крючок. Но никак не успокаивали. Меня начинало натуральным образом трясти.

И тут неслышная, но ощутимая пульсация разом стихла.

Гриб (я видел его в виде В-токов) с чавканьем раскрылся, как огромный мясистый и невероятно уродливый бутон. И сразу же, без паузы, из его влажных глубин выскочили сразу три Урода. Этакая монструозная тройня из великаньей матки...

Я не ждал тройни. А потому растерялся и промедлил долю секунды. Этого времени хватило одному из Уродов — он прыгнул на меня, обрызгав маслянистой жидкостью без запаха, которая напомнила мне тот момент, когда я сам выбрался (давным-давно) из квест-камеры.

Я нажал на спуск, когда под тяжестью Урода падал на спину. Очередь болезненно резанула по барабанным перепонкам, вспышки выстрелов осветили искаженную, с оскаленной пастью, бледную рожу, отдаленно похожую на человеческую. Пули все благополучно ушли в небо.

“Включить боевой режим!” — с запозданием скомандовал я. Боевой режим — штука энергозатратная; включишь раньше времени, посадишь “батарейки”.

БОЕВОЙ РЕЖИМ ПОДКЛЮЧЕН

Что бы я делал в этом мире без боевого режима?

Урод сидел на мне и рвался к глотке треугольными зубами, а я отталкивал, упираясь в его шею автоматом, который сжимал, как палку, двумя руками. Перехватить оружие и применить по назначению не удавалось: расслабишь руки — и Урод вырвет кадык.

Я все же перехватил холодную шею Урода левой рукой, а правой выдернул из-за пояса кинжал и несколько раз в режиме швейной машинки всадил в бок чудищу.

Урод, казалось, от ударов стал еще сильнее. Его скользкое холодное тело напряглось, налилось стальной силой... И обмякло. Захрипев, Урод мазнул когтями по моей левой щеке и завалился набок.

Сбросив Урода, я вскочил на автомате с такой скоростью, что заныли все мускулы и суставы. По лицу и шее текло теплое и липкое. Щека онемела от боли.

Сзади зашуршало. Я развернулся на каблуке и нажал на спуск. Автомат затрясся, выплевывая пули. В темноте не разберешь, но судя по В-токам и звукам, я попал в одного из Уродов. Он затих в траве, но где-то оставался третий, которого я не чувствовал.

Проклятие! Знали ли Отщепенцы, что в одном грибе днюют сразу три Урода?! Будь там

один, я бы уже победоносно возвращался в лагерь.

Свободной рукой я наощупь выхватил из-за пояса М-стикер и наклеил прямо на гриб. Он был упругим и теплым — в отличие от своих детишек. Затем я в ускоренном режиме опустил на одно колено перед зарезанным первым Уродом и взялся за кривой кинжал...

Ориентироваться в темнотище было сложно, поэтому я постарался захватить клинком побольше мяса вокруг глаз, чтобы не проткнуть яблоки. Клинок то и дело скрежетал о края орбит, и меня передергивало. Иногда подступала тошнота, но я сказал себе, что не оторвусь от процедуры, даже если меня будет выворачивать наизнанку.

Урод не вонял и вовсе почти ничем не пах, разве очень слабо — чем-то пряным, с кислинкой. Запах мог показаться приятным, если не знать, от кого он исходит. Люди куда зловоннее...

Я подхватил пальцами мокрый и склизкий комок и положил в банку, затем второй. Тщательно закрыл крышку.

“И как такая мерзость могла породить ребенка от человеческой женщины?” — подумалось мне.

Третий Урод напал, когда я выпрямился. Я срезал его очередью и, выдохнув, вышел из боевого режима.

Некоторое время стоял, прислушиваясь к тишине и всматриваясь в В-токи. Три Урода превратились в три трупа, а глаза лежат в банке. Можно и передохнуть.

Сзади зашелестели стебли травы — если бы не обостренные в край чувства, я бы в жизни ничего не услышал.

Я обернулся и “увидел”, как безглазый медленно, отрывистыми движениями поднимается на ноги. Из бока с ножевыми отверстиями стекала жижа, шаги его были неуверенными и неловкими, как у вдрызг пьяного человека, но он шел прямо на меня!

Тот, которого я застрелил сразу после первого, тоже поднимался. Из раззявленной пасти (это было мое воображение или обострившееся восприятие В-токов?) вырывалось тихое хрипение. Третий пока еще лежал в траве бесформенной грудой, но начинал шевелиться.

— Олесь? — раздался позади хриловатый женский голос. Это была Люция.

Я словно проснулся. Сорвавшись с места, я огромными скачками понесся назад в лагерь, рискуя сломать себе ноги или шею.

Когда я был совсем рядом от лагеря, с гулом вспыхнул костер, которого до этого совсем не было видно. В него будто солянки подлили. Языки пламени вознеслись выше человеческого роста в звездную высь, озарив круг в несколько метров в диаметре.

Я зажмурился, потом оглянулся. Уроды (или зомби?) пропали из виду.

Отщепенцы как ни в чем не бывало сидели на поваленном стволе дерева возле костра и что-то жевали, запивая из деревянных кружек.

Только Люция стояла и оглядывала меня с жалостью.

— Бедный Олесь... Как тебя порезали-то...

Я опустил взор. Рубашка насквозь пропиталась моей и чужой кровью. В свете костра она выглядела как черные пятна с маслянистым блеском. Щека у меня была изрядно исполосована когтями, но я пока не мог оценить степень урона. На нетвердых ногах я подошел к Джерому и протянул заляпанную банку. Смотреть внутрь не хотелось.

Седой Отщепенец взял банку без малейшей брезгливости, поглядел на нее и покачал головой.

— Чего ты ждал, когда забрал глаза? Не знал, что Урода просто так не убить в ночи?

Ноги у меня все-таки подогнулись, и я опустился прямо на траву. Усевшись по-турецки, я положил на колени автомат и нервно хихикнул:

— Они что, бля, зомби?

Отщепенцы переглянулись. Не поняли, что я имею в виду на тру-русском. Джером объяснил:

— Их убивает только яркий свет. Это Погань, нежить, что обитает на земле по своим законам. Законам потустороннего мира, а не нашего. Твой безглазый вновь отрастит глаза и... может быть, придет за ними!

Он заржал, как лошадь, остальные подхватили смех, в том числе и я. От пережитого меня колбасило так, что надо было срочно выплеснуть эмоции. Я не представлял, шутит он или говорит серьезно. Раньше и не представлял, что Уроды — это что-то вроде нежити, которая регенерирует после сильных ран.

— Уроды, между прочим, самые слабые из всей Погани, — заявил Алихан, отбросив в сторону обглоданную косточку, поковыряв пальцем в зубах, а потом — этим же пальцем — в носу.

Его перебила Люция, которая стояла за моей спиной и, вероятно, сдерживалась, чтобы не сделать мне массаж плечей:

— Однако Испытание он прошел.

***

С посвящением меня в таинства Вед Форм проволочек не последовало. Скорее, наоборот. Медленные и несобравные Отщепенцы ускорились так, что я не успевал за событиями и при помощи апгрейда.

В становище мы примчались с такой скоростью, будто за нами гнались все Уроды Поганого поля. После слов Джерома, что Урод явится за своими глазами, я и впрямь постоянно озирался, хотя и понимал, что это глупая шуточка. Я еще не отошел от битвы, в жилах бурлил адреналин, и ни о каком спокойствии речи не шло.

В становище всюду горели факелы, и слуги зажигали еще. Видимо, кто-то из советников приказал это сделать хитрым магическим способом, на расстоянии. Иначе откуда им знать, что мы возвращаемся?

Когда меня провели в шатер Совета, я сообразил, что посвящать меня намерены прямо сию минуту, не дав возможности умыться.

Судя по взглядам слуг, я выглядел так себе. Весь в крови, своей и чужой, с распоротой щекой, которую жгло болью после того, как исчезло онемение, с болтающимся на груди автоматом и диким выражением лица. Если у Уродов ядовитые когти, или достаточно грязные, чтобы заразить меня какой-нибудь гадостью, мне хана в этом краю, где не слыхали об антибиотиках. Но советники, включая Люцию, не беспокоились, а я был слишком возбужден, чтобы серьезно задуматься о такой вещи.

В шатре горели свечи — много свечей. Было светло, как если бы пространство освещала мощная лампа.

Меня, плохо соображающего, посадили на подушку у столика, Джером сел напротив. Слуги принесли бутылку с прозрачной жидкостью, запах которой не оставлял сомнений: алкоголь и очень крепкий, почти спирт. Поставили возле бутылки и банки с глазами Урода деревянную шкатулку с изящным узором в виде ромбовидных глаз. Похожий Знак я уже

видел на ладони Викентия. Джером открыл шкатулку и вынул деревянный стилус с несколькими иглами. Вероятно, такими приборами набивали татухи в далекой древности.

— Когда будешь колдовать, что выставляешь вперед? — спросил Джером.

До меня не сразу дошло, что он имеет в виду. Потом понял и выставил вперед кулак с перстнями.

— Сюда? — указал стилусом (или как эта штука называется?) на костяшки пальцев Джером.

Тату на пальцах в эпоху буржуев, если верить моей ложной памяти после квеста, ассоциировалось с паханами на зоне и прочей им подобной братией. Но в начале двадцать первого века стало модным набивать художественное тату и на пальцах, и это не означало, что человек побывал в местах не столь отдаленных. Я где-то читал (или мне приглючилось, что читал?), что тату на пальцах быстро стираются, и закатал рукав на левой руке, подставив Джерому внешнюю сторону предплечья.

Старый Отщепенец кивнул и без лишних разговоров взялся за дело. Алихан, молчаливая Нэнси и Люция не уходили, развалившись на подушках, слуги-маглы вышли из шатра, но были где-то рядом — я их чувствовал.

Джером открыл банку с глазами Урода. Я только сейчас при ярком свете их рассмотрел как следует. Два желто-красных слизистых комка с вытянутым ромбовидным зрачком серого цвета с одной стороны и пучком нервов, сосудов и мышц на другом. К ним прилипли куски плоти и, кажется, даже бледной шкуры с пушком. Глаза лежали в черно-красной густой крови и вызывали тошноту. Джером достал один глаз пальцами и шлепнул прямо на стол. Я отодвинулся назад. Джером усмехнулся в усы, взял другой рукой бутылку и окропил мою руку, затем — стилус. Завоняло сивухой. Отщепенец достал из кармана блестящую коробочку, чем-то щелкнул, и сивуха на моей руке, столе и стилусе вспыхнула синеватым пламенем.

Прежде чем я испугался, Джером щелкнул пальцами, и огонь погас. Не знаю, был ли это фокус и огонь погас сам по себе, или Джером владел какой-то огненной волшбой. Судя по тому, как исчез костер у озера, а после вспыхнул снова, не обошлось без волшбы. Я осмотрел предплечье, чуточку обожженное пламенем — волосы сгорели напрочь, а кожа покраснела. Джером взял меня за левую кисть, положил мою руку поперек маленького стола, обмакнул стилус в черную кровь Урода и принялся набивать мне волшебную татуху.

Возможно, я все же слегка рехнулся на почве всей этой магии, иначе сразу бы отдернул руку и выскочил из шатра, чтобы свалить из становища навсегда. Набивать тату чужой кровью — это надо же до такого додуматься! И не просто чужой, а уродской! У меня воображения не хватало, чтобы представить всех микробов, которые переедут жить ко мне.

Я знал, что в норме любая кровь стерильна — но это у нормальных существ, а не потусторонних поганых тварей, невесть как очутившихся на нашей земле.

Однако я изменился. Или, может быть, вернулся в норму — снова стал человеком эпохи не буржуев, а Поганого поля, с его верой в сверхъестественное. Поэтому не отдернул руку и вообще не шевельнулся все то время, пока Джером работал. Адреналин еще полностью не выветрился из организма, поэтому боль была терпима. Да и работал Джером умело и быстро, поглядывая на ромбовидный зрачок и сверяясь с рисунком на моей коже. Я обратил внимание, что зрачок, в целом, ромбовидный, имеет мелкие извивы по контуру, и Джером копировал каждый такой изгиб. Видимо, для магии это было важно.

— Глаза Уродов уникальны, — сказал Джером, не отрываясь от работы. Он будто

подслушал мои мысли, но вот как раз таки в это я не мог поверить — волосяной допарт работал как надо, защищая мой разум от вторжения. — Как, собственно, и любые другие глаза... Но человеческие очи имеют круглую роговицу, разница в цвете и текстуре... А у Уродов имеет значение Форма. Форма того Урода, чей кровью будет сделано тату, даст тебе силу, Олесь. И ты познаешь эту Форму, станешь ведать ее. Посему наша волшба и зовется Ведами Форм.

Прояснилось наконец, почему мы так спешили вернуться в становище, чтобы приступить к ритуалу. Кровь быстро испортится, а узор на глазах Урода расплывется.

Я был впечатлен этой краткой лекцией. Оставалось надеяться, что я не сдохну от заражения крови, не превращусь в Урода и тату не сотрется со временем, растеряв попутно всю магию.

Но в этом шатре, освещенном красноватым светом многочисленных свечей, среди ночи, в окружении волосатых и диковатых Отщепенцев почему-то совсем не думалось о таких мелочах. Сейчас творилось нечто чудесное; то, что должно изменить меня навсегда.

Джером еще не завершил рисунок, когда мой внутренний интерфейс объявил:

ПОДКЛЮЧЕН ДОПАРТ

ПРОСМОТРЕТЬ СПИСОК ДОПАРТОВ

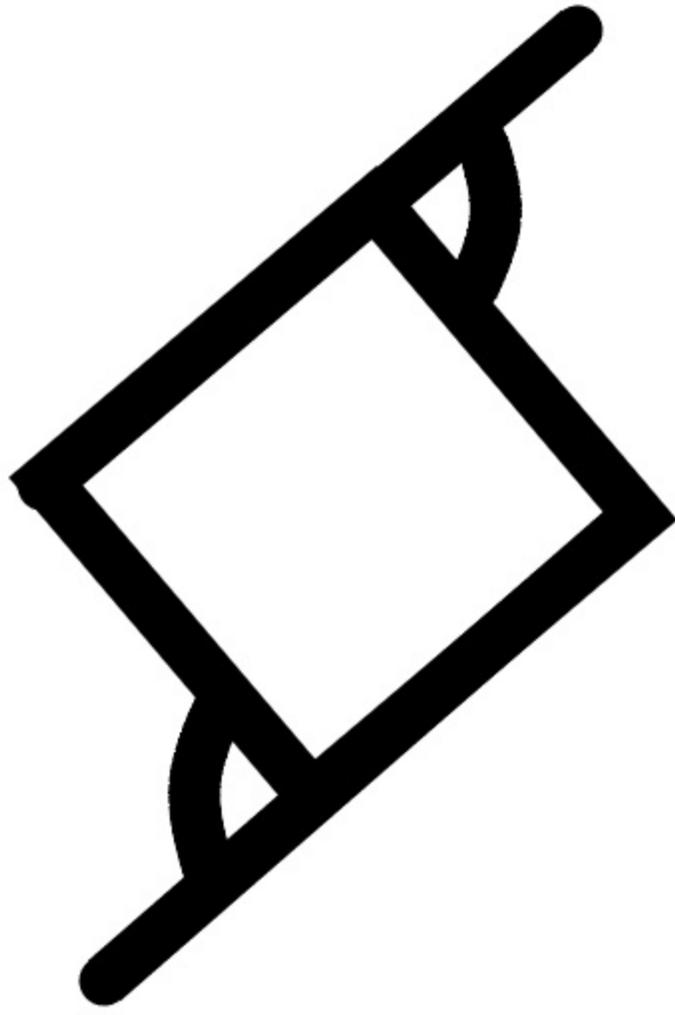
ДА / НЕТ

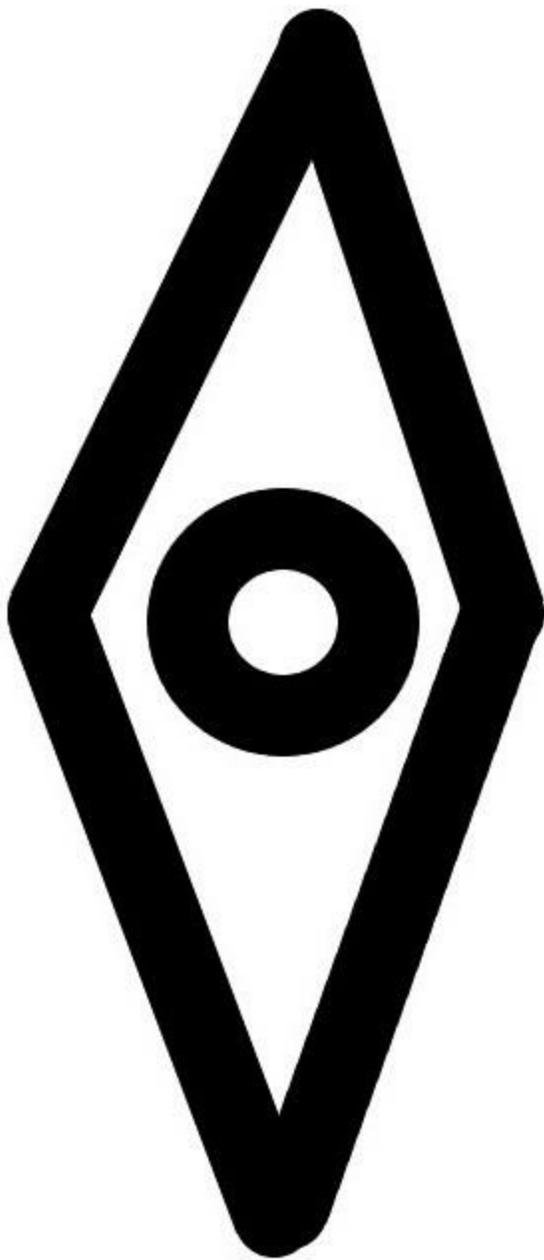
— Да, — произнес я вслух, не обращая внимания на присутствующих.

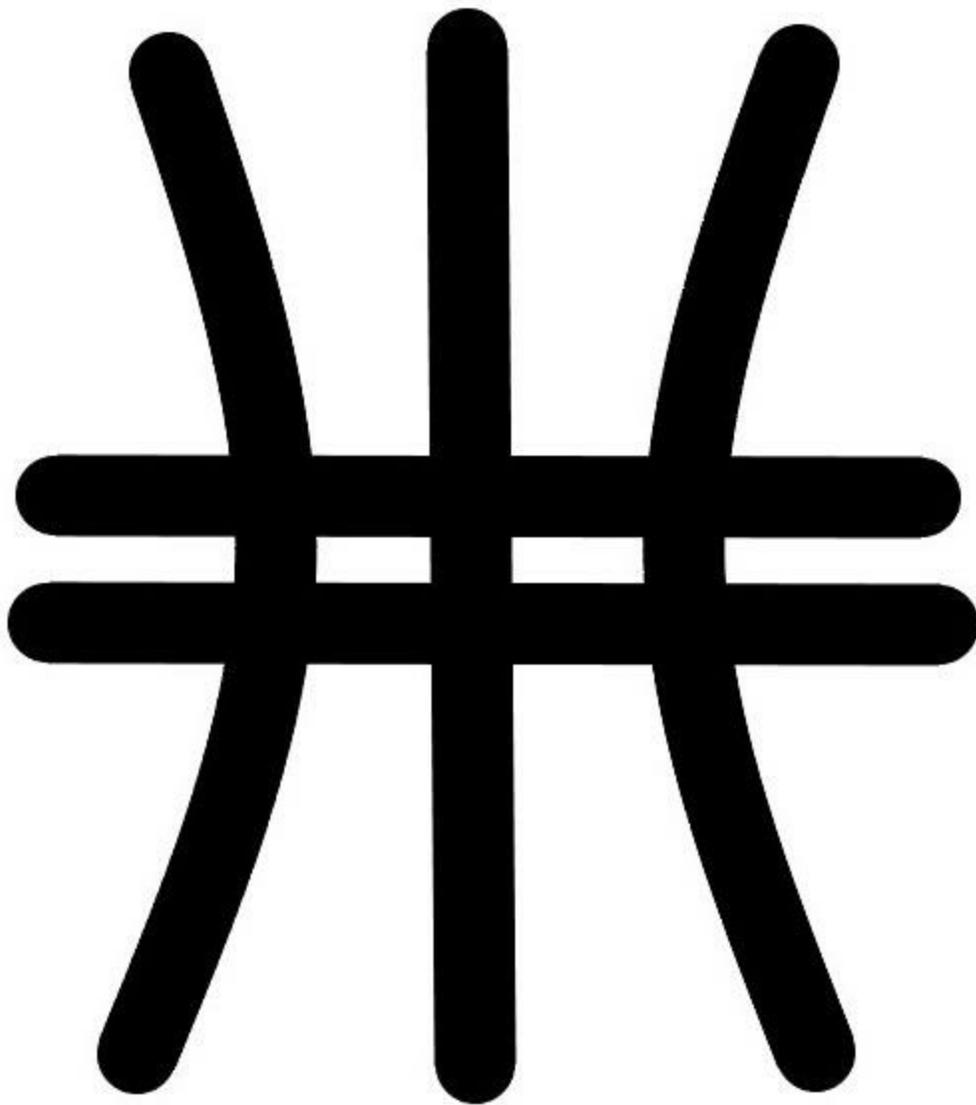
В сущности, я знал все свои допарты: волосы, перстни и теперь вот эта магическая татушка.

Интерфейс высветил на виртуальном “экране” перед глазами три Знака. Первый — хорошо известный мне Знак Морока в виде ромба с вылезавшими за края фигуры двумя противоположными сторонами и полукружиями на внешних углах. Второй — более узкий ромб со “зрачком” посередине. Это был Глаз Урода. Третий я не узнал, но догадался о его сути: Знак напоминал большую букву “Ж”, но горизонтальная перекладина была двойная. Словно сноп сена.

Или пучок волос.

“Показать опции каждого департа!” — велел я мысленно.

Нейрочип приказа не понял, как я не пытался перефразировать команду. Придется, похоже, исследовать опции департов методом тыка. Мой СКН показывает департы в виде Знаков. На “экране” они выстроились сверху и слева, как слова в обычном тексте, и свободного места оставалось с избытком. Мой интерфейс в кои-то веки напомнил мне экран смартфона с иконками приложений. Если верить тому, что я пережил как личный опыт в квест-камере, то обычно экраны телефонов пестрели десятками иконок. Мой же СКН был гол и лыс с тремя несчастными Знаками. Это как если бы на моем смартфоне были установлены Ватсап, Телеграм и мобильный ВК — и все. Курам на смех! Такими “лысыми” экранами могли похвастать весьма пожилые граждане, да и то не все.

Моя цель — заполнить экран. Скачивать придется не с Плей Маркета, а непосредственно с просторов Поганого поля и всего нынешнего мира. И не для красоты интерфейса, а для поисков Витьки. А когда я его найду, мы будем жить не как маглы, а как самые мощные ведуны.

— Узор с глаза Урода, — продолжал объяснять Джером, нанося последние штрихи на

мою первую в жизни татуху, — это узор, который есть на коже или внутренностях любого человека. И не только человека. Порой он такой маленький, что и не разглядишь. Не сама форма глаза, а вот эти крохотные изгибы, видишь? Но их достаточно, чтобы наслать волшебство.

Я кивнул, но смотреть не стал. Кожа, которую беспощадно колот стилусом Джером, распухла, покраснела и сочилась кровью. Не хотелось смотреть на такую красоту. И я жутко устал, раны на щеке пульсировали от боли, а кожу стянуло коростой. Я уже не беспокоился о заражении — кровь Урода попала в мой организм не только через рану, но и тату. Беспокоиться нет смысла.

Джером со стуком положил стилус на столик и внезапно плеснул сивухой из бутылки прямо на мою руку. Я подскочил и зашипел от боли. Сонливость как рукой сняло.

— А ну, попробуй! — ухмыльнулся старый Отщепенец.

— Что попробовать?

— Испробуй Веды Форм. Во дворе несколько непривязанных лошадей. Заставь их прийти сюда.

Я с трудом поднялся с подушки — отсидел с непривычки ноги. В глазах на несколько секунд потемнело, в ушах зашумело, но вскоре слабость прошла, и я под пристальными взорами повернулся к выходу, закрытому пологом.

Я поднял левую руку, согнув ее в локте и поднеся ладонь к лицу, как боксер в защите. Предплечье с Глазом Урода направлялось в сторону прохода.

Я сразу почувствовал присутствие животных — их было три. Еще я почуял людей, который ждали снаружи приказов советников. В-токи стали интенсивнее, ярче, зримее. Я видел все это не так, как видят глазами — я словно воспринимал картину каждой клеткой.

— А ну сюда, коняшка! — сказал я на тру-русском (или, как я назвал его про себя, “тру-ру”).

Кажется, импульс был слишком силен. Я не рассчитал сил и перестарался. Померещилось, что новая магическая тату сверкнула каким-то невыносимым ультрафиолетовым светом — хотя я понятия не имел, как воспринимается зрением ультрафиолет, ощущение было именно такое. В шатер, свалив с ног двоих маглов, ворвались все три скакуна, вращая глазами и грызя удила.

— Тихо-тихо, — засмеялась Люция, вскочившая на ноги. Она остановила коней взглядом, и вовремя — еще немного, и животные снесли бы шатер, задев один из несущих столбов. Кони встали в ряд, их бока судорожно поднимались и опускались. Вот так надо управлять животными, а не как я! Ну, ничего, научусь.

— Молодец, — одобрил Джером, который не сдвинулся с места, будто ничего не произошло. — Олесь, отныне ты не просто Отщепенец, но и ведун Вед Форм.

Глава 4. Грязная схватка

Той ночью, когда я обрел Веды Форм и научился управлять лошадьми, а свирепая Отщепенка Люция остановила коня на скаку одним взглядом, Кира не попалась мне на глаза ни разу. Видимо, она и не подозревала, что я прошел испытание. Спала себе спокойно на окраине становища в собственном маленьком шатре, пока я дрался с Уродами и обменивался с ними кровушкой.

Зато не спали мои новые наложницы — Катерина и Азалия. То ли им полагалось дожидаться своего “пано”, как бы поздно он не возвращался в шатер, то ли знали, что со мной происходит. Или же — и эта мысль была наиболее для меня лестной — вспыхнули ко мне... нет, не любовью, но хотя бы признательностью за хорошее обхождение на контрасте с рыхлым и вредным покойным Гришаном.

Наложницы помогли мне снять окровавленную и порванную одежду, омыли раны и смазали пахучими (если не сказать “вонючими”) мазями. В серали я впервые увидел в зеркале свою рожу после того, как Урод угостил меня когтистой лапой. Зрелище было не для слабонервных. Правда, в становище Отщепенцев из слабонервных не было никого, кроме меня. Левая щека у меня опухла и посинела, на ней чернели три параллельные рваные раны, заполненные спекшейся кровью. Сантиметром правее, и я бы стал вылитым одноглазым пиратом. Хотя и с двумя глазами мое лицо мало чем отличалось от отщепенских физиономий — разве что я не мог похвастать татуировками прямо на фейсе. Длинные волосы, собранные в хвост, неаккуратно подстриженная борода и усы, дочерна обгоревшая на солнце кожа, на фоне которой серо-голубые глаза выглядели неуместно, и с недавних пор — чудовищные шрамы.

Поганое поле постепенно превращало меня не пойми во что.

Спал я неважно. Вначале долго не мог уснуть из-за боли и впечатлений, затем мне поплохело, и вроде бы поднялась температура. Начал бить озноб, и ласковые наложницы укрыли меня меховым одеялом, под которым было то жарко, то холодно. Наутро, впрочем, полегчало, и я убедился, что помирать от заражения крови не собираюсь.

Утром, когда я поднялся с постели, невыспавшийся, мрачный и опухший, Кира встретила меня у входа в шатер и остановилась как вкопанная.

— Олесь?

Я усмехнулся, отчего левая щека снова заболела. Улыбка получилась кривоватая. Наложницы не стали бинтовать, сказав, что такие раны должны “дышать”, чтобы заживление прошло быстро и гладко. В итоге я измазал мазями простыни и наволочки, но девчонки умастили раны лекарством еще раз.

— Неужели меня нельзя узнать?

— Что произошло?

Я коротко пересказал события, случившиеся во время испытания, и в заключение похвастался новеньким тату на предплечье. Кира была впечатлена.

— Ты ведь мог запросто умереть!

— Но не умер же.

Кира сморщила нос, отчего очки в пластиковой оправе подскочили вверх. Глаза за стеклами сверкнули.

— Они тебя не предупредили, что в одном грибе прячутся три Урода! Вот... уроды!

— Действительно, — не стал я спорить. Настроение, несмотря ни на что, было великолепным. — Уроды патлатые и есть. Хотя мы и сами должны знать про эти особенности Погани. Пора бы уже. Столько времени путешествуем по Поганому полю! Или же Отщепенцы сами не представляли, что в грибе засело три Урода.

Кира поджала губы и покачала головой, продолжая пристально разглядывать мои боевые ранения. Я подумал, что она, судя по всему, восхищена моей отвагой. И ошибся.

— Ты так сильно хочешь вернуть Витьку? — тихо сказала она после продолжительной паузы. — Раз рискуешь здоровьем и жизнью ради волшбы?

— Я... поклялся, — сказал я растерянно. Не ожидал, что речь пойдет о пацане.

Кира поглядела мне прямо в глаза, задрав голову вверх.

— А если его невозможно вернуть? Вот прямо совсем?

— Это я выясню, совсем или не совсем. А пока не выяснил, буду прилагать все усилия... Если честно, я верю, что вернуть его можно. Могила опустела через несколько минут, не забыла? И никто никуда его тело не тащил. Оно просто испарилось в этом Ведьмином круге, в котором, как говорят, то появляются, то исчезают разные вещи.

— Какие?

— Скелеты людей, — неохотно сказал я. — Фишка в том, что они появляются и исчезают, понимаешь? А не в том, что это именно скелеты. Я верю, что в Поганом поле возможно все. В том числе и... воскрешение.

— Что теперь? — спросила Кира. — Веды Форм ты добыл. Что дальше?

— Как “что дальше”? — удивился я. — Действуем по плану. Едем в Республику Росс, если ты не передумала.

— Я-то не передумала, — усмехнулась Кира. — А вот ты...

— И я не передумал, — откашлявшись, внушительно заверил я. — Не ведунское это дело — планы каждый день менять. А если ты намекаешь, что меня тянет пожить здесь подольше, в окружении наложниц, то хорошего помаленьку.

Кира дернула подбородком.

— Я не про наложниц! В Республике Росс высокие технологии. Но мы не слышали, чтобы там жили маги.

— Это мы узнаем. Рано или поздно я найду ту волшбу, которая вернет Витьку. Или же получу нужные знания — они могут вовсе не касаться волшбы... Пора понять, что такое это Поганое поле с Ведьмиными кругами, и как вся эта хрень работает. В Республике Росс мы что-нибудь да разузнаем.

Я прикрыл глаза, но не от бьющих в лицо утренних лучей солнца, а чтобы просмотреть интерфейс. Иконки Знаков никуда не пропали.

— Волшба — это система, — сказал я. — Не разрозненные знания, не небесная и земная магия, как мне втирала эта бабка Марина, а целая наука. Каждой магической технике соответствует определенный Знак. Я буду собирать эти Знаки. Как в игре.

Уловив насмешку в выражении лица Киры, я поспешно добавил:

— Я, конечно, понимаю, что это не игра. Это жизнь, но игровые моменты в ней никто не отменял. Что наша жизнь? — фальшиво пропел я строчку (нейрочип неожиданно подсказал: это — ария Германа, Чайковский). — Игра!

Я вытянул из нагрудного кармана темные очки и нацепил на нос. Спросил шутливо:

— Ну что, Кира, пойдешь со мной собирать Знаки, знания и книги?

На самом деле я хотел знать, пойдет ли она со мной *после* того, как мы навестим

Республику Росс. Не застрянет ли она в этой стране, наткнувшись на первую попавшуюся библиотеку? Прямо спросить было как-то неудобно. Она-то по сути не обязана следовать всюду за мной, как собачка или наложница... Кира — спутник не такой идеальный, как Витька, но тоже ничего. Я к ней привык и не горел желанием потерять ее — пусть и по менее трагичным причинам.

В глубине души я испытывал вину перед ней. Кайфую тут, общаюсь с привилегированным классом, холят и лелеют меня, а она предоставлена сама себе, и всем на нее начихать. Де-юре она — моя наложница, что само по себе для нормального человека звучит как оскорбление, а де-факто — вообще пустое место.

Никто ее, понятное дело, не держит, но...

Короче, основная проблема между мной и Кирой — неясность наших взаимоотношений. Кто мы друг для друга? Витька и я — друзья-товарищи. А Кира? Будь она парнем или старой бабкой, было бы проще. Легко было говорить феминисткам в эпоху буржуев, что мужчина должен смотреть на женщину в первую очередь как на человека, а потом уже различать некоторые половые различия.

А что если эти различия постоянно лезут на глаза?

Да и не виноваты мы, мужики, что родились похотливыми самцами. Нас, между прочим, женщины рожали. И природа такими сделала — вините и ругайте самих себя и природу.

Я никогда (насколько помню по жизни в эпохе буржуев), в сущности, не страдал излишней похотливостью. И, судя по рассказам сиберийцев, в реальной жизни тоже чрезмерную “самцовость” не демонстрировал. Был, скорее, замкнутым социофобом, нежели сексуально озабоченным донжуаном со слюнявым ртом и шаловливыми ручками.

Но когда долго путешествуешь по совершенно необитаемым местам с молодой девушкой наедине, а ближайшая полиция нравов осталась в далеком прошлом, ситуация становится неоднозначной.

Будь на месте Киры Аня-комбайнерша, мы бы давно определились со статусом по отношению друг к другу.

А вот Кира — совсем другой фрукт.

Она не кокетничает, не заигрывает, не допускает ни малейших двусмысленных намеков. Зато отлично владеет ятаганом, которым отрубит все, что потянется к ней без ее ведома и согласия...

Естественно, было бы странно, начни она заигрывать со мной в присутствии Витьки. Или сразу после его гибели. Так что у нас не было времени и возможности определиться. Отсюда возникало много неясностей.

Поэтому я и задал этот вроде бы прямой вопрос, который, тем не менее, заключал в себе больше, чем представлялось на первый взгляд.

Я думал, что она ответит коротко — “да” или “нет”, — и на этом разговор закончится. Но Кира отошла на шаг и с непривычной торжественностью заявила:

— Олесь Панов, я вижу, что ты человек слова и чести. Ты — настоящий верный друг. Тебя не останавливает даже сама смерть. Ты поклялся вернуть Витьку и вернешь его. Я считаю, что это благородная цель. Я не знала Витьку так хорошо, как ты, но успела к нему привязаться. Если есть хоть малейшая возможность вернуть его, мы должны ею воспользоваться. Я тоже клянусь — тебе, Олесь, что буду помогать в этом деле.

Я бы пошутил в ответ на эту речь, но вид у Киры был самый что ни на есть серьезный.

Она не прикалывалась. И не понимала, каким наивным пафосом разит от каждого слова. Она была абсолютно искренна. Поэтому я протянул руку, и она пожала ее.

***

Ведуны-Отщепенцы явно обладали еще какими-то магическими фокусами, кроме управления животными и людьми без М-стикеров. Стоит вспомнить хотя бы трюки с огнем. Но оставаться в становище в поисках новых “колдунств” у меня не было желания. Не терпелось рвануть в Республику Росс и этим поставить очередную жирную галочку в списке под названием “Что я должен знать о Поганом поле”.

Мы с Кирой договорились уехать прямо сегодня. Доедем до гравитационной дороги и двинем на запад. Чего тянуть?

Но наш план-экспромт нарушил Викентий, который подъехал на коне в компании Франсуа. Эти два приятеля сообщили, что в честь нового бро (то есть меня) сегодня вечером состоится праздник, на котором мою скромную персону официально представят всем жителям становища. Будут обильное угощение, танцы, магия, турниры и прочие развлечения.

Если я уеду до праздника, то меня, разумеется, поймут. Отщепенец волен идти куда и когда хочет. Но делать это нужно, только если у меня действительно очень важные и суперсрочные дела. Иначе получается, что новый бро не уважает общество.

“Всеми этими уважениями здорово сковывается свобода человека, — мрачно подумал я. — Недаром алкаши, эти природные манипуляторы и энергетические вампиры, постоянно твердят об уважении. Отщепенцы вроде бы — вольный люд, но настоящая свобода — она только в книгах. То есть в сказках, в воображении. Права Кира!”

Когда Викентий все это нам выложил, сидя на коне, я подглядел на Киру, но тут же спохватился и поднял взгляд в небо. Негоже Отщепенцу спрашивать мнение у наложницы, пусть даже невербально. Правда, на мне были темные очки — вряд ли Викентий углядел, на кого я смотрю. У Киры было сумрачное выражение лица.

— Сколько времени длится празднество? — спросил я Викентия. — Я бы уехал по делам завтра.

Вполне может статься, что празднество затянется на три дня. А то и неделю, кто их знает. На работу им спешить не надо.

Официально-ритуальная часть длится один вечер, успокоил меня Викентий. А дальше — по желанию. Но совет не приветствует долгие возлияния, поскольку настоящий Отщепенец всегда должен быть готов к нападению врага. А какая готовность, если ты в многодневном запое?

Я кивнул, и приятели ускакали.

— Задержимся на день, — сказал я тихо Кире. — Церемонии надо соблюсти — вдруг придется обратиться за помощью к бро и сис?

Кира без раздражения пожала плечами.

— Я не против. Я тут познакомилась с некоторыми симплами — хорошими людьми. Они позвали меня на свой небольшой праздник. Думала пропустить, но раз такое дело...

Мне не получилось скрыть изумление. Кира успела обзавестись знакомствами? Я постоянно видел ее в одиночестве, нелюдимую и недружелюбную. Собственно, бóльшую часть времени она находилась вне поля моего зрения — чего удивляться?

— Что за праздник?

— Кажется, что-то языческое. Просят природу быть снисходительной этой зимой.

Да, начитанная Кира отличает язычество от монотеизма.

— Разве в этой местности бывают зимы?

— Бывают, но не холодные, а ветренные. Ураганы иногда очень сильные. Этот праздник — чистое суеверие, конечно, никакой волшебной и не пахнет. Но будут танцы, угощение и купание ночью в реке. И никаких ведунов.

Кто-то позвал Киру издали по имени. Она обернулась. Между шатрами вдали прошел молодой паренек — довольно высокий и широкоплечий, с умеренно длинными волосами и чистой кожей, без татуировок. Лицо этого симпла я не разглядел как следует, только широкую белоснежную улыбку. Он помахал рукой, Кира ответила тем же.

Мда, она действительно обзавелась как минимум одним знакомым. Высоким и белозубым маглом, с которым планирует купаться ночью в Танаисе.

— Ну что ж... — сказал я с натугой. — Отдохни как следует. Не утони ненароком.

Последняя фраза вырвалась сама собой, без задней мысли, но прозвучала двусмысленно. Если не сказать — злобно.

Кира неожиданно весело улыбнулась. И не без насмешки сказала:

— Спасибо!

На этом и разошлись.

Днем я завалился спать — ночью-то не выспался. Озноб и лихорадка отпустили, зато навалились усталость и сонливость. Проснулся ближе к вечеру. Никто не потревожил мой сон.

Некоторое время я просто лежал в постели, глядя на колышущуюся от слабого сквозняка противомоскитную сетку. Самое приятное время суток — лежать сразу после пробуждения и вот так валяться, думая обо всем подряд.

Ассоциативные цепочки привели к внезапному соображению.

Я приподнялся на локте и позвал:

— Азалия! Катерина!

Первая появилась из серали, вторая вошла с улицы — была занята хозяйственными делами. Они у меня честно и по-товарищески делили обязанности и время от времени менялись ими. Например, Азалия готовила, а Катерина убиралась и стиралась. Потом они менялись местами.

В постели они тоже, кстати, отлично умели делить обязанности и меняться местами...

— К йииим праву явились, пано! — одновременно проговорили обе.

Я немного смутился. Эту формулу они выдали, когда я их позвал для утех, а сейчас на повестке стоял другой вопрос.

— Э-э-э... — протянул я. — Я не для этого вас звал... То есть... Блин! Садитесь-ка!

Они переглянулись, отодвинули полог и аккуратно уселись на самый краешек траходрома. Вероятно, Гришан звал их в постель исключительно по одному и тому же вопросу.

Я тоже уселся, сбив подушки и оперевшись о них спиной. Секунду размышлял, с чего начать. Затем сказал:

— Я вас покину. Не знаю, надолго ли. Но, думаю, что надолго.

Я ожидал шока, грусти, радости, скрытого злорадства — чего угодно. Любой эмоциональной реакции. Но наложницы не шевельнули ни единой мимической мышцей.

Азалия задала странный вопрос:

— Пано оставляет нас за собой?

— В смысле — не отдам ли кому-нибудь другому? — догадался я. — А вы хотите?

Они хором вскрикнули:

— Нет!

Было отраднo слышать и видеть, что по отношению к моей персоне у них все же есть эмоции, а не одно служебное подобострастие и вышколенность.

— Тогда оставляю вас за собой, — сказал я, чувствуя себя добрым баринoм. — Надеюсь, вас никто не тронет.

— Никто не тронет собственность Отщепенца, — заверила Катерина, счастливо улыбаясь.

Слово “собственность” меня покорило. Но то, что их никто не тронет из-за уважения к собственности, несомненно радовало.

Азалия и Катерина вели себя сдержанно, но от моего внимания не укрылась искренняя радость оттого, что пано уезжает и при этом оставляет их за собой. Позже я подумал, что эти двое прекрасно выживут и без пано. Никто их не тронет, а они будут вести хозяйство и растить общего сына в ожидании господина.

Катерина сказала:

— Мы будем всегда ждать вас!

Если не дождуться, подумалось мне, — для них же и хорошо; дождуться — тоже неплохо. Я очень удобной пано, если так посмотреть.

Что касается самого пано, то у меня в кои-то веки появился дом — настоящий дом. Не комната в бараке пополам с престарелой тетей и не виртуальная съемная квартира, а реальное место, где я — полноправный хозяин. И где меня будут ждать.

Становище не стоит на месте, вспомнилось мне. В следующий раз оно вместе с мой шатром, сералем и загоном для скота и коней будет находиться выше или ниже по течению. А то и в горах. Но ничего страшного — понадобится, я найду этот свой передвижной дом с прислугой, которая никогда не предъявит права на владение.

В ведунократии все же есть свои плюсы.

***

Вечерний ивент в честь нового бро состоялся в нескольких сотнях метров выше по течению от становища, на небольшом аккуратном мысе, далеко выдающемся в водное пространство большой реки. Земля мыса заросла низкой густой травой, наподобие подстриженной газонной, у самой воды протянулась лента мелкой гальки. Длинный пирс, освещенный рядом фонарей со свечами внутри, уходил в темнеющее туманное пространство. Такие же фонари озаряли несколько длинных деревянных столов, накрытых на лужайке. Стемнело, и их рассеянный свет создавал романтическую атмосферу неплохого кафе на реке. Я прикинул, что было бы еще круче, если б столы стояли на площадке, установленной на сваях прямо над водой, но для Отщепенцев это было непрактично. Они же кочевники — на хрена им строить площадки на сваях?

Когда я явился, столы уже ломались от явств в виде жареной баранины, запеченной свинины, разных овощей и даже фруктов. Несмотря на кочевой стиль жизни, Отщепенцы занимались и земледелием, о чем свидетельствовал комбайн, виденный мной в первый день. По всей видимости, становище засевало поля и собирало урожай, а в промежутках между этими действиями перемещалось по округе, перегоняя свои стада. Не совсем они кочевники, стало быть. Они ведут полукочевой-полуоседлый образ жизни.

Советники сидели за отдельным столом, расположенном дальше всего от воды. Наверное, это что-нибудь значило. Что-то вроде того, что уважаемый человек должен быть

защищен от мокрой воды и брызг.

Меня усадили между Джеромом и Люцией. Насчет Джерома я не возражал, а вот Люция меня, если честно, напрягала. Чувствовалось в ней стремление к абьюзу...

Застолье началось без долгой раскочки. Никто не опаздывал, отвлекая внимание на себя. Пришли, сели и начали есть без всяких церемоний. Симплы-маглы бегали туда-сюда, разливая напитки и ухаживая, как официанты и сомелье в одном лице.

Джером толкнул короткую речь о новом бро и в завершении поднял бокал. Остальные тоже подняли деревянные кубки. Чокаться здесь не полагалось. Я отпил глоток — сивуха с пряностями — и отставил бокал.

За все время застолья никто и не подумал меня напоить. Отщепенцы реально уважали личные желания соседа по столу и улице. В эпоху буржуев в России, кажется, дела обстояли совершенно иначе. На любом мероприятии с распитием спиртного, на непьющих обязательно наезжали — грубо или тонко, но тем не менее. Непьющий человек в таком обществе воспринимался, как чуждый элемент, полный угрозы и неуважения. Как шпион и мерзкий “зожевец”.

Поганое поле изменило многое к худшему, но немалое и к лучшему.

Все стало проще. И отношения людей друг к другу тоже.

Я все-таки захмелел от крохотного глотка. Расслабился, размечтался и совсем забыл, что в Вечной Сибири порядки совсем другие. И неизвестно еще, что творится в Республики Росс, какие у них законы. Простота отношений — это к Отщепенцам. Зря их ругают — наверняка из-за “ведунократии”. Ругают-то те, кто не владеет волшбой. Вот владели бы, запели б иначе.

У Отщепенцев нет дедовщины, никто не пытался на меня наехать и показать, что у него писюн длиннее и толще. И что я — пустое место. Да, стан Отщепенцев — отличное место! Вернусь сюда, пожалуй, после того, как навещу Республику Росс и найду Витьку.

Симплы обслуживали нас по-очереди. Бóльшая их часть сидела за своими столами по краям мыса. Насколько я разглядел в красноватом свете фонарей, угощений у них было не меньше. Дети бегали везде без разбора на ведунскую или симплюю половины. За столом симплов сидела и Кира, но высокого широкоплечего красавца рядом не наблюдалось. И то хорошо.

Люция придвинулась ко мне вплотную и зашептала на самое ухо о том, что после угощения будут магические поединки среди желающих поразмяться. Понятное дело, поединки будут не на полном серьезе. Затем — танцы. Вон, вижу ли я оркестр из барабанщика, флейтиста и гитариста? Да, я видел. А в конце праздника будет купание в реке, чтобы сбить хмель. Вдруг завтра нагрянет враг, а все пьяные?

Я вспомнил, что у симплов готовится такое же купание а ля день Ивана Купала. Что-то мне подсказывало, что купаться здешний люд намерен без купальных костюмов и купание это приведет к последующему демографическому взрыву.

— Вода теплая как молоко, — жарко шептала Люция. За столом становилось шумно, и я бы ничего не услышал, не придвинься викингша ко мне вплотную — и М-стикер между нами не просунешь. — А купаемся мы в чем мать родила... Это так естественно, будто возвращаешься в лоно матушки-природы...

Вопреки ожиданиям нарисованная ею картина меня возбудила. Ярko представилось, как это все будет происходить.

Между тем Люция, тоже, судя по всему, изрядно возбудившись, продолжала

нашептывать:

— Если хочешь, займемся любовью прямо в воде... Но сразу скажу: дело это неудобное. В воде лучше сначала целоваться-миловаться, а уж потом на бережку братья за дело всерьез... Я тебя сама на ручках на берег вынесу и одновременно...

Пока я воображал, как буду выглядеть на руках этой мощной дамы, она в деталях обрисовала, какие еще действия она совершит во время таскания моей тушки. Я подзавис. Сильно сбивало с мысли и то, что Люция, столь агрессивно пристающая к бедному новичку, параллельно с нашептыванием гладила меня по бедру, залезая иногда очень далеко.

Не знаю, чем все закончилось бы — наверное, преждевременным купанием в Танаисе, — если бы не внезапный шум. Со стороны холмов заорали, загикали, в сумраке замельтешили факелы и затопали кони.

На территорию нашего уютного речного кафе ворвался отряд из пяти патрульных. Кажется, один человек бежал за конями на своих двоих, но из-за голов празднующих я не разглядел. Становище не расслаблялось даже в вечер праздника, и патрульные несли службу.

— Советники! — хрипло гаркнул один из них. — К вашему совету явились!

Люция мгновенно потеряла ко мне интерес, подобралась, под кожей вздулись нешуточные мускулы. Разом наступила тишина.

— Что такое? — раздался твердый и со всей определенностью трезвый голос Алевтины. Она, видимо, не пила сивуху. — Враг напал?

— Видать, что и враг! — насмешливо отозвался другой патрульный. Я встречал его раньше только раз и не знал имени. Пока я старался понять, откуда такая неуважительная насмешливость в отношении советников, оказалось, что ирония патрульного направлена на иного адресата. Конный страж дернул за веревку, и из-за корпуса коня выскочил взлохмаченный, грязный и окровавленный человек с обгоревшей половиной лица. — Шпионил за станом! Крутился на коне в округе, позже за холмы ушел и костер развел на ночь. Тут мы его и прихватили. Дружка его навсегда успокоили. А этот больно злобен и дерется хорошо! Решили советникам показать — что с ним делать?

Я поднялся с места и автоматически схватился за рукоять “гришана” — так я назвал кинжал. За столом многие сидели с кинжалами — это не моветон, а очень даже комильфо.

Избитый, со связанными руками Борис Огнепоклонник, убийца Витьки, затравленно окидывал нас диким взором. Меня он пока не узнал — мы для него были сплошной массой длинноволосых бандитов, жрущих и бухающих за длинными столами. Убедившись, что это именно Борис, а не похожий на него другой человек, я перевел взор на Киру. Она смотрела на меня молча, закусив губу.

***

Багровый плащ Огнепоклонников с Бориса содрали, вероятно, при схватке. Он был в обыкновенных на вид рваных джинсах, коротких сапогах и грязной рваной безрукавке, вылезшей из-за пояса. Наручи или перчатки с крагами, которые я видел при нашей самой первой встрече, исчезли вместе с плащом. Волосы на обожженной половине головы сгорели начисто, лишь кое-где торчали некрасивые пучки, а один глаз стянуло высохшей пергаментной кожей. Глаз на здоровой стороне налился фингалом, но смотрел злобно и неукротимо.

Все советники находились здесь, иначе пленника в плановом порядке провели бы в становище или зарубили на месте. Но на сей раз, на счастье Бориса или на его горе, весь совет праздновал, а патрульные решили над пойманным ворогом покуражиться.

Патрульный продолжил — громко, зычным баритоном, чтобы все слышали:

— Ну что, советники, будем с ним делать? Голову его уродливую с плеч или колодки надеть да к симплам отправить?

Тот патрульный, что заговорил первым, возразил:

— Да не станет он честным Отщепенцам служить! Разве по взгляду его волчьему не видно? Дождется ночи и перережет глотки всем, до кого дотянется.

Я внимательно следил за этим неожиданным представлением. Как по мне, так патрульные вели себя с советниками немного развязнее и наглее, чем следовало бы в этой ситуации. Они вроде спрашивали мнение и ждали, что решит совет, но при этом делали это чуть ли не вызывающе, куражась и много болтая. То, что у Отщепенцев нет строгой иерархии и дисциплины, я уже понял. И это в высшей степени необычно для военизированного общества. Во время боевых действий они тоже так себя ведут перед начальством?

Заговорил Джером, не вставая из-за стола:

— Волю его подавить не проблема. Будет, как щенок, следом ходить да руки лизать.

У Бориса дернулось изуродованное лицо. Испугался! Он понимал речь Отщепенцев, и неудивительно — Кира-то тоже понимает. Раньше, впрочем, я считал, что она научилась южному диалекту по книгам.

Тут впервые на моей памяти развезла уста чернокожая и дредоносная Нэнси. Судя по голосу и тому, как она раскачивалась, было понятно, что она изрядно пьяна.

— Лизать не только руки заставим!

И громогласно захохотала. Смех подхватили другие Отщепенцы и Отщепенки.

— Ты, Рик, не хитри! — сказал Джером светловолосому патрульному. Повернулся к темноволосому: — И ты, Ворон, тоже! Вижу я, зачем вы его в плен взяли и сюда привели! Скучно на посту стоять, небось? Захотели душу порадовать хорошей схваткой? По кругу пленного пустить?

Патрульные неловко заулыбались. Джером попал в точку.

Рик оглянулся на оставшихся троих патрульных и рявкнул:

— Ну? Чего уставились? Галопом на пост! Мы позже подъедем. Хурр!

— Хурр! — эхом отозвались трое патрульных. Стегнули лошадей и с грохотом унеслись в ночь, держа факелы высоко над головами.

Джером легко поднялся из-за стола, вытер вислые усы и подошел к Борису, ничуть не страшась возможного нападения. Старый Отщепенец медленно поднял руку и положил пальцы на лоб пленника. Борис попытался увернуться, но патрульный дернул за веревку, которая связывала его кисти. Когда Джером все же коснулся Бориса, тот застыл и закрыл глаза.

— Хм-м-м... — пробурчал Джером. — Злобы много... Но не к нашему народу и какому-либо еще... К человеку... Разглядеть не могу, туман красный затмевает...

Он убрал руку, и Борис, словно проснувшись, отшатнулся, захолопал зенками.

Джером спокойно поинтересовался у него:

— Кого преследуешь, симпый дорожник?

Борис сглотнул и хрипло прорычал:

— Не твое дело, старый ты выродок! Вели казнить меня и кончай болтать!

Джером одобрительно поцокал языком.

— Сколько силы в тебе, да не той стороной она к тебе повернута! Попался бы ты мне, когда моложе был, научил бы я тебя волшебу великой... Поздно уже.

Борис приподнял единственную бровь:

— Какой еще волшбе, дурень ты патлатый? Я человек, а не колдун, разве не видишь?

— Вижу, что стал бы ты колдуном, если бы нашел учителя в нужное время. Говорю же: поздно уже... Ладно.

Потеряв интерес к пленнику, он повернулся к Рику и Ворону:

— Не шпион он, а человек, мстью одержимый. Есть такие личности среди человеческого рода. Кто его обидел и за что, не скажет, да и неважно это для нас.

Затем снова обратился к Борису:

— Раз не держишь на нас зла, дорожник, есть у тебя выбор. Прямо сейчас умереть без боли или сразиться за свободу. Победишь нашего — отпустим на все шесть сторон света. Но возвращаться не смей — смерти тяжелой предадим! Проиграешь — пожалеешь, что не выбрал быструю гибель. Ну как, согласен?

Борис не мешкал ни секунды, чем произвел впечатление не только на меня, но и на всех без исключения присутствовавших:

— Сражение! Но — без волшбы!

— Само собой, — усмехнулся Джером. — Биться будете без волшбы, одним своим умением и силой, по-симплону. Но иных правил не будет!

Ночной воздух наполнил одобрителный гул голосов.

Джером обратился ко всем присутствующим:

— Бро и сис! Дорогие мои! Кто из вас размяться не против? Сегодня собирались и без того бои устроить, но бои-то шуточные, без кровопролития и смерти, а тут вишь как получается? Поганое поле на нашу потеху развлечение послало! Ты, Олесь, хороший человек, раз такая оказия вышла!

При этих словах Борис глянул на меня, и рожа его перекосилась еще пуще. Узнал! Киру он, судя по всему, пока еще не заметил.

— А почему меня не спрашиваешь, старик? — просипел он своим сорванным басом. — Или испугался, что слабого Отщепенца выберу? Что опозорит он вашу славу хваленую? Или боишься, что тебя выберу?

— Среди Отщепенцев нет слабаков, — спокойно парировал советник. — Будь по-твоему, выбирай. Я и сам разомнусь, если на то твоя последняя воля.

Но я уже знал, кого выберет Огнепоклонник. Улыбка, похожая на гримасу, растянула губы пленника, и Борис тыкнул обеими связанными руками в меня. Люция, Нэнси и другие с любопытством уставились на меня, потом снова на Бориса.

— Вот его выбираю! Без волшбы, но и без других правил! Бой до смерти. Если поломак его, уйду на все четыре стороны.

— Не на шесть? — удивился Джером. — Сторон-то у света шесть, а не четыре. Ну да ладно...

Он всем телом развернулся ко мне.

— Уж извиняй, бро Олесь, но таковы наши традиции. Отщепенец не бежит от схватки.

Люция схватила меня за локоть и зашептала:

— Быстрее убей его, не тяни! Вырви ему хоть глаза, хоть яйца! Я не хочу, чтоб ты сильно устал до нашего купания!

— Нет! — вдруг звонко крикнул кто-то. Я рывком повернул голову — так и есть: Кира вышла из-за стола симплов и шла к нам. — Борис, выбери меня! Я тебя убью собственными руками! За библиотеку, за мальчика, за твою ненависть!

— Моя ненависть не на пустом месте выросла и взлелеялась, — огрызнулся Огнепоклонник. Он почти не удивился появлению сестрицы — то ли все-таки успел ее засечь, то ли умело скрыл чувства. — Или забыла, за что тебя ненавижу?

В красноватом свете фонарей было видно, как побагровела Кира. Ранее она сняла плащ, иначе цвет щек сравнялся бы с цветом плаща.

“Что за новости! — подумал я. — За что он ее ненавидит? Что она наделала?”

Встряла Нэнси:

— Все интереснее и витиеватей! Семейная драма симплов! Твоя наложница, Олесь, знает этого человека? Не у него ли увел ты невесту?

Я не успел ответить. Борис пролаял, глядя на Киру:

— Так ты еще и наложница этого выскочки? Шлюха!

Кира поджала губы. Ноздри ее раздулись. Она обратилась к Джерому:

— Дозволь, пано, сразиться с этим человеком!

Я снова не успел вмешаться — на сей раз мне не дала раскрыть рта нетрезвая Нэнси:

— Нет-нет-нет, сис и бро! Так не пойдет! Коли эти два симпла — бывшие любовнички, доброй схватки не получится! Пусть сражается Олесь — уверена, он победит.

Публика зашумела, загомонила. Они были согласны, чтобы дрался с Борисом я.

Что ж, я не против. Во мне не было страха, когда я вышел из-за стола навстречу грязному и злому Борису. Меня переполняли злорадство и удовлетворение. Поганое поле — это поле чудес, и сейчас оно сотворило очередное чудо — подало мне Бориса готовенького на блюдечке.

— Никому не позволю с ним сразиться, бро и сис! — торжественно, подыгрывая остальным, заорал я. — Он меня выбрал — так быть посему!

Но, подойдя к Борису вплотную, шепнул ему так, чтобы больше никто не услышал:

— Ты мне за Витьку заплатишь по полной программе, сука.

***

Симплы споро (явно имелся опыт) организовали ринг — свободное место между столами. Край его выходил к воде. Принесли еще факелов, чтобы не пропустить чего интересного. Угощение и выпивка на время забылись. Некоторые Отщепенцы, правда, были намерены наслаждаться боем с попкорном и колой, то бишь с куском жирного мяса и кубком сивухи.

Борису развязали руки, и он стоял на краю “ринга” с мрачным видом, растирая окровавленные запястья. У него хватило ума не пытаться прорваться на волю, выхватив у кого-нибудь кинжал. Ведуны быстренько бы вывернули его наизнанку в самом буквальном смысле.

Патрульные Рик и Ворон, которым советники дозволили остаться, слезли с коней и присоединились к зрителям. Рты до ушей, в глазах — мальчишеский азарт.

Я вынул “гришана” из-за пояса вместе с ножнами и положил на стол. Шпаги со мной не было — так же, как и автомата. Про М-стикеры никто не знал, но я и их тоже вынул и шлепнул рядом с кинжалом под озадаченным взглядом Люции.

Арбитром вызвалась быть неугомонная Нэнси. Она чувствовала себя в своей тарелке, прямо-таки наслаждаясь ситуацией.

Я тоже вышел на ринг — с противоположной стороны, как и полагается во время боксерских поединков. Впрочем, я совсем не был уверен, что бой развернется по правилам кулачного боя. Возможно, имело резон снять рубашку — это даст преимущество перед

соперником, который не владеет приемами вольной борьбы. И рубашку сохраню... даже если сам сдохну.

Позже подумал, что снимать рубашку не буду — вряд ли будет борьба. Вырубать Бориса надо быстро, и не ради Люции, которая не хочет, чтобы я утомился перед купанием, а ради самого себя и Бориса. Я человек не мстительный, но урок преподать этому гандону обязан.

Я размял руки, попрыгал на месте. Борис же стоял на месте и с кривой (из-за ожога) ухмылкой глядел на меня. Меня эта усмешка разозлила, хотя я старался не подать виду.

— Начали! — крикнула Нэнси и шустро отскочила в сторону, чтобы не попасть под раздачу.

Я стремительно пошел в атаку, но в последний момент свернул влево, одновременно выбросив резкий джеб. Виталий Михайлович Фольц, мой тренер по боксу, учил не пороть горячку и сперва как следует разведать противника, прощупать его джебами и размять от души.

Вообще-то, получалось, что никакого тренера Фольца не существовало в природе, и был это виртуальный бот в квесте, но, как бы то ни было, боксировать я научился. И доказал это на Модераторе Вечной Сибири и Игоре из деревни Замороженных. Странно было лишь то, что я почему-то очень хорошо помнил этого Фольца, в то время как лица родителей расплывались, и я даже их имен не мог назвать.

Джеб достиг цели, а именно — скулы Бориса. Он пошатнулся. Его уже хорошенько отделали, и мне, несмотря ни на что, колотить его было как-то неудобно. Борис, однако, оказался парнем крепким. Он пригнулся, поднял кулаки и принял почти классическую стойку боксера — правда, кулаки держал тыльными сторонами вперед, как в древнем кулачном бою.

Некоторое время мы скакали по кругу, выбрасывая удары левой. Аудитория завывала и заулюлюкала, кто-то несколько раз выкрикнул “Хурр!” с определенно неодобрительными интонациями. Борис также не спешил кидаться в атаку, на которой я его, несомненно, подловил бы, как несостоявшегося регбиста Игоря. Бил Борис хлестко, но не прямыми, а чуть боковыми. Непонятно было, борец он все-таки или ударник.

После очередного “колхозного” джеба он внезапно вошел в клинч. А я прозевал нужный момент для хука, который отправил бы Огнепоклонника в глубокий нокаут. Вцепившись в меня, Борис попытался бросить меня наземь, но я устоял, вспомнив кое-что из дзюдо.

Восстановив равновесие, я ударил коленом, потом локтем и сразу же сделал апперкот правой. Кулак попал точнехонько в бородастую челюсть. Зубы у Бориса лязгнули, и он рухнул на траву.

Раздался рев на “трибунах”.

— Убей! Убей! Убей! — скандировали Отщепенцы.

— Давай же! — рявкнула Нэнси кровожадно, сверкая белками глаз на черном лице. — Бой до смерти! Если он выживет, ты не победитель!

И тут до меня дошло, что у меня нет выбора — я должен прикончить Бориса на глазах у Киры. Без оружия, голыми руками!

Да, он — убийца Витьки, но валить его сейчас, пока он лежит на земле? Как? Горло ему перегрызть?

В кино так обычно подставляется главный герой, пока рефлексирует над упавшим злодеем. А потом злодей вскакивает и побеждает.

Нет уж. Я, может быть, и не герой, но Борис — точно злодей. Пощадить его сейчас —

передать память о Витьке. Или самого Витьку, если он все еще жив и блуждает по Поганому полю...

Я подскочил к лежащему и обрушил на него град ударов. Обычный человек должен был давным-давно вырубиться, но Огнепоклонник оказался выносливым, как мул. Я не заметил, как он захватил к пригоршню песок с проплешины среди “газона” и швырнул его мне в лицо. Я отвернулся на миг, зажмурившись, но Борису этого хватило, чтобы угостить меня ударом ноги в сапоге и, когда я свалился, усесться сверху — в “маунт”, как принято было говорить в ММА.

— Никаких правил, кроме волшбы, да? — прохрипел он. — Ну так получай, Урод! Гори в адском пламени!

Его твердые мозолистые пальцы сдавили мне горло. Я ухватился за скользкие от крови запястья, но Борис словно окаменел и прибавил в весе. У меня сам собой изо рта вылез язык, глаза закатились. Черное небо, факелы и лица зрителей подернулись дымкой, закружились. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Олесь! — донесся до меня голос Киры.

“Вырви ему хоть глаза, хоть яйца!” — прозвучал в памяти жаркий шепот Люции. Я отцепился от запястий и обеими руками схватился за гульфик Бориса. Гульфика, ясное дело, у него на джинсах не имелось, и джинсовая ткань была довольно плотной, но яйца находились на месте.

В кино обычно такими подлянками пользуется злодей, но в реальности все неоднозначно. Если на то пошло, Борис первым прибегнул к подлости, ослепив меня песком.

Результат моих манипуляций последовал немедленно. Борис заорал и убрал руки.

Поскольку он привстал, я повернулся на бок, потом — на четвереньки и выскочил из-под супостата. Ладонь нащупала камень размером с кулак, я развернулся и, не глядя, размахисто ударил Бориса. Камень попал куда-то в район виска.

Но и тогда этот тип не потерял сознание! Он был в нокдауне, качался, как пьяный, взгляд расфокусировался, но по-прежнему держался на ногах и даже шел. Впрочем, не вперед, а назад. По виску сторевшей половины текла черная в свете факелов и фонарных свечей кровь. Рот был разинут.

— Ты... ты... будешь гореть... в огне!!! — прохрипел он.

— Добей его! — взвизгнула вдруг Кира, и я вздрогнул.

Я тупо взглянул на камень в руке, шагнул вслед за пятившимся Борисом, но двигался неуверенно. Все же убить рапирой получеловека-полуурода, секунду назад перерезавшего горло маленькой девочки, — это одно, а забить человека камнем на глазах у кучи народа, среди которого родная сестра твоей жертвы, — это совсем другое.

Грязная получилась схватка, и не было в ней ничего благородного и красивого... Но чего я ожидал? Вот Отщепенцы ничего другого и не ждали, подначивая меня поскорей подбежать и расколотить Борису его крепкую башку. Но я медлил.

И Борис рухнул с закатившимися глазами и побелевшим лицом в воду. Берег здесь выступал над водой примерно на метр, течение было быстрым, а река глубокой. Бориса моментально унесло в темноту.

Болельщики издали разочарованный вопль, кто-то засвистел.

Плохо соображая, я повернулся и посмотрел на Киру.

Она молча отвернулась.

Витька был отомщен, но на душе у меня было погано, как никогда.

Глава 5. Россы туристы

Мы с Кирой отчалили из становища Отщепенцев наутро следующего дня, поднявшись затемно и перекусив на скорую руку. Никто нас больше не задерживал.

От купания гольшом в обществе Люции и прочих Отщепенцев я отказался, сославшись на усталость. Кира, насколько мне известно, тоже ушла в свой шатер задолго до окончания пирушки. Люция проводила меня укоризненным взглядом, но уже через минуту заливисто смеялась и хлопала по колену какого-то молодого ведуна с заплетенной в косички бородой.

После потасовки с Борисом у меня разболелись старые раны и появились новые — далеко не такие жуткие, как после свидания с Уродами. Однако плохо мне было не от ран, а от самой схватки и ее завершения. Не так я представлял себе месть Борису, ох, не так! В моем воображении у нас состоялась встреча в чистом поле, и я всаживал в него пулю, а после того, как он падал с лошади, я успевал сказать пару слов насчет Витьки... В реальности же получилось так, что я лупил его камнем по черепу на потеху массе людей и лупил-то как-то совсем хреново, раз он никак не вырубался... И все это ко всему прочему лицезрела Кира.

Она, конечно, ни единым жестом не показала, что хоть в чем-то меня винит. Борис сам выбрал меня в качестве противника. И он убил Витьку, хотя собирался пришить саму Киру. Она ненавидела брата, но чужие семейные дела — потемки...

Пока Викентий или кто-нибудь другой не объявил, что я должен присутствовать на очередном мероприятии ведунов, мы в спешном порядке забросили шмотки в мусоровоз (включая скейт, который чудом остался в целости и сохранности после того, как его поюзала толпа детишек). Разговаривать было некогда.

Кира оседлала гнедую лошадь, рыжая была в заводе. Я сел за руль мусоровоза (или гарбовоза, как его называли Отщепенцы) и понял, что соскучился по кабине, сидению и рулю. Наверное, так же чувствует себя дальнобойщик, который засиделся на одном месте и вот, наконец, снова забирается в родную фуру.

Неловкость перед Кирой, несмотря на все попытки урезонить собственную не в меру разошедшуюся совесть, возросла оттого, что Огнепоклонница-библиофилка ехала чуть позади, а не вровень с кабиной. Возможно, она это делала, чтобы не мешать мне лавировать между сопок. А может быть, и нет. Как бы то ни было, когда мы отъехали от Танаиса километров на десять, я нажал на тормоза.

Кира сразу же подъехала к кабине.

— Кира, я должен с тобой поговорить... — начал я, выглядывая в окно.

Она приподняла брови и почему-то обернулась назад, словно желая выяснить, не преследует ли нас кто. День выдался солнечный и жаркий — как, впрочем, и всегда в этих краях, — и Кира накинула на голову капюшон, который отбрасывал на лицо густую тень. Выражение лица трудно было прочесть, но вроде бы оно оставалось совершенно бесстрастным.

— Ты не держишь на меня зла? — бухнул я напрямик. — За то, что убил твоего брата? Если намерена высказаться, выскажись сейчас. Между нами не должно быть недомолвок — у нас впереди долгий путь вместе...

Кажется, неплохо изложил суть вопроса, подумал я, против воли вцепившись в руль. Все же нервничал, хотя, по сути, был прав во всем.

Секунду Кира пристально смотрела на меня. Потом резко выпалила:

— Ты его не убил!

Наступила моя очередь вздымать брови.

— Прости?

— Мой брат — живучий ублюдок. Мы не видели его смерть — его унесло течением.

— После удара камнем в висок и быстрого течения не выживешь...

— Ты сам говорил, что в Поганом поле возможно все.

Я прикусил язык. Верно, говорил — по поводу Витьки. А тело пацана мы как раз таки видели, и в нем не было признаков жизни. Что касается Бориса, то его хладным трупом полюбоваться не довелось.

— Все Отщепенцы сочли, что он мертв, — возразил я не совсем уверенно.

— Им просто плевать. А я не Отщепенка.

Я помолчал. Знойный ветерок обдувал раны на щеке, чувство было приятным и одновременно чуть болезненным. До этого момента я не сомневался, что Борис склеил лапты окончательно и бесповоротно. И задавался вопросом в стиле сопливой интеллигенции: испытываю ли я удовлетворение от мести? Нет, удовлетворения я не испытывал, но и подтачивающий со дня смерти Витьки гнев пропал без следа. Оставались лишь вина и тоска по другу.

— Ты серьезно считаешь, что он выжил? — спросил я.

— Рано считать его мертвым. Его уже не раз пытались убить. У нашего племени были враги — племя тех, кто поклонялся духу воды. Мы прозвали их Речными людьми и воевали с ними. Потом наши победили, истребив каждого представителя Речных людей... кроме двух, которые успели скрыться. Это был геноцид, если такой термин применим к одному крохотному племени, который, по сути, относится к тому же этносу, что и Огнепоклонники, но имеет другую религию. Эти два выживших напали на дружину, в которой был Борис, и сумели убить из засады почти каждого. Бориса сильно ранили — настолько сильно, что его сочли мертвым. Но он выжил, дошел пешком до наших деревень, а через год выследил и предал этих двух бедолаг страшной смерти на Вечном огне...

Я против воли поежился.

— Это они его обожгли, когда напали на дружину?

Кира поморщилась, будто вспомнив что-то омерзительное, и покачала головой.

— Нет, ожог у него с раннего детства. Может, он потому такой бешеный и неукротимый, что испытал страшную боль в юном возрасте...

Она снова поморщилась и уверенно добавила:

— Я его не оправдываю. Если копаться в детских травмах, то оправдаешь кого угодно, вплоть до полного морального урода. А это неправильно. У каждого человека есть выбор — стать Уродом или... собственно человеком.

Я одобрительно кашлянул, а Кира шумно выдохнула и коротко рассмеялась:

— Это я прочитала, конечно, не сама придумала. Но согласна с мыслью автора книги. А тебя я, Олесь, не виню. Ты не сделал ничего такого, за что тебя надо ненавидеть. Не бойся — я не ударю в спину.

Я начинал широко улыбаться, но от последних слов подавился воздухом.

— Да я не об этом! Я не боюсь удара в спину! В смысле, не потому, что я такой храбрый, а потому, что ты не ударишь!

— Я поняла. Но все-таки, Олесь... — Она помолчала, теребя в руках поводья. Лошаде

под ней нервно потряхивала гривой, отгоняя мелких мушек. — Надо было его убить. В следующий раз не упустить шанс. Не повтори ошибку, которую допустили те двое Речных людей.

***

Добравшись до шестиугольной гравитационной дороги, мы поехали вдоль нее на запад.

На ходу особо не поговоришь: двигатель хоть и тихий, но хрустят колючие кусты под широкими колесами, топают лошади, и надо поглядывать вперед, чтобы не заехать в рытвину. Поэтому каждый думал о своем.

Не знаю, о чем думала Кира. Такой волшбой я еще не обзавелся. В-токи вокруг нее вились обычные, свойственные живым существам. Что бы ни творилось у нее в мозгу, сердце пребывало в относительном равновесии.

Все же я зря беспокоюсь, что гибель (или не гибель?) брата ее сильно расстроила. Не те нынче времена, чтобы по любому поводу пускать слезы и бежать к психологу. Или в магазин за крепким пойлом. Люди привыкают к ликам смерти и не парятся лишней раз.

Я, наконец, перестал заниматься фигней и думать о Борисе. Мысли устремились в будущее — самое оптимистичное.

Вот представим: все будет зашибись; я найду Витьку, воскрешу его или верну оттуда, где он сейчас; эндорфины (гормоны счастья) схлынут, и настанет время думать, как жить дальше. А как жить дальше? Какие преследовать цели? Нет ничего хуже, по-моему, бессмысленной и бесцельной жизни.

Наверное, надо будет осесть, построить ферму, засеять поля, укрепить периферию от нашествия незваных гостей вроде родичей Киры...

Хотя — зачем? Есть становища Отщепенцев, где меня ждут. Поселимся с Витькой и Кирой — если она захочет — возле полноводного Танаиса, станем жить-поживать, добра наживать. Я задумался. Две наложницы и Кира... А еще приемный сын! Ох и семейка у нас будет — закачаешься! Все же Поганое поле — это круто.

Подумав о плодородных полях, я по ассоциации переключился на комбайны Вечной Сибири и Отщепенцев. Имелась, должно быть, и иная техника, произведенная Республикой Росс. Зачем россам отдавать свою технику в эти дикие страны? За какие деньги они ее продают — если вообще продают? Что если сиберийцы и Отщепенцы добыли ее даром?

Представить, каким образом голожопые сиберийцы отняли технику у продвинутой в научном плане страны, не получилось. А вот вообразить, как Отщепенцы с помощью ведовства приобретают технологические ништяки, оказалось не в пример проще.

Вечером мы разбили лагерь в овраге возле гравитационной дороги. По дну оврага струился ручей, по его краям росла трава и кусты. По привычке я развесил гирлянду, хотя обошелся бы и колдовскими мешочками. После близкого знакомства с Уродами, которые, оказывается, регенерируют с неестественной скоростью, рисковать лишней раз не тянуло.

Пока солнце не зашло полностью, я прогулялся по округе пешком, сканируя местность на предмет живых (или квазиживых) организмов. Наткнулся на сурчиную нору на склоне пологого холма, который плавно переходил в невысокую горную грядку, и с помощью Знака Глаза Урода выманил единственного обитателя наружу.

Знак работал отлично. Заставить сурка станцевать степ не удалось, но приблизить или оттолкнуть вышло без труда. Сурок трясся всем толстым телом, нос дергался, глаза таращились влажными пуговками, но перебороть магическую волю зверек не мог.

Я ощутил, что моя власть над существом тем сильнее, чем зверь взволнованнее. Страх, азарт, беспокойство ума играет на руку моей волшбе. Вероятно, поэтому мне не получилось зачаровать Киру М-стикерами — она была спокойна. А вот Викентий выбил ее из седла (точнее, она сама себя скинула наземь под влиянием волшбы), когда Кира взволновалась от наезда покойного Гришана и начавшейся потасовки.

Я не стал делать каких-либо опытов над Кирой, несмотря на то, что вокруг не было никого, кто мог бы запретить мне это сделать. Все же совесть у меня есть.

Сурка валить я тоже не стал — сушеного мяса и прочей хавки у нас хватало на несколько дней. Но понял, что отныне охота и, возможно, рыбалка превратится в нечто до зевоты скучное. Отщепенцы часто ездят на охоту и, вероятно, из спортивного интереса не используют волшбу, подобно некоторым личностям из эпохи буржуев, которые шли на зверя с луком и стрелами. Вряд ли у меня проклюнется такой спортивный интерес. Я — человек не азартный и весьма практичный. И Витька бы не одобрил...

Когда я “отпустил” сурка, приготовившегося, судя по всему, умирать, он шмыгнул в нору со скоростью пули — большой и волосатой пули.

А я вернулся в овражек, где Кира развела бездымный костерок, чтобы поджарить мясо и размягчить на водяной бане лепешки. Мой личный словарь после безобидной охоты пополнился терминами, которые я придумал сам для себя, чтобы хоть как-то обозначать некоторые магические манипуляции. Когда я нащупал В-токи сурка в норе, я “ухватил” его присутствие. А потом “обуздал” его. То, что я проделал, не шевельнув и пальцем, воспринималось именно как ухватывание и обуздание.

После ужина мы с Кирой умылись в ручье. Вода в нем была относительно прозрачная, теплая и без взвешенного мелкого песка. Но на вкус отдавала соленым. Я вымыл руки по локоть, заодно полюбовавшись на тату. Небольшая припухлость и покраснение почти исчезли, а Знак остался — четкий и темный. Я полагал, что рано или поздно тату из крови Урода сотрется, но сейчас почему-то преисполнился уверенности, что Знак никуда и никогда не денется.

***

Пурпурный диск солнца закатился, как глаз умирающего гиганта, в трепещущих волнах знойного марева. На равнину опустилась сизая темнота, а на востоке поднялся тонкий молодой месяц.

Мы с Кирой забурились в наши шатры-палатки, настроив гирлянду. Дежурить не посчитали нужным. Опасности со стороны Отщепенцев нет, я теперь свой; бешеный Борис, пусть и выжил, но вряд ли сейчас представляет опасность. Скорее всего, он помер или скоро помрет. Я обнял автомат и провалился в сон.

Неизвестно через какое время проснулся, как от толчка. Меня разбудило магическое чутье — я это понял сразу. Что-то приближалось.

Гравитационный поезд россов!

Мгновенно стряхнув остатки сонливости, я выскочил из палатки в прохладную ночь и при этом прихватил почему-то не автомат, который успел выпустить из объятий, а рапиру.

Стояла относительная тишина, где-то далеко сонно стрекотал сверчок, вскрикивала ночная птица, а гирлянда была темной и мертвой. Молодой месяц вскарабкался не слишком высоко на звездный небосвод, из чего делался вывод, что спал я не слишком долго.

Я выскочил из оврага, сканируя пространство. На западе серебристая равнина

протянулась до совершенно черного горизонта. Шестиугольники гравитационной дороги блестели, отражая свет звезд, как лужи. Поезда не было видно. Разве что он был невидимым и неслышимым.

Зато на востоке в полусотне метров на нашего лагеря между сопок метались красноватые отблески пламени. Свет двигался, приближаясь. Я догадался, что это идут люди с факелами.

Пока я стоял на краю оврага и всматривался вдаль, из шатра бесшумно выбралась Кира с обнаженным ятаганом. Она взглянула на меня и дернула подбородком, как бы спрашивая: ну что там?

Я развел руками. Не представлял, кто это идет и что теперь с этим делать.

Огнепоклонники? Тогда почему идут пешком, когда у них есть лошади? И зачем им подкрадываться к нам с зажженными факелами? Чтобы отпугивать Погань? Не проще ли тогда сидеть на месте и вообще никуда не идти в ночи?

Я спустился в овраг. Через несколько минут эти люди будут здесь. Они идут именно по “нашему” оврагу, вдоль ручья, и вряд ли мы с ними как-то разминемся.

Вспыхнула гирлянда, среагировав на движение. Из-за поворота оврага показались люди — старый мужчина, высокая и крепкая женщина и два подростка. Без тату, но с факелами и заплечными мешками. За этими четверья появилось еще человек десять.

Ослепленные внезапным сиянием, они застыли на месте. Лица в ярком освещении были бледными, как мел.

— Не убивайте нас! — крикнула женщина. — Мы идем к вашим!.. Мы — простые переселенцы!

Ее тру-русский был почти идеален, разве что слышался легкий акцент, как у прибалтов.

— К кому это — к нашим? — уточнил я громко.

Они разом вздрогнули, будто не ожидали, что им кто-нибудь ответит. Я отметил, что у кое-кого есть оружие в виде луков и стрел в колчанах. Но волшбы я не чуял совсем. Это не ведуны.

Я сразу расслабился, потому что перестал воспринимать симплов всерьез, что, разумеется, было неправильно. Симплы способны причинить массу хлопот. Взять хотя бы Бориса Огнепоклонника. Или Модераторов Вечной Сибири. Отсутствие способности к магии им с лихвой возмещает оружие и коварство.

— К россам...

Поскольку никто из пришельцев не шевелился, гирлянда погасла, экономя заряд бездонной батареи Решетникова.

При слабом лунном свете я переглянулся с Кирой и тут же напрягся — как бы не увидели Отщепенцы, что я советуюсь с “наложницей”... Вот ведь зараза! Пристала привычка! Отщепенцев ведь поблизости нет, если не считать меня самого.

Я сделал пару шагов навстречу. Вряд ли эти переселенцы что-нибудь видели, ослепленные прожекторами. Только скупо освещенный факелами силуэт высокого косматого мужика. Одну руку я держал на эфесе шпаги, готовый выхватить ее при любом движении со стороны пришлых и одновременно обрушить на них волшбу Знака Глаза.

— Мы не россы, — проговорил я.

— Спаси нас Прекрасная Аннит! — пролепетала женщина. Дедок рядом с ней разинул рот и вжал голову в плечи, будто в ожидании удара. Подростки особо никак не отреагировали, лица их были пусты и невыразительны. Толпа позади этих четверых

невнятно забормотала. — Отщепенцы!

Я кашлянул, намереваясь объявить, что мы не Отщепенцы, но заколебался. Де-юре я Отщепенец, меня приняли в становище, даже праздник закатили в честь нового бро. Но ведь переселенцы не в курсе? Правильно ли выкладывать им всю правду? Или пусть лучше считают нас Отщепенцами — больше будут бояться и меньше перечить?

Пока я прикидывал, женщина выступила вперед с видом человека, решившегося на отчаянный шаг.

— Заклинаю тебя, Отщепенец, пропусти нас, не гони в свой стан! Мы — слабые и больные, от нас тебе не будет проку. Наши деревни сгорели в пламени войны, и нам некуда идти, кроме как в Республику Росс...

— А отстроить заново свои деревни никак нельзя? — не удержался я.

— Враг захватил наши земли, и она больше нам не принадлежит...

— Какой враг? — резко и громко спросила Кира, которая оставалась возле шатра.

Женщина и все остальные ночные визитеры повернули головы на голос, но со всей определенностью никого не увидели. Зато женский голос, кажется, воодушевил парламентаршу. Она заговорила уверенней:

— Слуги Кривды Поганой! Нечистые идолопоклонники кланяются идолищу безобразному да жертвы невинно убиенных ему приносят!

В ее интонации проступили истерические, надрывные нотки религиозного фанатика. Люди сзади неодобрительно загудели, заплевались.

Один из мальчишек звонким голосом выдал:

— Сказывают, они со свиньями повальным грехом занимаются!

Старик обернулся и легонько угостил его затрепичкой. Это движение снова врубил гирлянду, и новоприбывшие опять скорчили рожи.

— А че такого? — не успокаивался пацан. — Баба Аксинья про то сказывала!

— Болтала много твоя баба Аксинья — за то и поплатилась! — рявкнул дед. — Враги в деревне ейной старуху сожгли заживо.

Кира перебила:

— Поклоняются ли ваши враги Вечному Огню?

Дед пожал крепкими плечами:

— Кто его знает? Может, и поклоняются. Бешеные они, не поймешь их нечистую веру.

— Предлагали ли они вам перейти в свою веру?

Вместо старика ответила женщина:

— А как же? Ходил меж нами их жрец, головы молодым морочил. Там мы его от скверны-то очистили...

— В землю положили среди ночи, — подхватил дед, — под ликом Прекрасной Аннит, когда она во всем благолепии была...

Меня раздражала их манера говорить, которая проявилась, когда речь зашла о вопросах веры. До этого они изъяснялись нормально. А сейчас начали нести какую-то пафосную чушь.

— Что такое Прекрасная Аннит? — спросил я.

Над толпой пришельцев пролетел вздох. Видимо, их шокировало мое богохульство. Женщина, перестав шуриться, строго и серьезно произнесла:

— Не “что”, а “кто”. Ты Отщепенец, а потому своего бога не имеешь, но даже такие, как ты, способны лицезреть ее блистательный лик. Вот же она — приоткрывает свою красоту!

С этими словами она подняла голову и посмотрела вверх — туда, где в небе сиял полумесяц.

Они что, поклоняются луне? Я хмыкнул, но негромко, вряд ли меня услышали. Для меня, неотесанного — без году неделя — Отщепенца, что луна, что огонь — один хрен. От огня больше вреда, надо сказать, и пользы. Огнепоклонники все же опасней будут...

Презрительная интонация женщины, судя по всему, напугала старика — даром он, что ли, дожил до преклонных лет. Льстивым голосом он пролепетал, обращаясь ко мне:

— Вам же ж, уважаемым и могущественным Отщепенцам, неважно, что мы Прекрасную Аннит за богиню чтим?

Я откашлялся, раздумывая над ответом. С фанатиками надо держать ухо востро. Гирлянда погасла.

— Мы уважаем вашу религию и не имеем ничего против, — объявил я громко и четко. — И не препятствуем вам, раз вы хотите пройти здесь. Идите свободно своей дорогой.

Дед низко поклонился, чуть не уронив факел и снова активировав гирлянду. Наверное, лунопоклонники не представляли, зачем мы то светим на них прожекторами, но нет. Но выглядело это для них однозначно зловеще.

— Благодарим тебя, пано! И панньё! Однако ж ночь уже, Погань из нор повылезала. Дозвольте тут, поблизости от вас, заночевать. Мешать не станем, мы — как мыши!

Не то, чтобы мне нравилась идея, что рядом будут торчать лунопоклонники. В открытой схватке я со своими волшбой и автоматом их одолею, естественно, но всю ночь следить, чтобы они нам не напакостили — идея неважная.

Что делать? Вслух спросить Киру я поостерегся. О традициях Отщепенцев эти селенофилы могут быть наслышаны. Отщепенец не спрашивает ничьего мнения, а если спрашивает — то это не Отщепенец. Я помолчал, прикидывая. Погнать их прочь поганой метлой в Поганое поле? Тогда кто-нибудь из них точно затаит обиду. Нам лишние недоброжелатели не нужны.

Я решил:

— Ночуйте здесь. Вы будете защищены от Погани нашим светом, который горит, когда кто-то двигается. И нашей могучей волшбой. Но если кто-то подойдет к нам и нашим вещам слишком близко — берегитесь! Кара последует незамедлительно!

Пришельцы-погорельцы съжились от страха, и мне немного стало неудобно. Но лучше пусть боятся. Судя по поведению, волшбу они на себе успели испытать, и видели ее эффективность.

Меня нестройным хором поблагодарили, будто это мой личный овраг и я позволил им временно попользоваться. Потом отступили на пару десятков метров, за поворот и разбили там лагерь. Я незаметно подсмотрел за ними сверху, пользуясь В-сканером. Они установили факелы вертикально в грунте по периферии лагеря, несколько начавших чадить факелов погасили, смочили в смоле, которая находилась в специальных бурдюках, и снова зажгли от других источников огня. Поставили несколько навесов, распаковали небогатое имущество. Поставили дозорных, которые следили за факелами и при надобности добавляли смолу, которая горела очень долго. Через несколько минут лагерь тихо спал.

Действовали они быстро, умело, без лишней суеты. Опытные ребята, не первый день в Поганом поле.

Я понаблюдал за спящим лагерем еще немного, затем отошел к себе, но продолжал сканировать местность.

Кира ждала меня у своего шатра, держа ятаган обнаженным и не шевелясь, будто статуя девушки-воительнице. Когда я спустился по глинистому склону, она кивнула и вложила ятаган в ножны. Багровую накидку она сняла загодя, чтобы пришельцы не опознали в ней Огнепоклонницу. С репутацией Огнепоклонников лучше лишний раз не демонстрировать то, что ты из их рядов. Как по мне, так от этой накидки стоило бы вовсе избавиться.

Не обменявшись ни единым словом, мы улеглись спать.

***

Наутро я проснулся от вкусного запаха жарящейся рыбы. Спросонья подумал, что это наложницы подсутились, потом вспомнил, что я уже покинул становище. Решил, что это Кира хозяйничает.

Но и тут ошибся.

Когда вылез из палатки, Кира умывалась у ручья, сидя на корточках. Она только что проснулась. Солнце взошло совсем недавно и низко висело над восточным краем равнины. Нижняя часть оврага утопала в прохладной тени.

Зато проснулись и хозяйничали лунопоклонники. За поворотом слышались негромкие, но отчетливые голоса. Оттуда шел приятный запах еды, а над пригорком поднималась прозрачная струйка дыма.

Сполоснув физиономию и почистив зубы щеткой из князьградских магазинов, я из любопытства пошел к соседям.

При свете дня разглядел их получше. Одиннадцать человек обоего пола, детей лишь трое — два давешних пацана и девочка, которую я вчера не заметил. Одеты в грубую просторную одежду, популярную в этих местах, но штаны явно не “отщепенские”. Женщины щеголяли в простого кроя платьях до колена без поясков. С пояском ходила только маленькая девочка.

В котелке над костром действительно жарилась рыба с картошкой (если я верно разглядел) и зеленью, которую, видно, хранили в сушеном виде. Возле костра лежали аккуратные стопки хвороста. Разогревались сухие лепешки. Все были заняты, но никто не сутился.

Вчерашний дед священнодействовал над котелком — наверное, был шеф-поваром в этом маленьком племени.

При виде меня все сразу насторожились, хотя и должны были понимать, что я рано или поздно нагряну в гости. При свете дня они и мою покоцанную харю разглядели как следует и брутальную красоту явно не оценили. Дед даже выронил шумовку с деревянной ручкой.

Быстрее всех пришла в себя женщина с повадками лидера, вчерашняя спикерша:

— Мы к вам не ходили, пано! Ни взрослые, ни ребятишки и за угол не заглянули ни разу — как ты и потребовал!

Я крякнул и погладил бороду, которая отросла настолько, что закрывала кадык. Хотел было сказать: “Молодцы!” — но так ничего и не выдавил. Их страх меня изрядно смущал, хотя разумом я понимал, что так гораздо лучше. После клятого глюка в глубине бессознательного я по-прежнему считал себя безработным эникейщиком, который по чистой случайности стал колдуном. Просто случилось недоразумение, как в фильмах, где бродяга случайно становится королем — или что-то в этом роде. И весь этот страх и преклонение также казались глупой ошибкой. Я этого не заслуживал.

Пока я подбирал нужные слова, дед оглядел меня с ног до головы цепким взглядом и

мягко, елеиным голоском, поинтересовался:

— Кто ты, мил человек? Отщепенец ли?

Ага, его смутило отсутствие тату на открытых участках кожи. Я молча показал ему предплечье со Знаком. Пусть не сомневается насчет того, кто я такой.

— Отщепенец, — отрекомендовался я кратко и сухо.

— А женщина, что с тобой ночью была? — продолжал допытываться старик, прищурившись.

Как по мне, так вопрос в высшей степени неуместный даже для дикарей. Подобное поведение нужно пресекать в корне. Откуда-то я знал, что если дать таким людям палец, они заберут всю руку.

“Ко мне!” — приказал я мысленно, направив Знак Глаза на не в меру любопытного деда.

Он снова выронил шумовку, но на сей раз не наклонился за ней, а выпрямился и на негнущихся ногах повлекся ко мне. Его будто на ниточках вели, как куклу.

“Танцуй!”

Бедняга задергался всем тощим телом, вскидывая ноги и взмахивая руками. Он побледнел, глаза вращались в орбитах. Наблюдавшие за шоу зрители окаменели от ужаса.

— Что-то еще спросишь, старик, чего тебя не касается? — вежливо поинтересовался я.

Я понимал, что веду себя крайне некрасиво по отношению к человеку старше себя. Но некоторый опыт, приобретенный в Поганом поле, рекомендовал не затягивать с разрешением потенциальных конфликтов. Если намечается разборка, лучше решать все на месте — быстро и жестко. Иначе день и час этой разборки установят другие люди, а со мной планами не поделится, чем застанут врасплох.

— Пощади, пано! — проблеял несчастный дед, выделявая странные па и пытаясь плясать вприсядку.

Я опустил руку с магической татухой, и дед остановился, упершись руками в колени и тяжело дыша — больше не от усталости, а от пережитых страстей. Не слишком-то и долго он выплясывал.

— Да спасет нас Прекрасная Аннит! — вполголоса, но вполне различимо проговорила женщина. — Прости нас, пано! Глупые мы, а Бажен и стар впридачу! Из ума выжил!

— Это первая и последняя ошибка, которую вы совершаете в отношении меня и моей спутницы, — заявил я с угрозой, не без сожаления поглядев на жареную рыбу. После этой сцены нас с Кирой вряд ли пригласят к столу... Что ж, у нас тоже есть что пожевать.

Но я ошибся.

Дед Бажен уже пришел в себя и улыбался как ни в чем не бывало.

— Пожалуйте... пано и панньё... откушайте с нами!

Я отказался было, но мигранты настояли. Или же все-таки я соблазнился запахом еды и сильно не сопротивлялся. Кира явилась тоже. Я, правда, никак не обозначил ее статус, и члены поклонников Прекрасной Аннит так и не выяснили, кто она — Отщепенка-ведунья или моя наложница. На открытых участках кожи у нее не было ни одной тату (я подозревал, что и на закрытых также не найти росписей), но моя демонстрация отбила охоту у мигрантов задавать неуместные вопросы.

Женщина, которая в их маленьком обществе играла роль неформального вожака, представилась и поочередно назвала каждого человека из группы. Ее звали Мальва, ее сыновей — Вукол и Ипат, а имена остальных семи человек обоего пола я не потрудился

запомнить. Если понадобится, отмотаю запись на нейрочипе. Запомнил лишь, что все имена были редкими и старинными — для человека из эпохи буржуев.

Все же чертов квест повлиял на меня сильнее, чем вся остальная реальная жизнь, которую я так и не вспомнил. Ее у меня, получается, украли, заменив фальшивой. Но это меня тревожило мало: плачешь, когда знаешь, что потерял; когда нет памяти, нет и сожаления.

Первые несколько минут завтрак проходил в тишине, которую нарушали звуки жевания и глотания. Мы расположились кто где — кто-то сидел на корточках, кто-то на сложенных в несколько раз одеялах, а нас с Кирой усадили на длинный кусок ствола дерева, невесть как оказавшийся в этой степи. Впрочем, иногда мы встречали во время путешествия одинокие древесные исполины посреди бескрайней равнины.

Затем понемногу завязался разговор.

И сразу мне не понравился, потому что касался драгоценной религии этих мигрантов и того простого и очевидного факта, что весь мир, включая Республику Росс, должен поклоняться Прекрасной Аннит. Лунопоклонники считали само собой разумеющимся, что не должно быть никаких иных богов, равно как и не должно быть никакого иного поклонения, кроме как Аннит.

Как выяснилось из разговора, луна — это материальное проявление вездесущей и трансцендентной богини, матери вселенной. Лунные циклы отображают вселенский цикл рождения и смерти. Обратная сторона луны — это материальное проявление Тинны, Обратного Лица Прекрасной Богини; когда луна повернется к земле другой стороной, мир погибнет... чтобы родиться вновь через положенное время.

Тинна сильна, поскольку в мире полно нечисти — как реальной, так и фигуральной, той, что засела в душонках людей. Сила Тинны базируется на неверных представлениях людей о том, кому поклоняться-молиться и как относиться друг к другу. Если же научить человечество жить правильно и праведно, тогда Тинна полностью исчезнет, и на небосклоне будет блистать всегда полная Аннит.

— Важно понимать, — фанатично сверкая глазами, заявила Мальва, — что Тинна — не другая богиня, а всего лишь темная ипостась Аннит. Есть только одно всемогущее существо, творящее мир каждый эон, и познать его полностью человекам не дано. Мы лишь видим то, что нам “показывают”, понимаете?

Я понимал. В первую очередь, что передо мной фанатики. Во вторую, что у них не зря появились враги, которые согнали их с насиженных мест. Видать, задолбали своей религией соседей, вот у тех терпение и лопнуло. Теперь эти сектанты вынесут мозг россам.

— А почему бы тогда не поклоняться Тинне, — спросил я. — Раз уж обе они ипостаси единой богини? Какая разница?

Думал, вопрос разорвет фанатикам пуканы, ан нет! Мальва хитро осклабилась и заявила:

— Ипостась ипостаси рознь! Какая разница между светом и тьмой? Тьма есть отсутствие света, а не некая противоположная свету субстанция, некий “темный свет”. Аннит — субстанциональная ипостась богини, тогда как Тинна — всего лишь обусловленная. Это как считать реальным отражение в зеркале, нежели само зеркало.

Меня давно утомил этот бессмысленный разговор, и я подумывал как-то его пресечь, хотя Мальва была начитанной и весьма подкованной в философских вопросах. С начитанными людьми всегда беседовать интереснее, нежели с невеждами. Сбить с настроя

религиозного фанатика, вещающего о своей вере, не проще, чем заткнуть вулкан пальцем.

Я начал многозначительно почесывать Знак Глаза, когда вдали что-то засвистело. Вукол и Ипат, которые успели смести с тарелок еду и явно тяготились необходимостью слушать мамашу, взлетели вверх по склону оврага.

— Поезд! — заорал один из них.

— Россы едут! — вторил ему второй.

***

Все в едином порыве побросали чашки, и выскочили из оврага на пригорок. Мы с Кирой опередили всех остальных.

На западе над равниной висела серебристая точка. От нее и доносился тот самый свист. Точка быстро увеличивалась, превращаясь в округлый серебряный объект. В свисте проявлялись басовитые оттенки, и через пару секунд это уже был не свист, а гулкий низкий вой разрезаемого воздуха.

Скорость, с которой несся поезд, была сумасшедшая. Я всего два раза моргнул, и вот совсем рядом над шестиугольниками гравитационной дороги завис сплюснутый “локомотив”, сверкающий хромированными поверхностями. Секунду назад он казался точкой на горизонте. Скорость не превышала звук, иначе мы бы услышали свист и вой разрезаемой атмосферы уже после того, как поезд пронесся бы мимо, но и без того поезд, казалось, летел как самолет.

Локомотив и пара вагонов таких же стремительных очертаний летели в метре над “дорогой”, не касаясь ее. Никаких колес не было.

Свидетели Прекрасной Аннит запрыгали на месте и заорали. Пара мужчин сняла рубахи и замахала ими на манер флагов.

— Не остановится, — пробормотал я, напряженно сжимая эфес шпаги. — Чересчур быстро едет...

— Нет! — воскликнула Кира. — Смотри! Он тормозит!

Она тоже была возбуждена видом приближающегося чуда техники, рядом с которым все комбайны и мусоровозы Вечной Сибири смотрелись как телеги Средневековья рядом с ракетами “Спейс Икс”.

Кира оказалась права: поезд затормаживал — и делал это так стремительно, как летел до этого; пассажиров внутри должно было размазать по стенам.

Издав торжествующий рев, лунопоклонники сломя голову бросились к дороге. На сей раз мы с Кирой отстали.

В километре от нас поезд сбавил скорость настолько, что шум от движения стал совсем низким и тихим, а затем окончательно пропал, и наступила неестественная тишина. Поезд скользил над шестиугольниками неслышно и плавно, как облако. Каждый раз, когда сплюснутый нос локомотива нависал над очередным шестиугольником, его блестящую поверхность сотрясала беззвучная вибрация, от которой в стороны рассыпался весь мусор, что копился на шестиугольнике. Вибрирующие пластины смахивали на динамики мощных колонок, вздрагивающие от могучего бита.

Гравитационный поезд Республики Росс остановился в считанных метрах от нас. Лунные фанатики перестали вопить и прыгать. Они стояли с разинутыми ртами и повисшими, как плети, руками. Восторг сменился испугом.

У локомотива и вагонов не было окон — так же, как и колес и прочей “фурнитуры”. В

нижней части из блестящей поверхности выступали точки-бугорки, как у шрифта Брайля. Такие же знаки имелись на визитках клятого Димона. Совпадение? Я не думал, что это шрифт для слепых. Просто похоже. Но что это такое на самом деле, не представлял.

В полной тишине часть стены вагона завораживающе сложным образом свернулась внутрь, как мятая фольга, и образовался проем — шестиугольный, но вытянутый в длину. Из проема вывернулась лестница, также похожая на смятую фольгу, которая на сей раз разворачивалась, образуя ступени.

Я обнаружил, что не дышу. Затаил дыхание от ожидания.

Из проема вышли три фигуры в темных комбинезонах без швов и гладких шлемах, сделанных будто из одного куска темного металла. Отверстий для глаз или носа не было видно. Я присмотрелся и увидел, что комбинезоны на самом деле не просто одежда, а особого рода гибкая броня, состоящая из мелких шестиугольников, которые как-то ухитряются перемещаться друг относительно друга.

Фигуры держали в руках короткие автоматы с широкими шестиугольными дулами.

— Просим отойти на несколько шагов! Не пытайтесь использовать волшебку, иначе будете уничтожены! — раздался ровный голос, не мужской и не женский. Я не распознал, от какой именно фигуры он исходит. — Требим двинуться на северальни шаги! Ни трайтесь волшебствовать, ино вилу дестройны!

Первая часть речи была на тру-ру, а вторая на наречии, чем-то похожем на отщепенский, но с вариациями.

— Слава Прекрасной Аннит! — завопил один из мигрантов позади меня. Я вздрогнул и обернулся. Человек с голым торсом, со свернутой рубахой в руке, щерился во весь рот, лицо было перекошено. Кажется, он переволновался. — Они услышали! Услышали и остановились! Это промысел богини!!!

— Не двигайся, идиот! — прорычала Мальва уголком рта. Глаза ее перебежали с фигур в броне на экзальтированного земляка и обратно.

Но дурак, бросив рубаху, бросился с распростертыми объятиями к россам. В следующий миг одна из фигур выстрелила из “автомата”. В мои уши ввинтился инфра-низкий звук, словно лопнула самая толстая струна на невидимой гигантской гитаре. Незримая сила отшвырнула “экзальтанта” метров на пять назад.

Над мигрантами прокатился полувскрик-полувсхлип.

Но дурачок, целый и относительно невредимый, сел в траве и со стоном схватился за поясницу.

— Ради Прекрасной Аннит, не дергайтесь! — прошипела Марфа, поднимая руки плавным движением. — Хотите погибнуть в двух шагах от нашей конечной цели?

Все, в том числе и мы с Кирой, последовали ее примеру и подняли руки.

Последовала краткая пауза, заполненная шепотом поднявшегося ветерка, чьими-то невнятными молитвами и постаныванием мужика позади нас.

Фигуры в сотовой броне не двигались. Безликие головы ничего не выражали. Я не чувал В-токов, но воспринимал поток внимания, исходящий из-за непрозрачных шлемов.

А затем из проема вышли люди с настолько необычной внешностью, что я на миг перестал сканировать окружающее пространство.

Первыми по лесенке спустились две женщины. Вроде бы это были именно женщины, хотя я ни в чем не уверен. Одна с торчащими вверх разноцветными волосами, а другая с лысым черепом. У радуговолосой были большие фиолетовые глаза, у лысой —

ультрамариновые. Обе могли похвастать огромным количеством пирсинга в ушах, носу, губах и бровях. Уши к тому же были заткнуты гладкими кругляшами вроде беспроводных наушников.

Одеты они были в бесформенные балахоны, по которым скользили цветные узоры. Они постоянно меняли форму и оттенки, точно одежда являла собой экран.

Следом за этими диковинными существам возникли мужчины (вроде бы), которые, собственно, не слишком отличались от женщин. Те же бледные гладкие надменные лица с пирсингом, неопределенный возраст, балахоны-экраны. Оба были лысыми.

Глаза одного из них были желтые, а другого — оранжевые. Причем у всех четверых в радужках не было признаков зрачка.

У “мужчин” уши были заткнуты теми же наушниками, а у желтоглазого еще и ноздри закрывала причудливая скоба. Как он дышит? И как они видят мир сквозь свои дурацкие линзы?

У желтоглазого балахон показывал то, что находится позади него, и создавалось впечатление, будто у него вовсе нет тела — только туманное нечто.

Лысая женщина оглядела нас, потом чуть повернула голову к спутнице и произнесла, манерно растягивая слова:

— Вэйчим задавать ли гарбу, Моник?

Та отозвалась с аналогичной манерностью:

— Интрестин симпли. Лешь тóкаться круглые таймы сприваешья, Лиин? Для яких смыслов мы триггернулись и из загона аут-двинулись? Не для интрестина ли?

На нас они больше не обращали внимания. Чудилось, они вообще нас не видят, потому что слепые. Такое впечатление создавалось из-за отсутствия зрачков.

Оранжевоглазый глядел на нас (или сквозь нас) без интереса. Желтоглазый, напротив, переводил взгляд с одного на другого, словно пытаясь узнать кого-то.

Вспомнив о нас, Лиин улыбнулась нам всем сразу. Улыбка получилась снисходительная и рассеянная. Так улыбаются суперзвезды на красной дорожке своим почитателям, изнемогающим от восторга за линией охраны.

Лиин обратилась к застывшей от напряжения Мальве:

— Вы, кажется, говорите на северном наречии? — спросила она на правильном тру-ру, но с заметным акцентом.

— Нет, — пробормотала Мальва. — То есть да, на северном... Хотя и на южном разумею...

— Кто вы такие? — осведомилась росска. — Чего вам надо? Почему вы остановили поезд, а потом спровоцировали симбота?

“Симбот — это робот? — соображал я, стоя с поднятыми руками. — Симпльй, простой робот? У них, выходит, есть и непростые роботы?! Это какие?”

— Мы не провоцировали, панньё! — Мальва, забывшись, опустила руки и прижала к груди. — Это случайно вышло, простите нас! Мы — переселенцы, земли и деревни свои потеряли, враг все пожег, пришлось уходить с родины-то...

В голосе ее прорезалась плаксивость с подвыванием профессиональных попрошаек.

— Возьмите нас к себе, ради Прекрас... Ради всего для вас святого! Мы — люди здоровые да работающие. Польза от нас вашему государству будет!

Вот вруша, подумал я. Мне они отрекомендовались как слабые и больные. Артисты погорелого театра, блин!

Лиин искренне удивилась. Уточнила:

— Какому именно государству?

Вмешалась пестрая Моник:

— Они думают, что Республика Росс — это одно государство. В Прикордонье они пригодятся, как считаешь?

— Содомиты будут против, — буркнул на тру-ру оранжевоглазый. — Прикордонье — это их радость и забава.

“Какие еще содомиты?” — подумал я. Отчего-то россы вызывали подспудные отвращение и страх. Не были они похожи на людей — в Отщепенцах и то больше знакомого, человеческого. Казалось, что мы для россов абсолютно пустое место, хуже животных и в любой момент они могут приказать симботам стереть нас в порошок. Они еще и переговариваться друг с другом начали на тру-ру, словно бы для того, чтобы мы понимали, что сейчас решается наша судьба.

Моник сказала:

— Тогда к Гринам? Они к природе ближе, костры разводят да на экологии помешались. А эти бедняги и вовсе из лона природы никогда не выбирались.

Пока происходил этот в высшей степени занятный разговор, желтоглазый молча пялился на меня. Остальных он уже осмотрел и теперь буравил меня немигающим желтым взглядом.

Оранжевоокий лениво протянул:

— В прошлом году брали небольшую группу в Грин. Они там все вокруг загадили. Обычно мигрантов нужно держать в Буфере столько, сколько нужно для изменения ментальности. Но Буфер переполнен. Некоторые мигранты не желают отказываться от психомаркеров даже под страхом изгнания и смерти. Зачем, спрашивается, было бежать из своих тухлых деревень и плестись в Республику, если тухлая деревня остается в твоей башке навсегда?

— Ну и гнали бы их обратно в ПоПо, — скривила проколотые пирсингом губы лысая Лиин.

— Погнали бы, если б не Секуляры со своей пост-этикой. Шум ведь поднимут, в интерактив-суды подадут! И не на уровне Спайдера, а Сеньора!

— Или Сюзерена... — кивнула Лиин. — Да, знаем мы эти Секуляров — те еще скандалисты... Короче, что будем делать?

— А пусть они сами нам расскажут, зачем их брать в Республику Росс! — предложила Моник. Повернулась к нам: — Ну? Говорите! Только не надо втирать о трудолюбии, нам Слэвины не нужны... то есть слуги и рабы. Своих хватает с избытком.

Я посмотрел на “мигрантов”. Они растерянно переглядывались. Никто и не задавался вопросом, нафига они сдались технологически развитой и мощной державе. Все думали только о том, как бы туда поскорей попасть. Ну, и чтобы обратить россов в свою единственно верную религию.

Дед Бажен неожиданно выпалил:

— Мы развлекать можем! — и запел глубоким грустным баритоном:

Поганое поле, Поганое поле!

Сколько несчастий ты шлешь нам и боли!

Как долго терпеть и страдать нам доколе?

Лиин, Моник и оранжевый закисли от смеха. Желтый продолжал смотреть прямо на меня, и это начинало не по-детски подбешивать.

— Как они про ПоПо, а? — выдавила наконец Моник, смахивая пальцем слезу с щеки. — Сколько экспрессии! Может, взять этого старого Слэвина? Будет песенки напевать не хуже домашнего умбота!

Лиин помотала головой.

— Нет, — твердо сказала она, видимо, придя к какому-то определенному мнению. — Это бесполезный мусор. Вы должны понимать, дорогие мои мигранты, что для удачной миграции нужно в первую очередь представлять, кто кому нужнее. Вы — стране или страна — вам. И исходить в мотивациях и активности с этой точки зрения. Вы думаете только о себе: как приедете к нам, как устроитесь жить, как будете получать преференции и всяческие льготы... А потом еще и начнете навязывать свое понимание мира, этики и сотериологии, верно? Мигранты и потребительское мировоззрение — понятия неразделимые! Я могу дать вам бесценный совет, Слэвины. Если хотите мигрировать куда-либо, задайтесь вопросом: а зачем вы нужны? И если не найдете ответа, научитесь чему-то, что будет востребовано. Тогда наш поезд приедет лично за вами, и симботы понесут вас на руках прямиком в Секцию Тэк!

Она повернулась к остальным.

— Пойдемте, друзья, здесь нечего больше делать. Я сразу вам сказала, что не надо останавливаться. Вот, остальные даже не потрудились выйти и правильно сделали. Мы выехали в ПоПо как туристы, а не переговорики.

— Подождите! — выкрикнул я и опустил руки. Подумалось, что упускать шанс нельзя. Сейчас они уедут, и поминай, как звали. Скажу им, что у меня нейрочип в голове, позволяющий собирать и использовать допарты — вдруг заинтересуются? Если они сейчас ретируются, придется ехать невесть сколько на запад. Чтобы в итоге получить от ворот поворот.

Лиин обернулась через плечо:

— Нам не интересны твои магические способности, колдун. Да-да! Мы видим, на что ты способен! Все это очень примитивно. В Республику ты не попадешь.

— Да не очень-то и хотелось! — выпалил я. Жар бросился в лицо, и раны на щеке ожгло огнем злости. — То есть хотелось, но сейчас расхотелось — после того, как я увидел, кто вы такие! Вы — высокомерные твари! Чем вы по сути лучше Уродов Поганого поля? Своими крашеными патлами и цветными линзами на глазах? Своими понтами, роботами и киберпротезами?

У Лиин и Моник брови полезли на лоб. Нет, они не разгневались — просто сильно удивились. Оранжевоглазый начал как-то неуверенно улыбаться. Показалось, что еще мгновение — и он заплодирует.

— Откуда ты такой боевой, колдун? — мягко полюбопытствовала Лиин.

— С Вечной Сибири, — честно сказал я.

— Знаем-знаем, — кивнула женщина-росс. — Вы, сиберийцы, живете в рабстве и восхваляете своего Председателя. Вы целуете кандалы, что вас сковывают. Вы полны глупого самомнения. Чем же вы лучше Уродов ПоПо?

— Мы остаемся людьми, — сказал я.

Вот так всегда получается: начинаешь спорить и в итоге занимаешь позицию, которая тебе, в сущности, чужда. С чего я заступаюсь за Вечную Сиберию? Это ведь кусок гарба, а не страна... Но сейчас, когда на меня взирали высокомерные разноцветные глаза этих ушлепков, я ощутил себя патриотом Вечной Сибири.

— Если вы остаетесь людьми в вашей Вечной Сибири, — мягко сказала Лиин, — то идите обратно и оставайтесь людьми сколько влезет. Никто вам не мешает. Зачем вы прибыли сюда, так далеко от вашей любимой родины?

Я бессознательным движением закатал рукав и сжал левую кисть с кольцами Морока в кулак. Симбот передо мной ожил и направил на меня короткое дуло. Отчетливо представилось, как невидимая сила отшвыривает меня на десяток метров прочь и катит по земле, а камни и песок сдирают кожу...

— Я не мигрант, — сказал я. — А путешественник.

— Неважно, как вы себя называете, — отмахнулась Лиин.

И пошла по лесенке вверх. Остальные двинулись было за ней, но заговорил молчавший до сих пор желтоглазый, с фильтром в носу.

— Меня зовут Габриэль БуфСпик, — представился он, не сводя с меня немигающего взора. — Я вижу, что ты непрост...

Он повернулся к товарищам, оторвавшись наконец-то от меня.

— Я его возьму с собой. — Он не спрашивал дозволения, а просто ставил в известность. Никто и не возражал.

— Я не один... — начал я, но Габриэль БуфСпик оборвал:

— Мигранты останутся здесь!

— Я не про них, — сказал я, стараясь не смотреть на Мальву, деда Бажена и прочих лунопоклонников, немо и жалобно поедавших меня глазами. — У меня есть спутница, мы уже давно путешествуем вместе. А этих мигрантов мы встретили только вчера.

Я показал на Киру. Россы взглянули на нее. Габриэль прищурился. Я не чувствовал вокруг него никакой волшбы, но почему-то не сомневался, что Габриэль каким-то образом сканирует Киру — как до того сканировал меня. Видимо, использовал технические достижения Республики.

— Хорошо, — легко согласился Габриэль. — Идите оба за мной и не делайте глупостей.

Симботы передо мной и Кирой отступили, подчинившись неслышному приказу, и мы, плохо соображая и совсем забыв о наших пожитках, мусоровозе и лошадях, оставшихся в овраге, направились к гравитационному поезду. В следующий миг раздался дикий визг:

— Чтоб вы все там сдохли, твари ряженные! И ты, Отщепенец недоделанный со своей шпюхой! Чтоб вы сгнили заживо! Ты ел нашу еду, а теперь нас бросаешь? Да проклянет тебя Тинна на веки вечные!

Я ошарашенно оглянулся. Кричала Мальва. Но при этом не трогалась с места под прицелом оружия симботов.

Это был последний шанс лунопоклонников попасть в Республику, и они его благополучно профукали. Отсюда ненависть к тем, кому повезло. Нас с Кирой Мальва и остальные наверняка ненавидели сильнее, чем всех россов вместе взятых.

Я собирался что-то сказать, но не нашел слов. Габриэль положил мне руку на плечо и увлек в прохладное и темное нутро вагона, а Лиин с Моник заливисто захохотали, отчего Мальва умолкла.

Симботы зашли последними, а дверь стянула-зарастила проем. Сквозь стены была

отлично видна вся равнина. Она скользила в сторону, из чего выходило, что мы уже едем, но я не чувствовал движения. Будто смотрел на экран телевизора, который показывал виды из окна поезда. Мигранты смотрели на ускользающий поезд, а Мальва зло рыдала.

Глава 6. Лего и Карго

Сердце сократилось всего раза три, а поклонники Аннит исчезли вдали. Равнина превратилась в смазанные горизонтальные полосы: снизу — желто-зеленые, сверху — широкая голубая полоса неба.

Я спохватился:

— Стойте! Подождите! Наши вещи — они остались там!

— И лошади, — встрепенулась Кира.

Верно — и лошади! Я и позабыл о них совсем, держа в уме лишь мусоровоз и драгоценный лут. Кира стреножила лошадей с утра и пустила пастись вдоль ручья.

Мы с Кирой и Габриэлем стояли в узком вагонном коридоре. Своими размерами он мало чем отличался от обычных коридоров в пассажирских вагонах эпохи буржуев. Но в мелочах сильно отличался. Пол был мягкий, пружинистый, хотя текстурой не отличался от твердых стен. Никаких сидухек и поручней не было и в помине. Равно как и ламп и надписей. Стены, пол и потолок были бежевого цвета. Поверхность мягко отсвечивала, но это не раздражало.

Одна стена выше пояса была прозрачной — причем настолько, что практически не воспринималась зрением, будто ее и не было вовсе. Окна не имели рам и перегородок — вот непрозрачная часть, а вот прозрачная, и никакой четко очерченной границы.

За окнами равнина летела в сторону с сумасшедшей скоростью. Земля превратилась в сплошные мутные полосы. Даже редкие кучевые облака в небе ползли в устрашающем темпе.

Другая стена коридора была сплошной, без дверей, ручек, щелей и проемов. На уровне моей груди по ней шел ряд пупырышек наподобие шрифта Брайля. Естественно, это был вовсе не шрифт для слепых и слабовидящих. Россы со своими линзами и киберпротезами, наверное, видели куда лучше нас.

Лиин, Моник и оранжевоглазый прошли немного дальше по коридору. В сплошной стене открылись дверные проемы — нет, скорее протаяли, как отверстия в ледяной глыбе под лучами знойного солнца. Россы при этом не оглянулись и ничего не сказали — ни вам приветов, ни ответов.

Симботы неподвижно стояли в коридоре, как статуи.

Габриэль беспечно махнул рукой.

— Вещи заберете на обратном пути. Мы двигаемся на восток — у нас там кое-какие дела. Потом повернем назад, в Росс.

— Когда повернете? — встревоженно спросил я, подумав, что религиозные фанатики прямо сейчас приступают к потрошению мусоровоза.

Габриэль поджал бледные губы, на миг закатил желтые глаза, выражая этим жестом то ли досаду, то ли пренебрежение нашими глупыми и мелкими заботами.

— Через две ночи, — ответил он. — У вас там что-то действительно ценное?

— Там лошади! — сказала Кира сдержанно, но не без некоторого напора.

— В Республике Росс лошади вам не понадобятся. Ну, возможно, в Секции Грин, но там вам дадут каких нужно скакунов. При этом вакцинированных и с модифицированным нейро-

интерфейсом. Такой скакун не взбрыкнет и не лягнет!

Габриэль коротко хохотнул высоким голосом — будто взвизгнул.

— В конце концов, — продолжил он, — вам повезло попасть в поезд Республики Росс, который поедет, пусть и не немедленно, в ту страну, куда мечтают попасть тысячи бродяг ПоПо. Чем вы недовольны?

Я вздохнул и промолчал. Кира тоже не произнесла больше ни слова. Мы оба понимали, что спорить бесполезно: поезд вряд ли остановится снова по прихоти “мигрантов-слэвинов”. И как прикажете забрать на поезд мусоровоз? А лошадей?

Габриэль в своем изменчивом балахоне прошел несколько шагов по коридору, остановился, провел ладонью по “шрифту Брайля”. В стене открылся вытянутый шестиугольный проем.

— Прошу в мою хату, — пригласил росс и почти что улыбнулся. По крайней мере, губы у него самую малость растянулись. — Это экохата, вас такими не удивишь — вы ведь сами из лона природы... Хотя... кому я объясняю? Заходите и сами поймете.

Мы вошли. Купе было просторное, намного просторнее стандартного из эпохи буржуев, о которой я никак не мог забыть. Наверное, и тогда были такие купе — в специальных элитных вагонах для очень богатых Буратино. “Экохата” Габриэля состояла из двух помещений. Стены и потолок вроде бы деревянные, источающие даже специфический древесный запах. На стенах висят небольшие картинки, вроде бы обычные, но изображение двигалось, будучи зацикленным, как gifка.

Всадник на коне, с тающим на дыбы... Облака медленно ползущие над горами... Бурное штормовое море...

Ничего особенного.

Компактный круглый столик вытесан из огромного пня. Для ног тех людей, кто пожелал бы сесть за него, вырезаны округлые углубления. Три стула также вырезаны из пней, но поменьше. На них мягкие вязаные подушечки, очень домашние на вид. На столе сиротливо лежал желтоватый лист пергамента, рядом с ним стояла чернильница с гусиным пером. Пол устлала соломенные татами.

Открытая дверь в другое помещение занавешена пестрой тканевой ширмой. Видимо, экохата не предполагает использование тающих по желанию внутренних дверных проемов. Или это личное предпочтение Габриэля.

Я был вынужден признать, что в “хате” по-домашнему уютно.

— Садитесь, — велел Габриэль, махнув рукой на кресла-пеньки.

Пока мы усаживались на удивление эргономичные и комфортабельные пенки, росс снял свой плащ-невидимку и, не глядя, швырнул на стену. Стена, казавшаяся деревянной и непроницаемой, расступилась и вобрала плащ без следа. Габриэль остался в свободной рубаше без рукавов и шортах из тонкой зеленоватой ткани.

Руки у него оказались неожиданно мускулистые. Кожа белая, “прошита” серебряной нитью, чей узор напоминал огромную микросхему (“огромная микросхема” — это оксюморон, конечно, но впечатление странная татуировка — если это татуировка — производила именно такое).

Ноги у Габриэля были босы, но на подошвах я разглядел тонкий и гибкий слой вещества — что-то вроде усиленной био-подошвы.

Он сел напротив и сложил руки на столешнице.

— Вы проделали большой путь, — сказал он. — От самой Вечной Сибири. Вашей

целью изначально была Республика Росс?

Я честно ответил:

— Сначала мы хотели просто сбежать из Сибири. Потом — присоединиться к Отщепенцам. Но...

— Жизнь у Отщепенцев не понравилась? — хмыкнул Габриэль.

— Не то, чтобы не понравилась... — начал я, но осекся, заметив взгляд Киры. — Я и сам толком не знаю, чего хочу.

Я замолк. Выкладывать все подробности своей непростой биографии перед первым встречным россом неразумно.

— Вас тянуло сюда... на уровне бессознательного? — уточнил Габриэль.

— Я не... Что вы имеете в виду?

— То, что все дороги ведут в Росс, — загадочно улыбнулся Габриэль и сменил тему: — Отщепенцы приняли вас за своего, и вы переняли у них кое-какие магические техники, верно?

— Верно, — настороженно ответил я.

— Сколько Знаков вы собрали?

Я выпрямился. Правая кисть сама собой легла на рукоять рапиры. Ее, кстати, никто из россов не попросил оставить вне поезда. Я подозревал, что в этом поезде никакое оружие не причинит вред россам — включая автомат, который я благополучно оставил в палатке в овраге.

— Откуда вы знаете про Знаки?

— Я — Спикер Секции Буфер, поэтому и зовусь БуфСпиком. Моя работа — многое знать. Пожалуй, для начала мне нужно кое-что объяснить относительно жизни в Республике Росс. Но прежде мне все же хотелось бы уточнить: сколько Знаков вы собрали?

— Два.

Габриэль помолчал.

— Маловато. Я рассчитывал на большее. Ну что же, это тоже неплохо. Вы добрались до нас... примерно за месяц, остались живы-здоровы и обзавелись двумя Знаками. Это очень даже неплохо...

Я подскочил:

— А про месяц откуда знаете?

Охватила дрожь. Творилось что-то несусветное.

Габриэль усмехнулся.

— Вечная Сибиря напичкана средствами слежения. Вы заметили? А где, по-вашему, сделаны все эти видеокamеры и микрофоны?

— В Республике Росс!

— Вот именно. Конечно, технологии, которые мы отдаем в эту кошмарную страну, устарели давным-давно, но их вполне достаточно, чтобы быть в курсе всего, что творится в ваших гнилых бараках.

— Зачем вам шпионить за Вечной Сибирией? И почему вы отдаете технологии? Все эти комбайны и квест-камеры...

Я замолк, перехватило дыхание.

— Мой глюк... Это вы спланировали, да? Отвечай!

Я направил на него Знак Урода.

— Не пытайся меня заколдовать, сибирец, — презрительно проговорил Габриэль. — А

то я могу и обидеться. Я все расскажу, но тогда, когда сам сочту нужным. Итак, вы будете слушать?

Во мне клокотал гнев. Руки чесались вынуть шпагу и добавить россу еще несколько дырок в дополнение к естественным отверстиям организма и тем, что проколоты пирсингом. Слабый голосок здравого смысла подсказывал, что надо потерпеть — глядишь, все само прояснится, но бушующие эмоции гнули свое. Пока я колебался, Кира положила прохладную ладонь на мое предплечье.

— Пусть расскажет, — сказала она.

Габриэль мерзко захихикал.

— Вы меня умиляете! Знаете, что самое наивное может быть в человеке? Его вера в то, что он что-то контролирует!

Но я уже пришел в себя и решил не давать повода россу хихикать над нами. Откинулся на спинку пня-стула и сложил руки на груди, молча ожидая рассказа. Габриэль сразу посерьезнел и сказал:

— Итак, начнем с базовых основ. Во-первых, Республика Росс — это не совсем республика. Ее так называют, чтобы было понятно ПоПовцам — то есть жителям Поганого поля. На самом деле Росс — это конгломерат Секций, и в каждой Секции — свои законы. Есть что-то общее, есть различия. Общее — это право на скрытое ношение оружия и запрет насилия.

— Эти вещи противоречат самим себе, — не удержалась Кира.

— Вовсе нет. Когда все граждане вооружены, уровень насилия падает в разы. Если же оружие совершенно, как у нас, то насилие исчезает совсем. Насилие существует только тогда, когда есть неравенство в силе. Иными словами, когда есть соблазн обидеть слабого. Если же все сильны, никто не пытается совершать насилие.

— В человеческой природе драться и воевать, — снова вставила Кира. Похоже, она лучше меня разбиралась в теме, поднятой Габриэлем. Меня же вся эта философия вовсе не интересовала; я ждал, пока разговор коснется лично моих проблем. — Есть личности, которых не остановит даже то, что любая его потенциальная жертва вооружена.

— И таких мы отправляем в Секцию Буфер, — подхватил Габриэль. — Ту часть страны, где идет договорная война с Отщепенцами. Они называют ее Прикордоньем. Горячие головы и любители риска спускают там пар, а Отщепенцы имеют возможность не терять воинских навыков, которые так ценят. Они же нас развлекают, и за это мы даем им кое-какую устаревшую технику.

“Вот откуда у них комбайн! — подумал я. — Но откуда комбайны у сибирийцев? Они-то как развлекают россов?”

— Вы — Спикер именно этой Секции? — уточнила Кира.

— Верно. Росс состоит из Секций, таких как Грин, Резорт, Оазис, Тек, Содом, Эдем и так далее... Это то, о чем я хотел рассказать “во-вторых”. Какими бы ни были потребности росса, он всегда найдет себе Секцию по душе. Нравятся развлечения и вечный кураж — добро пожаловать в Содом. Любишь природу — к вашим услугам Грин. Хочешь как следует расслабиться — вот вам Резорт, а если жаждешь создавать новые технологии и произведения искусства — езжайте к Секцию Тек. Но запрет на насилие по отношению к гражданину Росс и право на оружие сохраняются везде.

— А Эдем?

— Эдем надо заслужить, — непонятно ответил Габриэль и продолжил: — В-третьих,

мы, россы, делимся на касты. Восемь каст, включая ту, куда входят только ПоПовцы. Речь, конечно, о Слэвинах — слугах и рабах. Дальше идут Солаги — они практически бесправны и набираются из Слэвинов, которые заслужили гражданство; далее идут Серферы, Спайдеры, Спикеры, Сеньоры, Сюзерены и Спириты... Гм... Спириты считаются мифической кастой но пусть будут... Чем одна каста отличается от другой — тема отдельной большой лекции. Вам пока надо знать, что я перечислил касты в порядке возрастания прав на собственность и возможностей.

— Над вами, получается, только Сеньоры и Сюзерены? — не удержался я. — Если не считать Спиритов?

— Правильно, — осклабился Габриэль. — В этом поезде мой статус — самый высокий. Поэтому я и позволил себе забрать вас с собой на туристический поезд.

— Зачем мы вам нужны? — спросил я, не особо надеясь на ответ. Я помнил, как он сверлил нас глазами, а потом сосредоточился на мне. Что показывают ему желтые линзы? Что он видит? В-токи?

— Не вы, а ты лично, колдун из Вечной Сибири. Зачем ты мне понадобился, я объясню в Республике Росс, не раньше. Пока же помни, что все тобой пережитое не было случайным. И ты ничего не контролировал... и не контролируешь.

— Я это уже понял, — не без раздражения сказал я. — К чему повторять одно и то же?

— К тому, что смирение упростит тебе жизнь, колдун.

— Меня зовут Олесь.

— Да? — вроде как удивился Габриэль. — Неважно. Смирение и ненасилие — вот что важно. Если выполните эти простые правила, проблем не будет, обещаю.

— Смотря что называть насилием, — вмешалась Кира. — Если я сейчас вас обругаю, это будет моральным насилием или нет? А если расскажу о том, какой вы нехороший человек, большому количеству знакомых? Или попытаюсь манипулировать и шантажировать вас? Это будет психическим насилием?

— А ты умна, — отметил Габриэль. — Как тебя звать?

— Кира.

— Насилие только физическое, Кира. Этим злоупотребляют религиозные ПоПовцы, которые очень навязчивы в плане распространения своей идеологии. Но если бы в нашей стране были запрещены все виды насилия, то в итоге мы пришли бы к тоталитаризму с его единой идеологией. И тогда единственным и самым мощным источником психического и физического насилия стало бы государство. В Республике Росс нет единой идеологии, потому что нет государства с его монополией на насилие. Понятно?

— Это либертарианство, — буркнула Кира.

— Возможно, — легко согласился Габриэль. — Хотя мы считаем себя феодалами. Все, что есть в Росс, принадлежит частным лицам. Секции находятся во владении Сюзеренов, которые выдают ярлыки на владение входящих в Секции феодалов нижним кастам. В сущности, от того, чем ты владеешь, и определяется кастовая принадлежность.

Меня в настоящий момент меньше всего интересовала социальная структура Республики Росс. Я раздумывал над словами Габриэля о том, что я ему зачем-то понадобился и что все произошедшее в моей жизни не было случайностью. И что я ничего не контролирую. А кто контролирует? Получается, Габриэль и ему подобные манипулировали мной? Но как? Организовав глюк, который стер мне память, а потом заставил сбежать из Вечной Сибири? Но зачем я им понадобился? Вряд ли ради нейрочипа

и допартов — все это барахло и без того производится в Росс.

Почему Габриэль намерен рассказать о моей роли только в Республике? Не потому ли, что тогда я уже никуда не денусь? И не пора ли мне делать ноги?

Я рассудил, что бежать не имеет смысла. У меня нет цели, кроме фантастической идеи-фикс о возвращении Витьки. В Росс я могу узнать как можно больше о тайнах Поганого поля. Не исключено также, что жить в Республике лучше, чем где бы то ни было.

— Мы были в Князьграде, — внезапно заговорил я, припомнив один любопытный нюанс, в свое время оставшийся без ответа. — Не в том, что сейчас является столицей Вечной Сибири, а заброшенном городе. Это первая столица Сибири. Он был очень продвинут... то есть высокотехнологичен. Там даже тротуары двигались!

— Движущиеся тротуары, — улыбнулся росс. — Верно, была такая мода в древней урбанистике. Но сейчас это почти пошлость.

— Неважно! Это круто! Но в то же время жилые квартиры спланированы как под копирку. Вы знаете, почему? У вас тоже так?

— Нет, конечно, — поморщился росс. — Наши хаты все индивидуальны... Хотя их можно сгруппировать по категориям. Экохаты, Тек-хаты, Облачные хаты и прочее. Даже в этом поезде все хаты... кажется, на северном наречии это называется купе... разные. Что касается заброшенного Князьграда, то он построен россами... То есть не совсем россами, а теми, кто основал наше государство. Тогда еще не было Республики Росс в том виде, в каком она существует ныне. Сиберийцы заказали себе столицу у нас, чтобы производить впечатление на весь мир. Но тоталитарное общество не любит индивидуальности. Индивидуальность пугает вертикальную власть. Поэтому внутри зданий все было сконструировано предельно шаблонно. Чтобы жители не забывали, что они лишь кирпичики могущественной державы, а не отдельные личности со своими неповторимыми особенностями.

— Князьград построен россами? — поразился я. — Но зачем вы им построили столицу?

— Во-первых, когда я говорю про россов, — сказал Габриэль, — я имею в виду не всех россов. И не государство — государства у нас нет как такового, помните? В Секции Тек есть отдельные феодалы, которые взялись за строительство столицы северной страны со своими... хм... странностями. Это их право.

— Что они получили взамен?

— Ты мыслишь как человек из эпохи позднего капитализма, — фыркнул Габриэль. — Мы называем это время Эрой Золотого Тельца. Или короче — Эрой Тельца. Тогда все измерялось деньгами, причем ни к чему не прикрепленными, исключительно виртуальными. Хотя в принципе ты прав. Сиберийцы предоставляли строителям из Росс определенные услуги... Но это длинная история. Возможно, я расскажу об этом позже.

Кира набрала воздух, чтобы задать какой-то вопрос, но чернильница на столе вдруг испустила вверх перевернутый конус света, в котором повис трехмерный причудливый знак. Я бы не смог описать его при всем желании. Что-то вычурное, ажурное, как мицелий гриба в 3D. Одновременно на пергаменте побежали строки “шрифта Брайля” — сплошные точки, группирующиеся в необычные символы.

Габриэль уставился сначала на знак, потом — на символы.

— У меня дела, — объявил он. — Пройдите в свою хату... то есть купе. Симбот проведет вас. Там есть еда и все необходимое.

Сразу после этих слов в деревянной стене, которая на самом деле была никакая не

деревянная, хоть и пахла свежеструганной древесиной, проявился шестиугольный дверной проем. В проеме маячила черная фигура безликого симбота.

Росс потерял к нам интерес, читая послание на пергаменте, а мы с Кирой молча поднялись и вышли в коридор.

***

“Наше” с Кирой купе оказалось не “экохатой”, а обителью минималиста. Стены, пол, потолок из шершавого серого материала, ни картин, ни украшений; круглый стол на тонкой ножке, два стула; в соседнем помещении “спальня” с двумя кроватями по обе стороны узкого прохода.

Как мы довольно быстро выяснили, холодильник был встроен в стену. В стене же находилась микроволновка. Я ухитрился подключить ее, наобум тыкая на пупырышки “шрифта Брайля”.

Метод тыка — наше всё!

Если на меня все технологические изыски произвели не слишком большое впечатление, то за Кирой было занято наблюдать. Она несколько раз открыла и закрыла дверцу холодильника, глубоко задвинув туда лицо и, вероятно, восторгаясь ощущением холода. Выражение лица у нее при этом было восхищенно-недоверчивое.

Одно дело — читать о чем-либо в книгах, а совсем другое — испытывать на своей шкуре.

Впервые за все время общения с Кирой я в полной мере осознал, что она, по сути, дикарка. Просто очень начитанная, что само по себе разрывает все шаблоны.

Также мне подумалось, что квест-камеры послужили бы целям образования. Это отличный способ быстрого и безболезненного обучения. Я вот полежал в маслянистой жидкости и узнал тысячу, если не миллион, нюансов жизни той эпохи. И книг никаких не надо читать, и документальных фильмов смотреть.

Одна стена в нашем купе также была прозрачная до пояса. Поезд продолжал нестись с невообразимой скоростью, иногда перепрыгивая через реки, а иногда пролетая сквозь тоннели в горах. Никакие звуки снаружи не проникали внутрь, поэтому казалось, будто мы смотрим кино, в котором отключили звук.

Разобравшись с микроволновкой и холодильником, я некоторое время позалипал перед этим немым кино.

Высушенные желтые степи незаметно закончились, им на смену пришел край озер. Озера самых разных форм и размеров отражали голубое небо с плывущими по нему облачками. Берега и мелководья покрывали стаи розовых фламинго. Приближающийся поезд поднимал в воздух многотысячные стаи птиц, синхронно разворачивающихся в лазурных небесах.

Всегда сдержанная Кира восхищенно вскрикивала.

— Страна озер и птиц? — выдохнула она восхищенно.

— Читала про эту страну в книгах? — уточнил я.

— Нет... В книгах нет ничего про географию Поганого поля...

— Поганого поля, — усмехнувшись, повторил я. — Ты посмотри на эту красоту! Разве здесь есть что-нибудь поганое?

— Может, оно появляется ночью? — сказала Кира и нахмурилась, прислушиваясь к тишине. — Мы замедляемся, верно?

Да, поезд сбрасывал скорость, местность перестала расплываться в виде мутных

горизонтальных полос, а редкие облака зависли на одном месте — прежде они уплывали в сторону неспешно, но неумолимо.

— Предлагаю перекусить, — сказал я, улыбнувшись. — Раз мы тормозим, значит, скоро остановимся, и начнется какая-нибудь движуха. Сейчас как раз самое время поесть как следует.

Мы поели. Вместо ложек и вилок пришлось использовать палочки наподобие китайских, но соединенных пружинкой, так что обошлось без особых мучений. В меню входили пюре, кусочки чего-то, похожего на мясо, хрустящие соленые хлебцы, зелень в виде листьев салата и мягкой капусты, которую я, в сущности, не узнал — белокочанная, пекинская, цветная или какая-то иная это была капуста? Еще мы решили попробовать крупные горошины, по вкусу сладковато-соленые, мучнистые и пряные, вполне съедобные.

Когда мы торопливо доели все эти русские кулинарные изыски, поезд окончательно остановился на берегу большого озера. Я не почувствовал ни движения, ни торможения. В принципе, поезд мог бы остановиться гораздо быстрее, если не мгновенно, и это никак не отразилось бы на пассажирах. Замедление движения, очевидно, было связано с чем-то другим — например, чтобы позволить нам полюбоваться местностью.

Еще из купе я разглядел в центре озера два небольших островка, на которых виднелись постройки. С берега к островкам вела понтонная переправа.

На “нашем” берегу рос лесок. В его глубине возвышался пятиметровый забор из рифленого листового железа и как попало валялись старые вагоны с железнодорожными контейнерами. Весь этот хлам зарос кустами и молодыми деревцами.

Между лесочком и тем местом, откуда начиналась переправа, кто-то соорудил страшноватое подобие русского поезда. В качестве материала использовались ржавые куски металла, доски и кирпичи. Однако сомнений сооружение не вызывало — это пародия именно на гравитационный поезд Республики Росс.

— Что это такое? — спросил я Габриэля, когда мы вышли в коридор.

Тот усмехнулся. Ответить не успел, поскольку его опередила Кира:

— Карго-культ!

— Верно! — произнес Габриэль. Он не восхищался знаниями Киры — просто констатировал факт.

И ушел вразвалку в своей хамелеонской мантии.

Кира обратилась ко мне:

— Когда-то очень давно примитивные племена на островах Тихого океана получали подарки от белых людей, которые прилетали на вертолетах. И стали делать из деревьев и камней свои вертолеты — летать они, конечно, не летали, но дикари верили, что так они притянут настоящие, и подарков станет больше... Как-то так. Симпатическая магия во всей красе. Вера в то, что похожие вещи и действия притягиваются и влияют друг на друга.

— Как вуду? — брякнул я. Про карго-культ я впервые слышал.

— Да, как вуду. Это тоже симпатическая магия.

Россов ждала делегация на берегу — группа из двух десятков человек обоего пола. Россы в количестве девяти человек вышли из вагонов. Мы вышли тоже. Среди четырех знакомых россов появилось еще пятеро неизвестных, но внешне сильно не отличающихся: такие же пафосные попугаи.

На нас с Кирой они смотрели без интереса — наверняка видели нас через прозрачные стены. Или использовали какие-нибудь скрытые камеры.

На встречающих красовались типичные славянские наряды в виде подпоясанных рубаш, длинных сарафанов, венков на волосах и прочих вышиванок.

Вперед вытолкнули испуганную, но улыбающуюся девушку в сарафане с подносом, на котором лежали хлеб, маленькая чашечка с солью и крынка с каким-то пойлом. Возле девушки стоял и угодливо кланялся нам белесый мужик лет пятидесяти.

— Рады приветствовать наших благодетелей! — возопил он с придыханием на тру-ру, но с сильным акцентом, проглатывая целые слоги. “Благодетелей” он проговорил как “благ’дет’лей”. Возможно, это был дефект речи самого белесого, но что-то мне подсказывало, что это очередной говор Поганого поля.

Встречающие не могли похвастать татухами и длинными волосами. В-токов, характерных для волшбы, я не чуял. Не Отщепенцы.

— Где они? — нетерпеливо спросил один из россов, брезгливо отведав хлеб с солью.

Местные расступились, открыв проход к сараю из рифленой жести и старого шифера. Это был даже не сарай, а наспех сколоченный амбар, способный защитить содержимое от дождей, но не холода. Благо, в этих местах климат тропический.

Когда открыли сарай-амбар, я увидел в нем с десятков байков, если не больше. Старых, бензиновых, прямиком из эпохи буржуев. Среди байков затесался один квадроцикл. Все эти музейные экспонаты пребывали в хорошем состоянии.

Россы, как дети, забежали в сарай и принялись любовно поглаживать байки. В сарае было жарко и душно, сквозь щели просачивались желтые лучи, в которых летали пылинки.

— Как же я люблю этот раритет! — протянула лысая Лиин на тру-ру. — Этот рев двигателя, эту вонь! Этот риск свернуть себе шею!

Я покосился на нее. Все-таки россы извращенцы.

Симботы вынесли пластиковые на вид ящики из вагона и вручили аборигенам. Те слезно поблагодарили россов.

Белесый, которого звали Эмиль (или Емеля, как я прозвал его про себя), бдительно следил, как ящики погрузили на широкий плот, чтобы затем транспортировать на заселенный остров. Убедившись, что все идет как надо, Емеля вернулся к господам.

— Нынче ночи темные, месяц совсем еще молодой... Нечисть бесчинствует, на зоне даже днем опасно...

Габриэль пренебрежительно процедил:

— Ты считаешь, Эмиль, что нам нужно освещение? Я прямо сейчас вижу, как выглядит твое сердце с печенкой!

Емеля поежился, а улыбка стала жалкой.

— Однако ж... Мой долг предупредить... как бы оно не вышло, худое-то...

Но Спикер Секции Буфер отмахнулся от него, как от назойливого комара. Кое-кто из туристов-россов, включая Моник и Лиин, уже завели байки и рассекали поблизости.

Габриэль обратился ко мне:

— За этим забором зона — так мы называем территорию древнего завода и огромной промышленной свалки, которую сподобились соорудить наши несознательные предки. Когда возникло ПоПо, в зоне завелась Погань. Местные ухитрились истребить бóльшую часть Уродов, но с Лего не справились, и просто построили вокруг стену. По каким-то причинам Лего и сами не желают покидать пределы зоны. Думаю, стена им не помеха... Как бы то ни было, мы иногда приезжаем для экстрима: ночью охотимся на Лего. Озерные люди готовят нам встречу, а мы даем им кое-какие подарки.

“Подачки”, — мысленно поправил его я.

Габриэль прищурил желтые глаза:

— Пойдешь с нами?

— На охоту за Лего? — удивился я.

— Да! — оживленно сказал росс. — На этих древних раритетных байках, с древними же автоматами и факелами! Рев мотора, грохот пушек, чад факелов — это так... так дико и прекрасно! Иногда мне хочется пожить в те далекие времена и испытать подлинный вкус опасности!

— Договорной войны с Отщепенцами вам, получается, мало? — осведомился я.

— Не мало, — хмыкнул Габриэль. — Просто одно и то же приедается. Война войной, а охота охотой. Ну, так как? Ты с нами?

Узнаю побольше о Лего, подумал я. Заодно проверю свои боевые навыки. Подействует ли моя волшба на Лего?

Я кивнул:

— С вами.

Вмешалась Кира:

— Я тоже!

— Как угодно, — равнодушно сказал Габриэль. — Но байк у вас будет один на двоих. Лишних нет. Хотя... берите квадроцикл — на нем все равно никто не любит ездить — не такой драйв.

— Зачем тебе это? — прошептал я ей на ухо, когда росс отошел.

— Я любопытная, — сообщила Кира. — Мне интересно, как происходит охота... и что такое эти Лего.

Помолчав, добавила:

— Когда-нибудь в будущем я напишу летопись... Она будет называться “Хроники Поганого поля”. И там будет только правда — то, что я пережила сама. И эта книга заменит все те бесполезные тома, в которых много слов и мало смысла.

— Для полноценной книги надо пересечь поле вдоль и поперек, — сказал я.

— А мы чем занимаемся? Я думаю, это знак судьбы, хотя я не особо верю в судьбу. Я встретила тебя, а у тебя, извини, шило в заднице — не можешь сидеть на месте, даже если в этом месте тебя кормят, поят и обхаживают две прелестные служанки... В мужья ты не годишься — слишком много в тебе авантюризма, а вот в попутчики для долгих странствий — вполне себе.

Кира улыбнулась мне так, как никогда до этого не улыбалась — почти соблазнительно. И пошла к сараю с байками. А я остался стоять на месте, хлопая ушами.

Для меня было откровением то, что она, во-первых, “примеряла” на меня роль мужа (хотя чему я удивляюсь? Все свободные женщины делают это по отношению к мужику, который долго болтается поблизости), во-вторых, считает меня авантюристом (я всегда думал о себе как о домашнем мальчике, который вынужден куда-то постоянно ехать, но в глубине души мечтает об оседлой жизни), а в-третьих, отказала мне в праве быть претендентом на ее руку и сердце.

Я даже не знал, радоваться мне, печалиться или забить.

Наверное, все-таки следовало забить.

***

В ожидании вечера и начала охоты, о правилах которой никто не потрудился поставить

нас с Кирой в известность, мы слонялись по округе. Посетили островной городок — он производил, с одной стороны, впечатление чего-то жутко экзотического, а с другой — внушал уныние бедностью и примитивностью.

Ветхие домишки, склепанные из досок, фанеры, жести — не дома, а хибары. Грязные тесные улочки. Чад, поднимающийся от очагов, где готовили пищу, и кузен. Никакого электричества — только жировые свечи и факелы, только хардкор. Бедно одетые люди при виде нас и россов чуть ли не падали ниц, как перед богами. Наверное, россы и были для них богами, снисходившими время от времени с дарами.

Дары россов, как я понял, — это лекарства, небьющаяся посуда, ткани и совсем простенькие приборы вроде параболических печей. И даже такие примитивные приبلуды встречались у Озерных людей очень редко. Россы их не баловали.

Откуда брался бензин, я так и не выяснил. Вряд ли он сохранился со времен Эры Тельца. Или “эпохи буржуев”, как я называл это время про себя. Очевидно, его привозили россы. Байками в отсутствие “богов” местные не пользовались, а только следили, чтобы они находились в целости и сохранности.

Поначалу меня удивило, что Озерные люди ютятся на островках, хотя вокруг места хоть отбавляй. Потом сообразил, что местность вокруг озера переполнена Поганью, которая может напасть даже днем — из-за обилия укромных темных местечек. Острова — самая безопасная территория. Не исключено, что если бы не россы-туристы, бедолаги давно бы откочевали из этих мест рядом с “зоной”. Возможность попрошайничать держит их на месте.

Или привычка. Ведь часто бывает, что жить в ужасных условиях людей заставляет простая привычка, и ничего более. Спросишь такого застрявшего в рутине человека, почему он остается и страдает, — так он найдет с десяток причин. Мозг вообще большой выдумщик — у него обширный опыт оправдания глупых поступков.

Посреди островного городка высился храм какого-то языческого божка. Храм был деревянный, восьмиугольный, с крышей наподобие двух рогов. Монотеизм в Поганом поле не в почете. Чем разрозненнее и беднее народ, тем больше он склонен к различным суевериям и поклонению местечковым божкам. Или же в этом виновата волшба.

Ели мы с Кирой в купе — то есть хате, — тогда как россы были приглашены на званый ужин к аборигенам, которые, судя по всему, выскребли из сусеков последнее, чтобы уважить дорогих гостей. Нас с Кирой никто не звал, а мы и не горели желанием. Я успел вздремнуть на своей койке — в последнее время заметил за собой счастливую способность засыпать быстро почти где угодно.

С наступлением сумерек площадка возле ворот в заборе осветилась десятком факелов. Мы вышли из вагона — поезд продолжал неподвижно висеть над шестиугольной дорогой. Я подумал, что антигравитационные двигатели (или что там еще у этого поезда?) либо очень экономичные, либо у них есть бесконечные батареи, как у Решетникова. Вообще, я не верил в *perpetuum mobile* — вечный двигатель. Батарея Решетникова когда-нибудь иссякнет — возможно, раньше заявленных ста лет. Но наш поезд однозначно собирался висеть в пространстве двое суток, а потом еще двигаться назад.

Квадроциклы и мотоциклы вывели из сарая и выстроили в ряд перед забором. Аборигены, суесящиеся вокруг, были те же, что и при встрече. Я догадывался, что остальным просто-напросто запретили беспокоить гостей и покидать островки. Судя по сытым мордам, избранные туземцы занимали высокие положения в местной иерархии.

Все россы переоделись в одинаковые облегающие комбинезоны с меняющейся, как кожа хамелеона, поверхностью. Головными уборами пренебрегли, и дикого цвета волосы резали глаз. Наверняка в комбинезонах встроена маскировка и для голов. На грудь повесили автоматы Эры Тельца, на широких поясах висело что-то, смахивающее на “лимонки”.

Мы с Кирой стояли возле ряда quadro- и мотоциклов, ждали, когда на нас обратят внимание. Наконец приблизился Габриэль — желтые глаза в свете факелов кажутся совсем пустыми, слепыми, но сам возбужден, тонкогубый рот щерится.

— Ну что, готовы?

— А что делать-то надо?

— Как откроют ворота, мы поедem по территории зоны. Там много всего, поэтому скоро разделимся. Цель — застать Лего, ослепить, попытаться разрушить его внешнее тело. Внутреннее захватить в контейнер.

Он снял с пояса штуку, которую я принял за “лимонку”. Я взял и пригляделся. Легкий металлический цилиндр со сглаженными краями серого цвета, с широкой кнопкой на одном торце. Я слегка надавил — кнопка не поддавалась.

— Не нажимай раньше времени, — сказал Габриэль, — если не хочешь чтобы контейнер сработал на ком попало. И поосторожнее с оружием. Конечно, даже если ты попадешь в одного из наших, то не причинишь никакого вреда. Но скажу сразу: такое поведение никому не понравится. Будешь наказан. Понял?

Комбинезоны пуленепробиваемые? Что ж... Я не планировал стрелять в россов.

Другой вопрос: планирует ли они стрелять по нам? Хотя зачем это им? Хотели бы расправиться с нами, расправились бы непосредственно в вагоне — с помощью симботов.

И в тоже время специальные комбинезоны нам не полагались. Охота, которая была всего лишь разновидностью экстремального туризма для россов, могла обернуться для нас с Кирой реальными проблемами. Вся надежда на мои магические способности. Ну, и на удачу. Как всегда.

Кире тоже дали контейнер. Затем нам обоим вручили по автомату. С автоматами обращаться я уже умел. Модель, которая оказалась у меня в руках, немного отличалась от прежнего оружия, но в принципе устройство было аналогичное. Я ловко отсоединил магазин, проверил, что он полностью заправлен, вставил на место, передернул затвор, загнав первый патрон в ствол. Стало намного спокойнее и уютнее с оружием в руках. У огнестрела (да любого оружия вообще) есть магическая способность дарить уверенность и силу. Или это работает только с мужчинами? Кира тоже не новичок в плане использования автоматов — совсем недавно хладнокровно завалила человека.

Я проверил М-стикеры за поясом, почесал татуху, повертел на пальцах кольца Морока. Рапиру оставил в “хате” — в случае с Лего она мне только помешает.

Когда Габриэль отошел, я показал пальцем на quadroцикл.

— Умеешь рулить?

Она покачала головой.

— Ничего сложного. Но за руль сяду я.

Возражений не последовало.

Когда аборигены с грохотом и лязгом принялись открывать огромные “штопаные” ворота, я сел за руль и повернул ключ зажигания. Мотор послушно завелся, транспорт сотрясла мелкая дрожь. Россы, громко переговариваясь на своем неудобоваримом языке и хохоча, усаживались на железных скакунов.

Кира села позади меня и без малейших раздумий обняла меня за талию. Сердце у меня колотилось громче и чаще обычного, я боялся, что его услышит Кира и сочтет, что я перепуган. Признаться, я и был напуган, но только самую малость. В большей степени меня охватили азарт и возбуждение — те самые, что заставляли россов хохотать и громче обычного переговариваться.

Впрочем, когда ворота полностью открылись, все разговоры мигом смолкли. Свет факелов не проникал дальше нескольких десятков шагов, однако включенные фары взрезали темноту на целую сотню метров. И уперлись в руины старого длинного одноэтажного здания из кирпичей. Руины заросли кустарником и травой. Пустошь, разделяющую нас и это здание в глубине зоны, покрывала щебенка пополам с нанесенным за многие годы дерном, из которого торчали хилые стебли упрямой живучей травы.

Кто-то из россов заливисто гикнул и засвистел — угодливые аборигены засмеялись, и громче всех — Емеля.

Буксанув задними колесами и взметнув комья земли, россы рванули с мест. Моторы взревели. Россы понеслись во тьму зоны, как заправские байкеры. Я успел увидеть, как их головы покрылись материализовавшимися ниоткуда блестящими сферами наподобие шлемов симботов.

Кстати, все симботы остались в вагоне или возле него. Подстраховка с их стороны не входила в планы. Экстремальный туризм не должен переставать быть экстремальным, и в то же время обязан оставаться туризмом.

Однако кто их знает, россов? Я бы не удивился, если бы узнал, что над территорией зоны всю ночь будут летать специальные дроны, о которых мы с Кирой не подозреваем.

Россы с шумом и визгами унеслись вдаль, разбрызгивая свет фар в бархатной темноте ночи, а я все не спешил трогаться.

— Скажи мне, Кира, — сказал я, — нам точно это нужно? Мы ведь с тобой не туристы, чтобы маяться дурью? Мы серьезные люди.

Последняя фраза прозвучала чуть иронично.

Моего уха коснулось дыхание Киры. Оно было учащенным. Я не мог обернуться полностью, чтобы разглядеть ее лицо, но понимал, что она возбуждена (не в том смысле) не меньше меня.

Ответила она, тем не менее, вполне спокойным тоном:

— Жми на газ, Олесь — или на что там надо жать? Мы поймаем Лего и сделаем это не хуже россов. Заодно разгадаем еще одну маленькую загадку Поганого поля. Я хочу увидеть, как вытянутся их надменные рожи.

Я тоже этого хотел. И загадку разгадать, и рожи увидеть.

Потому, не проронив больше ни слова, выкрутил гашетку.

***

Когда я, не особенно разгоняясь, доехал до руин, мы с Кирой сделали несколько открытий.

Во-первых, зона гораздо больше, чем мы предполагали. За руинами открывался вид на редкий, но обширный лесочек, за которым на фоне звездного неба высывались темные силуэты огромных зданий и заводских труб. Эти здания и сооружения находились не ближе, чем в пяти километров от нас. Если кончится бензин или случится какая-нибудь поломка, нам придется топтать целый час, а то и дольше, на своих двоих по сильно пересеченной местности. По закону подлости на нашем квадроцикле датчик уровня топлива вовсе

отсутствовал — вероятно, его сковырнули за ненадобностью.

Во-вторых, разномастный забор вокруг зоны тянулся всего на десяток метров в обе стороны от ворот. Аборигены не утруждались. Да и каким образом им огородить всю эту гигантскую территорию? Спереди прикрыто, да и ладно.

Справа зона пролегала вдоль берега озера, слева пропадала в лесочке, в прорехах которого чернели прямоугольные конструкции — прочие заброшенные здания. Здесь действительно было огромное количество укромных местечек для Погани.

Я поехал к лесочку, стараясь держать курс на всполохи фар далеко обогнавших нас россов. Они уже не орали и не свистели, лишь доносился звук моторов.

Деревья располагались друг от друга на значительном расстоянии, земля плотно утрамбована и почти лишена каких-либо препятствий, кроме старых-престарых автомобильных покрышек, торчащих тут и там и вросших в грунт.

Я пока не спешил подключать боевой режим, но, образно выражаясь, моя виртуальная рука лежала на виртуальном тумблере. Боевой режим энергозатратный, подключать его в случае каждого легкого испуга глупо, но и доводить дело до того, что подключить его будет невозможно — например, из-за потери сознания, — тоже неразумно.

— Кажется, они едут к тем зданиям, — сказала мне Кира на ухо.

Я кивнул, не сомневаясь, что она увидит или почувствует это движение.

Ее крепкие объятия были бы гораздо приятнее, если бы мне в хребет не впивался ее автомат.

Я лавировал между хилыми, словно бы больными деревцами, старательно держась подальше от построек и отслеживая В-токи. Присутствие живых существ мой магический радар не обнаруживал, если не считать совсем уж мелких зверьков, прячущихся под корнями. Погань — это далеко не живые существа, но я более-менее помнил их В-ауру (вот и пополнился мой личный словарь еще одним словечком).

Яркие световые конусы, идущие от фар, отгалкивали стену тьмы, и из нее материализовывались все новые и новые бледные стволы. Один раз белая сгорбленная тень метнулась впереди через дорогу и пропала в черно-белых кустах. Я ее не разглядел, но был уверен, что это Урод. Позже отмотаю СКН и погляжу внимательнее...

Появление Урода не укрылось от внимания Киры, потому что она убрала одну руку и поудобнее перехватила автомат. Однако Урод и не думал нападать на нас из засады.

Мы ехали через лес, заполненный руинами, минут десять, прежде чем впереди раздались звуки выстрелов.

Я сразу притормозил и заглушил двигатель.

Выстрелы были одиночными и следовали друг за другом через равные промежутки времени — пусть и очень короткие. Россы явно не паниковали. Это успокаивало.

Некоторое время мы напряженно прислушивались, сняв автоматы с предохранителей. Я усиленно сканировал окружающее пространство. Выстрелы смолкли, голосов и свиста не было слышно.

Мы снова тронулись. Лес поредел. Впереди снова простиралась обширная пустошь, в разных местах которой без какого-либо порядка торчали ржавые железнодорожные контейнеры. Наискось пустошь пересекал ряд высоковольтных столбов с давным-давно оборванными проводами. Кое-где можно было различить остовы грузовых машин, груды металлолома и разного строительного мусора.

Противоположный край пустоши упирался в непроглядно черный массив заводских

зданий и сооружений. Среди полуобвалившихся стен иногда мелькали всполохи света.

Мы пересекли пологий ров, заполненный грязью. Судя по свежим следам шин, здесь только что проехали россы.

Похоже было на то, что мы опаздываем на вечеринку. С одной стороны хорошо, меньше риска, а с другой — не улыбалось явиться к шапочному разбору и заслужить понимающе-язвительную усмешку Габриэля. Я поддал газу — и совершенно напрасно, поскольку местность стала совершенно непроходимой, разрытой, в ямах и рытвинах, словно после артиллерийского обстрела. Квадроцикл то клевал носом, то задира́л его вверх, то кренился так, что мы рисковали сверзиться с сидений.

Когда мы наконец очутились между двумя зданиями на самой периферии заводского комплекса, где-то вдали, отражаясь от высоких стен, снова сухо затрещали выстрелы: несколько одиночных и пара очередей. Ситуация накалялась.

Я не мог не думать, что чем мы ближе к очагу заварушки, тем выше риск того, что одна или несколько пуль попадут в нас. Комбинезоны россов пуленепробиваемые, а вот нам такая одежда не досталась. Свинство со стороны россов, безусловно, но и ехать на охоту нас никто не принуждал.

А еще их пузыревидные шлемы, скорее всего, оборудованы инфракрасными визорами или чем еще покруче, о чем мы и понятия не имеем. У нас же с Кирой в распоряжении одни собственные зенки; ну, и у меня — возможность сканировать местность.

Как бы то ни было, отступать поздно. Я замедлился почти до скорости спокойно идущего человека, напряженно высматривая, что творится впереди. Многие постройки пришли в такое плачевное состояние, что от них остались одни груды кирпичей, шифера, ржавой арматуры, битого стекла и раскрошившегося бетона.

— Дальше пешком, — шепнул я, заглушив двигатель. — Постарайся не высовываться.

Она кивнула, и мы осторожно двинулись по заваленному строительным мусором проулку, в конце которого виднелись горящие фары и слышались выстрелы.

Не одолели мы и половины пути, как к треску выстрелов и гулу моторов присоединился резкий лязг.

Когда мы аккуратно выглянули из-за угла относительно целого здания, нам открылась поразительная картина.

Пятеро россов стояло кругом и стреляло в нечто, что мне сначала показалось инсталляцией обкуренного художника-импрессиониста, как попало сляпанной из изрядно поюзанного контейнера, сундуков из дерева и жести, гофрированных труб, пучков проводов и бочек. Причем художник старался придать инсталляции форму Кинг-Конга.

Знаю, что звучит это как бред. Но издали Лего (а это было именно Лего трех метров в высоту и тонны две весом), чье тело было собрано из разного металлического мусора, выглядело как гигантская горилла с короткими ножками, длиннющими гофрированными руками, упирающимися в землю и маленькой головой-ящиком и тремя дырами, похожими на глаза и разинутый рот.

Россы палили в него с разных сторон, а Лего с оглушительным лязгом поворачивалось то туда, то сюда, и при этом от него отваливались куски. Иногда какая-нибудь его конечность попадала в луч света, и тогда странное чудовище отшатывалось.

Мне вспомнилось первое Лего, которое попала́сь мне в этом мире и о котором я не забыл после глюка. Железная тренога с висевшим на ней телом умершего человека, замаскированным под пугало. Сказать, что это крипотное зрелище, значит ничего не

сказать. Особенно если увидеть такое ночью в первый раз. Второе Лего представляло собой собранную из кусков башню на моноколесе. Тогда, помнится, я не успел испугаться как следует.

Но сейчас это существо внушало страх своими габаритами и карикатурными пропорциями.

Несмотря на литые шлемы, я слышал, как переговариваются россы. Почему-то они не пользовались интеркомами — или пользовались, но при этом предпочитали, чтобы голоса были слышны снаружи.

— Потурни йиво! — кричал женский голос, незнакомый. Это не Лиин и не Моник. — Ганни этот гарб! Ну?! Загоняйся! Вэйчим стэндишь?

— Лайтить на йиво треба! — отзывался мужской голос, тоже незнакомый. Ни нашего Габриэля, ни тот второго, с оранжевыми глазами.

Пули из автомата высекали искры из металлического тела Кинг-Конга. После одной удачной очереди гофрированная рука повисла на лохмотьях. Из нее капала вязкая жидкость.

Кто-то из россов выпустил длинную очередь, и ящик-голова свалилась с высоты трех метров, разбившись вдребезги. Россы отреагировали торжествующим воплем.

Крик заглушил громкий и продолжительный лязг, будто совсем рядом с нами потерпел крушение товарный состав. Мне почудилось, что в этот лязг вплелся нечеловеческий, скребущий душу визг, уходящий в ультразвук.

— Сейчас выйдет! — раздался голос Габриэля, который отчего-то заговорил на тру-ру. — Готовьтесь!

Возможно, он заметил нас с Кирой, и его слова относились не только к россам, но и всем участникам охоты.

Лего взмахнуло уцелевшей гофрированной рукой, ее конец с тремя металлическими пальцами зацепил ближайший байк, и тот отлетел в сторону, переворачиваясь в воздухе, как легкая игрушка. Байк рухнул на груды битого бетона. Его фары продолжали светить, но начали мигать. Я ожидал, что взорвется бензобак, но пронесло.

Мы с Кирой тоже открыли огонь. Автомат задрожал в руках. Лего продолжало визжать-лязгать, беспорядочно вращаясь на месте, взмахивая рукой, круша все подряд и разваливаясь на куски.

И тут прогремел взрыв. Яркое красное пламя осветило территорию разрушенного завода на многие десятки метров вокруг. Отброшенный байк с запозданием, но все же устроил фейерверк.

Взрыв не нанес никому из охотников вреда, но на секунду отвлек внимание. Этим воспользовалось Лего — ударило троих россов, и те, упав, пропали во тьме. Двое оставшихся на ногах шустро отскочили, не переставая стрелять.

В какой-то момент сила, удерживающая части тела Лего вместе, прекратила действовать. Все эти ящики, коробки и трубы, которые составляли Лего, одновременно рассыпались, образовав кучу мусора на залитой светом фар и молодой луны площадке посреди заводских зданий.

— Держите его! — заревел Габриэль.

И я увидел своим В-зрением, как к нам скользит нечто бесформенное, липкое, похожее на ожившую лужу огромного лизуна. Но однозначно живое! Оно легко и быстро скользило по щебенке прямо на нас с Кирой.

“Включить боевой режим!”

БОЕВОЙ РЕЖИМ ВКЛЮЧЕН СИНАПС-РЕФЛЕКСЫ УСКОРЕННЫ

Время привычно замедлилось. Я увидел движение этой странной живой лужи. Если бы амеба выросла до размеров человека, то она выглядела бы именно так: аморфная масса цвета соплей, сплюснутая притяжением и вытянутая в длинный овал от собственной скорости скольжения. Света было маловато, но я разглядел, что в глубине студенистой массы плавают и вращаются объекты, похожие на человеческие глаза.

Глаза Урода?

Кира палила в стремительно приближающуюся амебу, пули рвали ее слизистое тело, но не причиняли вреда. Я тоже по инерции жал на на спусковой крючок. Когда между нами оставались считанные шаги, все глаза, заполнявшие полупрозрачное тело, разом повернулись к нам своими зрачками. Я почувствовал исходящие от них В-токи невероятной силы. В этом взгляде было столько злобы, что я перестал стрелять и застыл на месте.

— Контейнер! — заорал Габриэль низким, медленным, рокошущим басом.

Я стряхнул гипноз, вспомнив о том, что нахожусь в состоянии боевого режима. Выхватил цилиндрический контейнер и изо всех сил надавил на плоскую тугую кнопку, нацелив противоположный торец на приближающегося монстра.

Смачно хлопнуло, контейнер трепыхнулся в моей ладони, как пойманная рыбина, и из него вылетела масса, искрящаяся статическим электричеством.

В полете (я это видел в замедленном темпе) масса развернулась в тончайшую вуаль, которая накрыла “амебу”. В следующее мгновение соединенная с амебой вуаль свернулась в идеальный шар размером в бильярдный шар.

Выстрелы, крики и лязг разом стихли, наступила тишина, нарушаемая лишь треском горящего байка. Отсветы пламени заставляли плясать тени, которые по мере того, как утихал огонь, вырастали, увеличивались, сливаясь в одну чернильную завесу.

Я вышел из боевого режима. К нам подошла призрачная фигура росса, наклонилась и одной рукой подняла шар. Подбросив его, Габриэль сказал:

— Молодец, ведун, не растерялся. А то бы упустили.

Его шлем раскрылся как цветок, лепестки втянулись в воротник и исчезли. Он оглянулся и хмыкнул, глядя на то, как отброшенные Лего охотники поднимаются на ноги, крича и невнятно ругаясь. Вряд ли они получили хоть какие-нибудь травмы — комбинезон, судя по всему, защищал отлично.

Я чувствовал легкую, но назойливую досаду. Мог бы справиться и без подключения боевого режима. Нужно было всего-то нажать на кнопку на контейнере. Нам с Кирой повезло, что дичь шла прямо на нас.

Кажется, я начинаю злоупотреблять возможностями нейроимпланта и совсем не пользуюсь своими собственными, природой данными способностями. Каково, например, Кире? Она-то рискует по полной программе! Я употребляюсь игроку в шахматы, который ходит только ферзем, хотя у него есть и другие фигуры. Дураку понятно, что такой игрок рано или поздно потерпит сокрушающее поражение. Причем скорее рано, чем поздно.

— Это и есть внутреннее тело Лего? — спросила Кира, указывая на шар в руке Габриэля.

— Оно самое. Зеленая глазастая сопля, собирающая воедино разный хлам. Это что-то вроде личинки ручейника, которая строит дом из разного мусора. Или на самом деле Лего похоже на рака-отшельника, только вместо старых раковин оно собирает вот это.

И он тыкнул большим пальцем через плечо — туда, где валялась груда мусора, которая совсем недавно была движущейся инсталляцией мусорного Кинг-Конга.

— Что вы с ним будете делать? — спросила Кира.

— Добавлю в коллекцию! — хохотнул Габриэль.

Я почему-то был уверен, что он врет. Россы не просто охотились, а совмещали приятное с полезным. Что-то они проделывали с Поганью.

Ничего, со временем это мы выясним.

Глава 7. Другая сторона луны

На другой день россы умотали на лодочную экскурсию. Поплыли на противоположный берег озера, где располагались, по всей видимости, другие селения с жителями, обожествляющими россов, которым, кажется, преклонение нравилось.

У меня же это поклонение и челобитие не вызывали ничего, кроме раздражения.

Возвращение в Республику Росс планировалось завтра, и у нас с Кирой в распоряжении оказались целые сутки ничегонеделания.

Для меня ничегонеделание — суровое испытание. В последнее время я привык постоянно чем-то заниматься и куда-то двигаться. Но охотиться на Лего вторую ночь подряд вместе с россами не было ни малейшего настроения. Я уже узнал, что из себя представляют эти чудовища (вовсе не роботы, а биотехнические симбионты), и мне было неинтересно носиться по свалкам бывшей промышленной зоны на квадроцикле, поливая градом пуль все вокруг и вопя от восторга, как это делали наши туристы.

Меня больше интересовало, куда Габриэль дел сферу-ловушку с внутренним телом Лего и что он с ней намерен делать.

Эксперименты?

Или он выпустит Лего в Секцию Буфер (сиречь Прикордонье), чтобы оно собрало себе внешнее тело из чего попало и сражалось с Отщепенцами на потеху россам? От этих разноцветных извращенцев всего можно ожидать.

Днем мы с Кирой надумали скоротать время просто катаясь по жидкому лесочку на квадроцикле. Никто не запрещал пользоваться этим непопулярным среди экстремалов четырехколесным байком.

Я учил ее управлять этим транспортом. Дело нехитрое, и Кира быстро им овладела. Теперь я сидел сзади, обхватив ее тонкую и упругую талию (что незаметно за теми просторными одеждами, которые она предпочитает), а она носилась по бездорожью с восторженным видом.

Езда на квадроцикле понравилась ей даже больше, чем я ожидал. Наверное потому, что сиденье напоминало седло на лошади и сидели мы под открытым небом. В кабине мусоровоза кататься-то она отказывалась.

Неожиданно для меня (и наверняка для нее тоже) эта совместная прогулка удивительным образом нас сблизила. Давненько ни с кем я так тепло не общался. Прежде между нами всегда была некая дистанция.

Точнее, призрак Витьки.

И сейчас, под искренний смех Киры (я впервые слышал, чтобы она так смеялась) этот призрак уплывал в серую хмарь забвения...

Ближе к обеду, когда дисциплинированный желудок напомнил о том, что пора возвращаться в купе, где есть еда, мы наткнулись в нескольких километрах от места остановки поезда на Ведмин круг с дольменом в центре. Вокруг него торчали хилые деревца, свойственные этой местности, но в выложенном камнями круге не рос ни один кустик — только мелкая пожелтевшая трава. Полутораметровые камни дольмена глубоко ушли в почву и обросли мхом.

И тут на горизонте снова замаячил призрак Витьки.

И почему я так зациклен на нем?

В какой-то момент я потерял и дом, и память — нехилый такой стресс для, в сущности, обыкновенного парня. У меня были чужие воспоминания — и Витька. Он был моим якорем и опорой. И без него кажется, будто я схожу с ума.

Мы слезли с квадроцикла и молча встали на самом краю Ведьминого круга. Смотрели на тяжеленные камни, которые кто-то поставил буквой “П”. И поставил, судя по всему, без использования техники, как это делали наши древние предки из мегалитической культуры. Даже мысленно представлять такое тяжело.

И вдруг меня, как говорится, пробило на инсайт.

Я развернулся к Кире и сказал:

— Мне нужно здесь переночевать.

Она с изумлением воззрилась на меня.

— Что?

— Именно здесь, в Ведьмином круге, — кивнул я.

Я отчетливо воспринимал В-ауру этого места. Она отличалась от той, что разлита в лесу. Воспринимались потоки энергии, но очень слабые, ни на что не похожие. Словно совсем рядом была дыра в пространстве, и в нее просачивался сквозняк из иного мира. А еще чудилось, словно эта энергия хочет мне что-то сказать — но что?

— Зачем? — спросила Кира, хмурясь и снова напоминая себя прежнюю, а не новую, смеющуюся и беззаботную.

— По ночам здесь происходит волшба, — постарался я объяснить словами то, что ощущалось на уровне интуиции. — Я должен понять...

— А Погань? Ты разведешь огонь?

Она обо мне беспокоилась. Сегодняшняя поездка что-то изменила в ее отношении ко мне... и в моем — к ней.

— У меня ведьмины мешочки, — напомнил я мягко. А сам подумал, что пользоваться ими не буду. Нельзя отгонять Погань. Погань — часть Поганого поля. А именно с ним я должен сегодня подружиться, не отгораживаясь световой гирляндой или иными методами. Образно выражаясь, сегодня мне предстоит секс с Поганым полем без средств предохранения.

Возможно, я свихнулся. Но — рискнем.

***

Вечером, после ужина, когда начало темнеть (а темнеет здесь рано), я сел за руль квадроцикла и поехал к Ведьминому кругу. Прихватил с собой автомат, который россы оставили пока что в моем распоряжении вместе с байком, и рапиру, к которой успел привыкнуть. Киру не приглашал, а она и не напрашивалась.

Сказала только:

— Будь осторожен...

При этом особое беспокойство не высказывала, если не считать немного нахмуренных бровей. Хотя это могло быть из-за заходящего солнца, светящего в лицо.

Я проехал немного вдоль берега, пока не уперся в забор вокруг зоны. Остановившись на заросшем кустами берегу, я заглушил мотор и некоторое время всматривался в озеро и вслушивался в окружающую природу. Со стороны островов доносились приглушенные крики и хохот. Россы вовсю забавлялись с местными красотками. Или красавцами.

Или — и теми, и другими одновременно.

А как иначе? За помощь благодетелям надо платить натурой, если больше нечем.

Довольно скоро я добрался до Ведьминого круга. С собой у меня не было никаких вещей, кроме тех, что находились прямо на мне. Все мои шмотки остались в овраге — в мусоровозе и палатке. Наверняка в них сейчас щеголяют религиозные фанатики.

Я сгреб прямо руками палые листья и соорудил постель возле дольмена внутри колдовского круга. Климат тут теплый, если не сказать — жаркий, земля за день нехило прогревается, и от ночевки на голой земле почки у меня, надеюсь, не отвалятся. Когда я углубился в лес, чтобы насобирать побольше листвы, налетел ветерок и разнес мою постель. Чертыхаясь, я нашел на земле ржавую железку размером с ладонь взрослого человека и с ее помощью вырыл длинное, но мелкое углубление. Издали оно смахивало на могилу, которую забросили, едва начав копать. Я заполнил углубление листвой. Теперь ветер мою постель не раскидает...

Между тем смеркалось. Солнце исчезло за горизонтом, наступил полный штиль, дневная жара спала.

Я выложил вокруг “могилы” кольцо из ведьминых мешочков. Пользы от них, скорее всего, будет мало. Но лучше это, чем ничего.

В сгущающихся сумерках я лег на “постель” — мягкую, но источавшую сильнейшие ароматы перепревшей листвы. Лежа на спине, я сложил руки на груди, как настоящий покойник.

Стало совсем стремно.

Что я делаю?

Зачем?

Я что, совсем свихнулся?

В то же время на самом дне бессознательного таилась уверенность в том, что я все делаю правильно. Откуда взялась эта уверенность? Не представляю.

Опять начал поддувать ветерок — на сей раз не знойный, а прохладный. Ночной, вкрадчивый, как шепот мертвецов...

Я смотрел на звездное небо, по которому плыли рваные облачка. Они то и дело напоздали на молодую луну, которая взошла совсем недавно. Если повернуть голову чуть вправо, то становятся видны очертания квадроцикла. Если посмотреть налево, то не увидишь ничего, кроме чернильной стены леса. В темноте ночи он казался густым, дремучим и монолитным, хотя я прекрасно помнил, что на самом деле это довольно жиденькие заросли.

Было страшновато, но я твердо решил провести здесь время до самого утра. Если не удастся уснуть, то так тому и быть. Я должен доверять интуиции. В Поганом поле действуют законы волшбы, и нужно играть по этим правилам. Дневной инсайт был слишком ярким и сильным, чтобы его игнорировать.

За первый час или около того я укрепился во мнении, что не усну всю ночь. Постоянно мерещилось, что кто-то подкрадывается, и я выворачивал голову, не жалея шейных позвонков. В-токов вращалось в воздухе слишком много, чтобы как-то в них ориентироваться. Я был уверен лишь в том, что ко мне не подходит большой дикий зверь; что касается Погани, то тут уверенности не было никакой.

Ближе к полуночи ветерок полностью затих, и ветви деревьев перестали злоеще скрипеть. На меня накатила волна сонливости, но я не закрывал глаза, продолжая пялиться на нависающую прямо надо мной молодую луну.

Луна медленно истончалась, и ко мне поворачивалась ее ставшая объемной, почти осязаемой темная сторона. Она выпирала из бархатного неба, как гигантский волдырь,

готовый прорваться водопадом гноя. Ее темная сторона подмигивала мне заплывшими глазками и щерилась в широченной ухмылке.

— Тинна? — сказал я, не особо удивляясь. — Не такая уж ты и страшная!

— А с чего ты решил, что темная сторона бытия должна быть страшной? Уродам вы сами представляетесь уродами.

Потрясающая мысль, серьезно подумал я. И как я до этого не додумался раньше?

— Красота в глазах смотрящего?

— Именно! — обрадовалась Тинна моей догадливости. Она заулыбалась еще шире и неожиданно стала почти красивой. — В обычном мире красоты не существует вовсе! Это лишь точка зрения большинства. Но ведь и меньшинство имеет право на свою точку зрения, верно?

Да, мысленно ответил я, слова Тинны абсолютно верны и точны. Она вещает истину. Религия селенофилов — правильная и хорошая, просто я не понял этого сразу.

— Тинна, — сказал я, — ты — богиня меньшинства?

— Кто тебе сказал, что в меня верит меньшинство? Я — богиня Погани, и нас — легион! Намного больше, чем людей. Сейчас ты это поймешь. Но для начала узри мой лик!

Я подумал, что сейчас увижу нечто красивое, но ее темное лицо исказилось, глаза уплыли куда-то в сторону, рот искривился до невозможности. На то, что свисало на меня с низкого плотного неба, было невозможно смотреть — до того омерзительным оно стало.

Я хотел вскочить на ноги и убежать, уползти, укатиться, но тело лишилось сил, придавленное к земле. Отвратительный лик Тинны падал на меня, увеличиваясь в размерах, заслоняя все небо.

Я застонал, замычал дурным голосом, но не смог пошевелить и пальцем.

...И проснулся, весь мокрый от пота. Мускулы одеревенели, но уже наливались привычной силой. Это был ночной кошмар.

Луна — самая обычная — светила с неба, сдвинувшись к западной половине небосклона, ее прикрывала вуаль легкой тучки. Черная костистая ветвь дерева упиралась в серебряный серп.

Я сел, зашелестев листвой, и потер шею. В лунном свете блестели гладкие поверхности квадроцикла. В-аура местности не изменилась. Все вроде бы оставалось в порядке.

Я “прокрутил” время назад с помощью СКН, но он показывал только темноту. Значит, я реально спал. Нейрочип не записывает сны.

Вздыхнув, я с силой потер лицо. И вдруг ощутил чье-то присутствие позади, возле монолитных камней дольмена.

Руки сами собой ухватились за автомат. Я прыжком поднялся на ноги и развернулся.

У дольмена стояла темная фигура. Прямая, а не согнутая, как у Уродов. И не чудовищно-огромная, как внешнее тело Лего.

В первый момент захотелось прошить ее очередью. Во второй — подскочить к квадроциклу и врубить фары. В Поганом поле вначале надо стрелять, а потом спрашивать — совсем как на Диком Западе.

Я передернул затвор. Магазин был наполовину полон патронов — или наполовину пуст, смотря как оценивать.

Но не выстрелил, потому что услышал знакомый голос:

— Олесь...

У меня подогнулись колени.

— Витька? — не своим голосом спросил я.

— Ага, — ответил он.

— Я все еще сплю?

И, не дожидаясь ответа, ущипнул себя за запястье. Было больно. Но это ничего не значило... Если ты спишь, мозг все равно тебя обманет. Обнадеживало то, что я только что спал, и это было совсем другое ощущение.

— Вроде нет... — неуверенно сказал Витька. Если это был он...

— Ты жив? — заволновался я. — Дай, я свет зажгу!

И шагнул к байку, чтобы включить фары.

— Лучше не надо, Олесь... Вдруг я исчезну?

Я ожидал чего-то подобного. Остановился и поднял автомат.

В-аура вокруг фигуры была сумбурная, дрожащая, как марево, ненадежная.

— Слушай, — заговорил я, понемногу приходя в себя. — Если ты порождение Поганого поля и морочишь мне голову, я тебя заставлю пожалеть!

Надеюсь, в голосе у меня не прозвучала дрожь — та самая, что овладела коленями.

До меня донесся вздох. Так вздыхал настоящий Витька, когда я, по его мнению, нес пургу.

— Я Витька Смольянинов. Мы с тобой с Тридцать Седьмого Посада сбежали... Меня подстрелили из лука... А потом я сознание потерял... И очнулся в странном месте. Темном и совсем пустом. Я себя ощущаю как-то не так, как раньше, и сам не понимаю, что стряслось...

— Где это место? Кто тебя утащил из могилы? То есть... кто тебя увел?

Пауза. Кажется, Витька усиленно напрягал память.

— Какие-то добрые люди...

— Люди?

— Да, они увели меня через эти камни... Дольмен... Это ворота.

Конец фразы прозвучал совсем тихо и невнятно. Фигура Витьки отодвинулась вглубь леса, хотя я был уверен, что пацан не двигается.

— Витька! — заорал я.

— Силы кончаются, — словно бы издали донесся голос. — Ты, Олесь, найди меня, хорошо? Пожалуйста!

— Где искать-то?!!

— На другой стороне...

Плюнув на предосторожности, я подбежал к призраку, чтобы схватить и не дать исчезнуть. И схватил — но не живого человека и не призрак, а нечто холодное и твердое, как камень.

Последовал страшный удар в живот, и я повалился на землю. Сознание на секунду помутилось, но я быстро пришел в себя и вскочил.

На меня надвигалась тень — огромная, громоздкая, нечеловеческая.

Лего?

Когда она выдвинулась из тени, на нее упали лунные лучи, и я увидел шероховатую поверхность камня. На меня пер гранитный голем с карикатурными руками и ногами.

Переключив автомат на стрельбу очередями, я открыл огонь. Ночную тишину разорвал грохот выстрелов. Пули рикошетили, выбивая искры, от Голема, но ничуть его не замедляли. Тяжело ступая, он продолжал приближаться.

И когда эта тварь успела подкрасться? Из-за Витьки я потерял бдительность.

Я продолжал жать на спуск до тех пор, пока не кончились патроны, хотя с самого начала и последнему идиоту было понятно, что толку от пальбы не будет. Видимо, я изрядно перепугался и сам этого не понял. Слишком многое навалилось за эти последние минуты: появление Витьки или его призрака, воспоминания о том, как меня укусил Вампир в кратере, а после из воды вылезли Големы, которых я тогда впервые видел и здорово струхнул... Способность мыслить пропала начисто. Я просто стоял, как debil, и стрелял, пока автомат не заглох, а Голем уже стоял прямо передо мной, подобный двухметровой статуе, вытесанной скульптором, не представлявшем, как должно выглядеть человеческое тело.

На мою голову опустилась каменная рука — опустилась почти ласково, иначе мой череп запросто треснул бы, как переспелая тыква. Но тем не менее я почувствовал боль от удара.

Боль отрезвила и привела в чувство. Я выставил Знак Глаза на предплечье и завопил: — Рассыпся!

Сам не знаю, почему я произнес именно это слово. Но Голем отшатнулся, просел и принялся рассыпаться на куски. То ли зрением, то ли своим волшебным шестым чувством я уловил, как из груди камней выскользнула живая слизь, похожая на ту, что выскочила из внешнего тела Лего. Она сразу распалась на капли, которые растворились в траве.

Я подбежал к квадроциклу и дрожащими руками врубил фары. Раскаленный автомат бил меня по груди, живот и спина болели — живот от апперкота Голема, а спина от удара о землю при падении. Вспыхнувшие фары осветили весь Ведьмин круг, П-образные камни, мое “могильное” ложе и груды ноздреватых камней, которые совсем недавно являли собой внешнее тело Голема. Я успел заметить, как капли слизи растворяются в траве; возможно, немного позже эти капли снова сольются в единое целое.

Так, еще одна загадка Поганого поля разгадана — частично разгадана, но хоть что-то. Големы и Лего — это почти одно и то же, симбионты, конструирующие себе внешние экзоскелеты из природного камня или антропогенного металлолома.

Ну и какая польза мне от этого знания?

Я стоял возле квадроцикла несколько минут и лихорадочно озирался. Яркий свет фар разгонял темноту. Было тихо и мирно, никто больше не пытался напасть. Витька (или какое-то другое существо, которое пыталось морочить мне голову) не возвращался.

Я больше не усну. Ну какой еще сон после таких страстей?

При свете фар я обошел дольмен, протиснулся сквозь узкий проход, образованный камнями. В-аура была иной, и — больше я ничего не сумел выяснить. Если врата и вели в иное измерение, то я не нажал на соответствующую кнопку, активирующие портал.

Осмотрел траву там, где находился Витька. Следов нет. Но следопыт из меня никакой, а трава жесткая — пройдишь по ней, и не останется ни следа.

Больше всего меня пробрало поведение Витьки: оно было таким естественным! Он не вещал замогильным голосом о мести, не порол невнятицу, не издавал жуткие звуки, как призраки из фильмов ужасов. Он говорил то, что и следовало в такой ситуации обычному человеку. Он и сам не понимал, куда попал и что с ним стряслось. И просил меня помочь...

Я залез на квадроцикл и поехал назад. Шок постепенно сошел на нет, зато нахлынуло радостное возбуждение. Инсайт оказался верным: я увидел Витьку. Не совсем прежнего, живого, но интуиция подсказывала, что это именно он, пусть и изменившийся, перешедший

в какую-то призрачную форму или пытающийся докричаться до меня из другого измерения.

Он хотел вернуться!

Внезапно сам собой включился интерфейс моего нейрочипа:

ОБНАРУЖЕН НОВЫЙ ДОПАРТ

ФУНКЦИИ НЕ ОПРЕДЕЛЕННЫ

***

— Ты уверен, что тебе не показалось? — в который раз спросила Кира.

Я закрыл глаза, но не от досады, а для того, чтобы в очередной раз прокрутить СКН.

Никакой ошибки быть не могло. Я совершенно точно разговаривал с Витькой, который вел себя как Витька, а не как хтоническое существо, пытающееся притвориться пацаном. Я видел его фигуру, хоть и нечетко. К сожалению, СКН записывает все, что я вижу, слышу и чувствую ровно в таком же качестве и “разрешении”, в каком увидено, услышано и прочувствовано.

— Уверен, — пробурчал я.

И подумал: “Вся моя уверенность базируется на изрядно потрепанных чувствах и СКН. По сути, все происходящие события могут транслироваться мне в мозг долбаным нейрочипом, и я ни за что не замечу разницы между иллюзией и реальностью, если она вообще есть. Жизнь в Эру буржуйского Тельца тоже казалась мне абсолютно реальной”.

В тот период моей жизни был только один баг, который косвенно указывал на иллюзорность происходящего — то, что я совершенно не вспоминал о родителях, своей юности, родных и друзьях, кроме Димона.

Но и сейчас я могу не вспомнить о некоторых аспектах жизни, о которых должен думать каждый нормальный человек. О чем-то важном, что совершенно ускользает от моего внимания. Но как заставить себя думать об этом чем-то, если не знаешь, о чем?

Кира, судя по всему, различила неуверенность в моем тоне. Но не прокомментировала.

— Ладно, — сказала она. — Как теперь поступишь? Твои догадки отчасти подтвердились. Будешь ночевать в Ведьмином кругу еще раз? Сегодня поезд возвращается в Республику Росс. Трогаемся вечером — я узнавала.

Я уже об этом думал.

— Заночевать в Ведьмином круге нужно еще раз. Это единственная возможность снова “дозвониться” до Витьки. Он явно не успел мне все рассказать, связь прервалась. Во второй раз, глядишь, успеет подсказать, как его вытащить с другой стороны... Круг — это портал, но в Поганом поле таких кругов много. Мы поедem в Республику Росс, соберем информацию, а потом я вернусь в Поганое поле и найду ближайший Ведьмин круг. Нам сейчас нельзя разлучаться с россами...

— Вернешься только ты? — проговорила Кира с непонятной интонацией, то ли вопросительной, то ли утвердительной.

Мы сидели в нашем купе у окна за столиком. Было раннее утро, россы пока не выходили из своих хат, дрыхли после ночных увеселений.

Я кашлянул и прямо сказал:

— Кира, я до сих пор не понял наши отношения. Имею ли я право тебе указывать, куда идти? Насколько я понимаю, мы свободные путешественники, которых вместе свела судьба, но которые, в принципе, не обязаны всюду следовать друг за другом. Если хочешь пойти со мной, милости прошу... Но и принуждать не буду.

Получилось, кажется, грубовато, но Кира не обиделась, а задумалась.

— Знаешь, Олесь, я до сих пор не решила, кто ты такой.

— В смысле? — удивился я. — Я тебе рассказал всю свою жизнь. По крайней мере, ту, которую помню, естественно.

— Да, рассказал. Но я так и не поняла, сумасшедший ты или нет.

Что ж, она тоже заговорила со мной максимально прямо, без экивоков и намеков. Это радовало и немного пугало. Такие прямые разговоры либо ведут к долгосрочным отношениям, либо становятся последними в жизни.

— Вот оно что! — только и смог произнести я.

— Если ты сумасшедший, — продолжила Кира очень серьезно, — нам будет не по пути.

— Я и сам толком не знаю, сумасшедший ли я...

— Это зависит от целей человека, — сказала Кира, и я догадался, что она транслирует что-то из прочитанного в библиотеке. — Безумие целей отражает безумие человека. Мой брат Борис был безумен. Он горел желанием очистить этот мир от скверны огнем. В юности его бесило, что я читаю книги — те немногие, что нашлись в руинах города рядом с нашим селением. Он колотил меня за это и сжигал книги. Но однажды я его пыталась остановить и выстрелила из огнемета... Ты видел такой у нашего воеводы... Но это его ничему не научило.

— Так это ты его обожгла? — тихо спросил я.

— Да. И еще больше усугубила его сумасшествие... Но особо я ни о чем не жалею — он и без того был совсем чокнутый. И это не лечится.

Пока я переваривал новую инфу, она добавила:

— Поэтому, если ты окажешься психически больным, наши пути сразу разойдутся. Без промедления и колебаний. Я не буду пытаться тебя уговорить, одуматься, лечить или суесться вокруг — это пустая потеря времени.

Мило. И честно.

Я попытался пошутить:

— Достаточно будет того, что ты мне не сожжешь пол-лица.

Но Кира не подхватила шутливый тон.

— Зависит от тебя. Я слежу за тобой. Ты вроде бы нормальный парень, куда лучше многих... Ведешь себя достойно, хоть и несет тебя постоянно куда-то... Но если окажется, что Витька все-таки умер, а ты просто сходишь с ума — прощай навсегда.

— Значит, — усмехнулся я, — ты все-таки меня оценивала?

— Как и ты меня.

— А если я окажусь нормальным? И откажусь от цели найти Витьку? Или же, наоборот найду его живого? Ты согласишься быть моей, скажем так, подругой?

Раз уж пошел такой разговор, я решил расставить все точки над “ё”.

Она пожалала плечами.

— Скорее да, чем нет. Ты для меня наилучший вариант. Я не совсем хочу обременять себя отношениями, но понимаю, что тянуть с созданием семьи не стоит. Женский организм слишком быстро увядает.

Ее прямолинейность начала меня коробить. Не в тему вспомнилось, как покорила и смутила Витьку моя собственная прямота, когда я сказал, что у нас Кирой возможен регулярный секс. Пожалуй, я мог бы об этом сказать и самой Кире. Зачем я столько времени ходил вокруг да около? Надо было сразу выкладывать все, что думаю. Вот так с бабами

всегда — строишь из себя сраного рыцаря, а они ждут прямолинейного дикаря.

Впрочем, с Кирой одно неверное движение или слово может привести к потере существенных частей тела.

— Ты хочешь детей? — спросил я.

— Помнишь, я говорила, что вижу смысл своей жизни в служении другим?

Да, верно, она такое говорила. Мне не требовался СКН, чтобы восстановить в памяти весь диалог.

“— У Решетникова есть мотивация, — говорил я. — Он ждет, когда Поганое поле поглотит Вечную Сиберию.

— Чтобы что? — резко спрашивала Кира. — Чтобы прожить в одиночестве остаток жизни и упиваться гибелью врага? Это бессмысленно.

— А что не бессмысленно?

— Служение другим.

— А кому ты служишь, Кира? — встревал Витька. — Никого нет, а домой ты не хочешь.

— Будущим поколениям, — с достоинством ответила Кира. — Я храню знания, читаю книги. Придет время, и я обучу учеников.

— Откуда ты их возьмешь?

— Придет время — появятся. В крайнем случае нарожаю.”

— Да, помню, — сказал я.

— Слушать будущим поколениям — это хорошо. А если будущее поколение — твои родные потомки, думаю, это еще лучше.

Я перевел дух.

— Получается, мне теперь надо доказать тебе, что я не чокнутый. А для этого мне надо решить, искать Витьку дальше или забить на это.

— Я не хочу заставлять тебя выбирать между собой и им. Это был бы верх глупости. Если женщина заставляет мужчину выбирать, он, как правило, выбирает другую женщину, которая не будет заставлять его выбирать. А я, уж извини за нескромность, далеко не глупа.

— Я заметил.

— Поэтому делай, что считаешь нужным и правильным. Не пытайся понравиться — это выглядит... неприятно. Я поеду с тобой в Республику Росс, и там мы придумаем, как поступить дальше.

Я растроганно уставился на нее, благо она смотрела в окно и не видела моего выражения лица. Эта девушка — идеал!

Когда вышел из купе, чтобы прогуляться, в коридоре расхаживал Габриэль.

— Она тебе не по зубам, парень, — заявил он вместо приветствия.

Я сразу догадался, в чем дело.

— Подслушивал? — прошипел я. Это так по-росски!

— Конечно. Это ведь так интересно! Я даже не подозревал, что вы до сих пор не вступили в плотную связь. Столько времени вместе на диких равнинах и до сих пор не... Как такое возможно? Только если мужчина совсем плох, а я не смею предположить такое.

Он смерил меня лицемерным взглядом.

— Или женщина слишком умна. Такая умница тебе не по зубам, повторяю.

— А может быть, ты просто не знаешь, что такое дружеские отношения?

— Дружеские отношения между молодыми и здоровыми людьми разного пола

встречаются очень редко. Я бы даже сказал: никогда. Но боюсь упустить какой-нибудь уникальный случай. Я бы поставил на то, что она тебя использует, как и подобает заскорузлым бинарам вроде вас. С твоей помощью она закрепится в Республике, а потом ты еще и должен будешь доказать, что достоин ее! Хитро!

Он засмеялся, я мрачно подумал, что бинар — это, наверное, гетеросексуал.

— Без тебя она оставалась бы с теми полоумными адептами луны, — продолжал Габриэль. — Она останется в Республике Росс при любом раскладе, друг, вот увидишь. А мы от таких умниц избавляться не будем, Республике нужны умные люди. А вот в Поганом поле или Вечной Сибири им делать нечего.

Я все-таки разозлился:

— А на что тогда я вам сдался, такой глупый?

— Ты неглупый. Просто не слишком умный. И ты нам нужен, но — об этом позже!

Желтоглазый росс похлопал меня по плечу и вразвалку пошел по коридору.

Я вышел из поезда через послушно открывшийся шестиугольный проем. Меня раздражало раздражение. Причем бесил не только Габриэль, но и Кира с ее интеллектом.

Меня что, все используют? Кира — чтобы попасть в Республику Росс, Габриэль — вообще хрен пойми по какой причине. Даже Витька, если на то пошло, использовал меня для того, чтобы свалить по-быстрому из опостылевшего Посада.

И вообще, если присмотреться внимательнее, все люди на свете используют друг друга для своих мелких потребностей. А все разговоры про дружбу и любовь — просто брехня и самообман.

Уйти, что ли, куда глаза глядят? Пусть за мной побегают!

А если не побегают?

М-да, какие-то у меня сегодня детские мысли и поведение, одернул я себя и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Дотерплю до Республики, там выясню все, что надо, и умотаю в Поганое поле, чтобы добить это дело с Ведьмиными кругами и Витькиным призраком. Киру ждать и увещевать не буду — обойдется.

До меня донеслись звуки заунывной песни. Я лишь сейчас заметил, что вокруг каргопоезда, сляпанного из чего попало, бродят вереницей аборигены с озерных островов и напевают что-то замогильное.

Я направился к ним — все равно в поезд возвращаться не хотелось.

— Славься, Росс! — различил я слова. — Славься, Росс!

Когда приблизился на расстояние в пару десятков метров, Емеля углядел меня и бросился в ноги самым натуральным образом.

— Возблагодарим наших благодетелей, братья и сестры! — возопил он высоким голосом.

Меня передернуло от отвращения. Я быстро наклонился и поднял его за шкурку обеими руками, причем на мгновение полностью оторвал от земли, хотя Емеля был справным мужичком. У меня всегда от злости прибавлялось силы.

Или это действие нового, неопознанного допарта? Я так и не разобрался, что это за штука и откуда она появилась. СКН постоянно “видел” его в виде мутного прямоугольника, а не Знака, как остальные допарты, но само “приложение” не запускалось и ничего не делало.

В конце концов я пришел к заключению, что мой СКН лагает. Или в результате удара Голема и ночевки в дольмене запустился какой-то магический троян, чтоб его...

Было бы недурно, если этот допарт увеличивает физическую силу.

— Ты что, Емеля, совсем сдурел от своего подхалимства? — прорычал я ему в перепуганное лицо. — Чего ты лебезишь? У тебя есть самоуважение?

И оттолкнул его от себя. Емеля повалился на задницу.

Я обратился к испуганным аборигенам, наблюдавшим за неожиданной экзекуцией:

— А у вас — у вас есть хоть крупица гордости? Вы люди или скоты?!!

Емеля поспешно отползал от меня, губы его тряслись от ужаса. Остальные после секундного колебания бросились наутек. Емеля оглянулся, подхватился с земли и, теряя лапти, бросился к понтонной переправе.

Я тоскливо обернулся к поезду. Сверкающие поверхности отражали лес, ворота, амбар-сарай и собственную пародию на берегу. Наблюдали ли за мной россы и Кира — неизвестно, я их не видел и не чуял. Скорее, наблюдали.

Плевать. Все они ничтожества. И россы, и аборигены. И те, и другие занимаются хренью, чтобы чем-то наполнить свое бессмысленное существование. Габриэль не верит ни в дружбу, ни в любовь, а потому все объясняет манипулированием и использованием друг друга. При этом высокомерен и насмешлив, как любой болван, возомнивший, что познал тайны вселенной. Глупая рыбка, пафосно объявляющая другим рыбкам, что суши не существует.

Я и сам не понял, отчего так разозлился. Из-за Киры? Или это запоздалая реакция после ночных приключений?

Вероятно, я перенервничал, но от осознания этого факта злость никуда не ушла.

Глава 8. Республика Росс

Почти весь день я провел на свежем воздухе и в поезд не возвращался. Не стремился видеть ни Киру, ни Габриэля, ни остальных росссов или карго-аборигенов. По сути, Кира ничего дурного мне не сделала, даже наоборот, поговорила максимально откровенно, без женских намеков и уловок, но Габриэль знатно испортил мне настроение своими предположениями насчет истинных намерений огнепоклонницы.

От нечего делать я снова смотался к Ведьминому кругу — на сей раз пешком, что заняло изрядно времени, зато долгая прогулка вернула мне душевное равновесие. На месте моей ночевки ничего не изменилось. Ямка с листвой была на месте, так же, как и многотонные камни дольмена и камешки поменьше, обрисовывающие круг.

Я побродил вокруг, несколько раз прошелся сквозь портал дольмена, прислушиваясь к В-токам. Внимательно осмотрел дерн — Голем оставил немало следов, идущих из глубины леса, а Витька, как и положено призраку, исчез без следа.

Я полежал в ямке с закрытыми глазами.

Интерфейс показывал три иконки допартов: Знак Морока, Знак Глаза Урода и третий, мутный символ неопределенных очертаний. Как я ни изощрялся, ничего с ним сделать не получалось. Прога не запускалась, иными словами.

Установленный допарт, если это вообще был допарт, а не магический “троян”, на моих ощущениях и способностях никак не отражался.

Но после бурной ночи меня переполняла какая-то ненатуральная энергия, и я не находил ей другого объяснения, кроме этого невнятного допарта. Каким-то образом он, видимо, влиял на мой организм, и я пока не понимал, как именно. А может быть, допарт ни при чем, и я перевозбудился после общения с “Витькой”, внезапно откровенной Кирой и противным циничным Габриэлем.

Чтобы сбросить напряжение, я принялся поднимать и бросать камни, как ядра, отжиматься и подтягиваться на горизонтальных ветвях. Казалось, дай мне штангу, я гриф голыми руками согну! Хватит полагаться на автомат и волшеббу, надо и собственным физическим состоянием заняться!

После этого полубезумного моциона я вернулся в родную “хату” уставшим, вспотевшим и голодным. Выгреб из самопополняющегося холодильника все съедобное и набросился на хавку.

Кира сидела на своей койке и читала спасенную мной из горящей библиотеки книгу, иногда поглядывая на меня из-под полуопущенных ресниц. Ее густая шевелюра распушилась еще сильнее, и от нее пахло чем-то цветочным. Она нашла душ, встроенный в стену, и приняла его, пока я маялся дурью в лесу.

Позже я и сам помылся. Причем обнаружил, что в душевой кабинке есть нечто вроде стиральной машинки. Суешь туда грязную одежду, и через считанные минуты — домыться не успеешь — машина выдаст выстиранную и высушенную одежду. Разве что не выглаженную, но наши шмотки в глажке не нуждались.

После душа меня потянуло в сон, и я проспал на своей койке до сумерек.

Проснулся аккурат за мгновение до того, как поезд тронулся в обратный путь.

Кира ушла в “гостиную” и сидела на стульчике у окна, наблюдая за тем, как ландшафт со все возрастающей скоростью убегает в другую сторону. Я сел рядом, потирая глаза и

зевая.

Через минуту мы летели с нереальной скоростью в полной тишине. Пейзаж за окном смазался в горизонтальные полосы, солнце зашло, и спустились густые синие сумерки. Равнина превратилась в темное озеро, над которым поблескивали неподвижные звезды.

Ближе к ночи поезд сбросил крейсерскую скорость, о чем мы с Кирой поняли не сразу. Вагоны испустили яркие лучи, осветившие траву и желтую высушенную землю, которая убегала в сторону все медленнее.

Открылась дверь в нашу хату, и заглянул Габриэль.

— Это то самое место, откуда мы вас забрали, — сообщил он. — Вы хотели забрать свои вещи. Возьмите симботов и принесите ваше имущество. Никто не вправе отнимать его у вас. Мы, россы, очень ценим право на собственность... Только не увлекайтесь: наш поезд пассажирский, а не товарный!

Это был приятный сюрприз. Я свыкся с мыслью, что россы не удосужатся сделать лишнюю остановку. Мы с Кирой переглянулись и вскочили.

— Наши вещи, наверное, уже разграбили... — неуверенно проговорила Кира.

— Кто? — удивился Габриэль. — Те жалкие фанатики? Они не посмеют, я вас заверяю! Там, где пролегает дорога Республики Росс, царит порядок.

Это было слишком хорошо, чтобы с ходу поверить.

Мы с Кирой вышли в ветренную ночь, спустившись по развернувшейся как мятая фольга лестнице. Следом за нами чеканным шагом выступили два симбота.

Вдоль верхней кромки вагонов сияли шестиугольные прожектора, заливающие светом окружающее пространство на сотню метров. Но наш лагерь в овраге располагался немного дальше. Когда мы вышли из освещенной зоны, симботы врубили собственные прожектора на груди.

Если селенофилы где-то здесь, они здорово струхнут...

Но они ушли. Не слышались голоса, не вспыхивали отблески костра — лишь шумел легкий степной ветер.

Мусоровоз стоял на месте, и — вот чудеса! — его не тронули, хоть я не запер ни кабину, ни кузов. Моей палатки и шатра Киры также никто не коснулся. В палатке на спальном мешке лежал автомат с патронами.

Габриэль прав: вдоль гравитационной дороги царит идеальный порядок.

Настроение значительно улучшилось. Мы удивились и обрадовались.

Кира пошла вдоль ручья за поворот, где стояли лагерем поклонники Аннит.

— Никого, — сказала она, вернувшись. — Ушли, кажется, недавно. Кострище еще тлеет.

— Спасибо им за уважение наших прав на собственность, — заявил я, сворачивая палатку и засовывая в кузов мусоровоза. Кира ловко сложила шатер и тоже положила в кузов.

— Но они плохо затушили костер, — произнесла она через пару минут.

— И что?

— Не знаю. Но это странно. Они давно живут в Поганом поле и должны понимать, как важно тщательно тушить огонь после себя.

— Да психанули просто, — отмахнулся я. — В Росс не попали, наши шмотки разворовать боязно, вот и не затушили огонь в надежде, что поднимется степной пожар и сожжет тут все.

— И все же это необычное поведение.

Я махнул рукой и заглянул в кабину. Все на месте. Я запер кузов и кабину ключом-перфокартой, схватил рюкзак с одеждой и вручил его симботу — пусть тащит. Не зря же они с нами сюда приперлись.

Кира отдала другому симботу переметную суму со своими небогатыми пожитками и поднялась по склону. Она заливисто засвистела, подзывая лошадей, но никто не прискакал из темноты.

Я не чуял лошадей. И Погань тоже. С симботами Погани бояться нет смысла, но я по привычке просканировал местность на предмет ночных страшилищ.

— Все-таки фанатики увели лошадей! — сказал я, когда Кира спустилась. Она немного погрустнела.

— Или они сами ушли... стреноженные.

Я промолчал. Лошадей быстро укокошат и сожрут Уроды. У стреноженных лошадей ночью в Поганом поле вдали от людей нет шансов.

— Я запомнил их ауры, — заверил я Киру. — Позже найду их, если они живы. И если их увели фанатики, кое-кто получит по шам!

Мы зашагали обратно к поезду. Симботы следовали за нами.

Мусоровоз оставим здесь, иного выхода нет, подумал я. Будем надеяться, что авторитет Республики Росс чересчур высок в здешних краях, и ни один бродяга не покусится на чужое имущество у гравитационной дороги.

Когда мы подходили к купающемуся в свете прожекторов поезду, мне на ум внезапно пришла любопытная мысль. У вездехода Решетникова тоже была шестиугольная дверь. Что если Решетников — вовсе не изобретатель, а один из многих в Поганом поле, кто пользуется технологиями Росс? Надо бы в будущем прояснить этот вопрос.

Раздражение на Габриэля как рукой сняло. Я даже улыбнулся ему в коридоре, когда за нами беззвучно стянулась дверь и поезд понесся во мраке. Правда, язык не повернулся сказать “спасибо” — уж слишком насмешливо он ухмыльнулся в ответ.

Или мне это мерещится?

Может, россы не такие и сволочи?

***

Поезд не гасил свои мощные прожектора, и мы с Кирой видели, как меняется ландшафт. Степь закончилась, сменившись покрытыми лесами и высоким разнотравьем долинами с торчащими из земли древними валунами, невысокими горами, отвесными живописными скалами и пропастями.

Иногда поезд нырял в длинные тоннели в недрах гор.

Ближе к полуночи (судя по ощущениям) мы пролетели мимо огромного озера — почти моря — с лайнером, залитом огнями. Подробно рассмотреть его не удалось.

Еще через час впереди среди гор выплыла циклопическая решетчатая стена почти до небес, подсвеченная мощными прожекторами. Зрелище было завораживающее.

В мире квеста я видел фото “Дуги” — советской радиолокационной станции. Она поражала воображение. Но стена вокруг Республики Росс просто сносила крышу, потому что была выше и массивнее раз в десять.

— Святой пепел! — прошептала Кира. Несмотря на то, что она порвала со своим племенем, верящим в Вечный огонь, присказки у нее сохранились из прежней жизни. — Что это?

— Великая русская стена, надо полагать, — ответил я и вспомнил хилый и позорный

забор вокруг Посада. — Она, по ходу, уходит в стратосферу...

— Но от кого она защищает? От Поганого поля?

— Больше не от чего.

— Россы так его боятся?

— Выходит, так. Но ее могли построить для другого.

— Для чего же?

— Радар... Это может быть радар. Огромный. Это такая штука...

— Знаю, читала. Но из каких далей они получают сигналы при таких размерах?

— Из космоса, — брякнул я первое, что пришло на ум.

“Экселлент во имя нашей расы!” — прогрехотал нечеловеческий голос Димона в ушах.

Неужели в этом мире замешаны инопланетяне?

Иначе зачем пихать в квест эту странную фразу?

Или я ищу черную кошку в темной комнате, а кошки никакой и нет? Парейдолия, способность находить смысл там, где его и не было никогда, — это ведь признаки небольшой шизы! В последнее время я постоянно ищу (и нахожу) какие сигналы и знаки. Возможно, что их и нет вовсе, и я их выдумываю?

Вдоль дороги возникли искусственные постройки наподобие прозрачных минималистичных будок, в которых стояли симботы. Дежурили, судя по всему. Яркие, но не слепящие источники света множились как по волшебству, и ночь постепенно превращалась в день.

— Смотри! — показала Кира наверх, прижавшись щекой к прозрачной перегородке.

В темном небе носились чечевицеобразные летательные аппараты, подсвеченные снизу прожекторами и сами испускающие свет. Они совершали немыслимые пируэты, будто на них не распространялась сила инерции. Наблюдать за ними было странно — все это казалось безумным футуристическим сном, где физические законы не всегда соблюдаются.

— Что и говорить, — пробормотал я. — Цивилизация!..

Республика Росс впечатляла своими технологиями — на первый взгляд простыми, но если задуматься, как все это работает, то начинают закипать мозги. Особенно после нескольких месяцев в Поганом поле. Князьград-1, который в свое время поразил мое воображение, теперь представлялся нагромождением понтов, как Дубай в Эру Тельца. По-настоящему богатое и высокотехнологичное государство не строит городов. Если у тебя есть машина, способная за секунды вознестись в стратосферу и опуститься на другом полушарии, будешь ли ты ютиться в тесных и шумных городах? Транспорт решает проблему плотной застройки. Люди же, если дать им выбор, никогда не выберут муравейник, они будут жить на просторе.

Поезд нырнул в тоннель, пронизывающий горную твердь, и спустя два удара сердца вынырнул в чудесной местности.

Мы с Киroy, затаив дыхание, смотрели на залитые светом сады из невиданных деревьев, пешие ажурные дорожки-мосты, соединяющие башни, с которых ниспадали водопады. Здания были настолько органично встроены в ландшафт, что их нельзя было вообразить отдельно от сада.

Пролетая над долиной с рекой, мы увидели вдали обширную равнину, где тоже горели огни.

“Вот чего мне не хватало в Поганом поле ночью! — подумал я. — Света!”

Дикие равнины ночью — это всегда непроглядная темень, особенно когда нет луны.

Я обратил внимание, что нигде нет голографических тумб, которые попадались на глаза в Князьграде на каждом шагу. Наверное, для Росс это что-то архаичное и давно вышедшее из употребления, как паровые трактора и телеграф в Эру Тельца.

Наконец, уже за полночь, поезд начал торможение. За окнами город так и не появился. Моя догадка оказалась верной: в Республике Росс нет городов. Во всяком случае, в этой Секции.

В стене протаяла дверь, и к нам заглянул Габриэль.

— На выход с вещами! — хохотнул он. — Приехали. Так, кажется, шутят сиберийцы? Шутки тюремного свойства, надо подчеркнуть.

Движение освещенного пейзажа за окном полностью остановилось.

Мы с Кирой схватили пожитки и пошли на выход.

На “вокзале” нас, разумеется, не встретили ни бомбилы, ни торгаши, ни попрошайки. Вокзал вообще не походил на вокзал, а был просто частью бесконечного сада, в котором кое-где торчали здания самых причудливых форм. Вдоль гравитационной дороги протянулась полоса свободной земли шириной в десяток метров, ее покрывала пружинистая короткая трава, по которой хотелось пройти босиком.

Габриэль вышел с нами. Вещей у него не было вовсе. Поезд сразу тронулся дальше.

— Это Секция Прикордонье? — осведомилась Кира в полной тишине.

— Да. Это Буфер, моя вотчина. Она ближе всего к ПоПо, а потому сильнее остальных Секций похожа на ПоПо.

Я огляделся. Вокруг были идеально подстриженные кусты, аллеи, аккуратные деревья, мягкая подсветка от висящих в воздухе дисков, смахивающих на НЛО. Они нависали над аллеями и открытыми участками земли. Было такое впечатление, словно у фонарей кто-то забрал столбы, а лампы забыли упасть, приклеенные к небу. По обе стороны от аллей внизу свет давали продолговатые фонари.

— Это похоже на Поганое поле? — удивился я.

— Пошли к тачкам! — предложил Габриэль.

Так и сказал: “К тачкам”. И подразумевал не садовые тачки, а средства перемещения. Раньше я не замечал за ним использование сленга. На тру-ру он разговаривал как сиберийцы — без жаргона.

Среди деревьев на границе свободного пространства у гравитационной дороги под навесами стояли матово поблескивающие в свете левитирующих фонарей устройства, похожие на автомобили без колес. Формы у них различались, но в целом повторялась тема вытянутого и приплюснутого снаряда со стремительным очертаниями.

При нашем приближении в ближайшей тачке протаяла дверь. Я подумал, что это какая-то молекулярная технология, оперирующая материей на уровне молекул и атомов. Если задуматься, то в технологиях росссов я еще не встречал подвижных или крутящихся частей. В поезде — и вот теперь в “тачках” — нет колес. У симботов нет шарниров на месте суставов; вещество, из которого сделан бот, изгибается подобно резине. Хотя это далеко не резина.

В тачке были установлены друг напротив друга два мягких диванчика, между ними находился низкий и узкий столик с “брайлевскими” пупырышками.

Когда мы уселись, Габриэль провел рукой над столиком. Дверь заросла, и тачка без инерции поднялась на метр над землей. Она плавно (мы ничего не ощутили) выдвинулась из-под навеса и косо поднялась в ночное небо. Озаренные светом кущи за прозрачными стенками с пугающей скоростью унеслись вниз.

— Ваши линзы... — сказал я. — Это дополненная реальность, правильно?

Росс, сидящий напротив нас с Кирой спиной к направлению полета, хмыкнул:

— Догадливый!

— И элементы этой реальности “прикреплены” к этим вот шишечкам? Везде, где эти шишечки, вы что-то видите? Интерфейс, надписи, объявления, кнопки и рычаги?

— Да, это маркеры дополненной реальности. Ты понял это из опыта своего квеста?

Я молча кивнул и поглядел сквозь “окно”. Под нами расстилалось темное пространство, похожее на озаренное звездами и туманностями перевернутое небо. Светящиеся линии, точки и пятна складывались в причудливые абстрактные узоры.

Рядом со мной Кира испустила восхищенно-завороженный вздох. Она уже без ума от Республики Росс. Да, она тут останется, что бы ни решил некий парень по имени Олесь Панов.

— Эта штука так и называется — “тачка”? — спросил я, чтобы перестать думать о глупостях.

— Да. А что?

— Ничего, — сказал я.

Язык развивается очень странно, размышлял я. Хатами здесь называют все жилые дома и даже купе. В Эру Тельца слово “хата” широко использовалась где-то в Украине, Белоруссии и Польше. А еще эки так называли тюремные камеры. Сейчас же, видимо, это слово широко распространилось и не вызывало ненужных ассоциаций с тюрьмой или деревянной избой под соломенной кровлей. Со словом “тачка” произошла та же история. Жаргонный термин прочно вошел в “официальный” обиход.

На русский язык сильнейшее влияние оказал английский и популярные жаргонизмы. Вероятно, россы не слишком переживали за воображаемую чистоту языка, и поэтому случилось то, что случилось.

В сущности, чистых языков не существует в природе — так же, как и “чистых” национальностей. Любой язык на протяжении всей своей истории менялся и вбирал термины из другой языковой среды.

В Вечной Сибири разговаривали так же, как и пару веков назад — речь тут больше не о чистоте, а незыблемости языка.

Мы летели над равниной, окаймленной с трех сторон холмами, которые утопали в зелени и огнях. С четвертой стороны равнину ограничивала широкая река. Не Танаис ли это, впадающий в Мутное море? И не по ней ли Отщепенцы сплавляются в Секцию Буфер, чтобы получать адреналин и шрамы в договорной войне?

Равнина освещалась гораздо скуднее холмов, но я сумел различить, что она изрядно пересечена скалами, сопками и каньонами. Отличная площадка для шутинга...

— А тачками управляет искусственный интеллект? — снова нарушил я молчание.

Кира и вовсе не могла говорить, полностью поглощенная видами внизу. Она буквально прилипла к окну.

— Умботы, — поправил Габриэль. — Это и есть искусственный интеллект. Но он не один, их много. Никакой разум — ни искусственный, ни естественный — не способен развиваться в отрыве от себе подобных. Разум рождается не в мозгу, а между мозгами. Непонимание этого элементарного факта мешало ученым Эры Тельца создать настоящего умбота... Да, ты прав, Олесь, в каждой тачке и хате есть свой умбот. И все они постоянно общаются, образуя сеть.

“Тачка” и “хага” все же резали слух. Интересно, а туалет у россов называется “параша”? Спросить страшно.

Наш летающий аппарат начал снижение, о чем я догадался по приближающимся огням и слегка завалившемуся горизонту.

— Вот моя усадьба, — сказал Габриэль.

Среди деревьев, к которым мы приближались, торчали белые шестиугольные бочонки. Они увеличивались, и стало ясно, что это здания.

— Живу без изысков, — скромно произнес росс, — по-простому.

Между зданиями обнаружилась площадка. Конечно же, шестиугольная. Тачка приземлилась без единого толчка. От полета у меня остался привкус фальши — именно из-за полного отсутствия ощущений. Такое чувство, будто мы сели в машину, а она никуда и не перемещалась, просто на экранах изнутри нам показали объемный фильм.

Но из протаявших дверей мы выбрались именно на площадку, а не на полосу вдоль гравитационной дороги, откуда начался наш полет.

Я снова проявил сообразительность, оглядев двух- и трехэтажные шестиугольные здания:

— Это модульный дом?

На сей раз Габриэль удивился:

— Ну да! Его можно перестраивать, как угодно. Шестиугольники — одна из самых совершенных форм в природе. Недаром у пчел шестиугольные соты, и у снежинок шесть лучей. Скучно жить в доме, форма которого не меняется.

Скука — основная проблема россов, подумал я. Уровень жизни такой высокий, что им ничего не остается, как беситься с жиру. Устраивать договорные войны, ездить к карго-аборигенам, газовать на байках, охотиться на Лего...

Над площадкой и вокруг зданий левитировали фонари. Когда мы вышли из тачки, они засияли ярче.

На краю площадки стояли два симбота белого цвета.

— Ну что ж, — улыбнулся Габриэль, — добро пожаловать ко мне домой! Мы, россы, ведем преимущественно ночной образ жизни, потому что днем банально жарко... И с этой жарой иногда не справляются уличные кондиционеры... Надеюсь, вы не устали? Я хотел бы с вами поговорить.

Мы промолчали. Нет, мы не устали. А поговорить я хотел тоже — причем очень сильно.
***

Мы расположились в садике за овальным столом у самой стены одного из зданий среди цветов и декоративных кустов. Кира и я положили свои неуместно выглядящие баулы прямо на газон и сели на упругие эргономичные кресла.

Наверное, не только баулы, но и мы сами выглядели здесь неуместно, как масаи с копьями и в набедренных повязках в торгово-развлекательном центре.

Я, правда, не взял с собой “копья”, то есть любимый автомат и не менее любимую шпагу, но своим диким видом мало чем отличался по сути от масая.

Габриэль же скинул накидку и швырнул, не глядя, прямо на газон. Симботы приберут, зачем париться в поисках вешалки?

Когда мы уселись, стена дома рядом стала прозрачной, и я увидел внутри минималистично устроенное помещение со столом, диваном, стульями. Больше не было ничего. Вероятно, дополненная реальность превращала этот скудный интерьер в нечто более

привлекательное, а изменчивые стены с молекулярными технологиями предоставляли все необходимые удобства.

И стены, по всей видимости, меняли прозрачность в зависимости от желания Габриэля.

Росс, возможно, уже отдал умботу дома не одну команду, пользуясь невидимым для нас с Кирой интерфейсом.

Мое предположение подтвердилось, когда один белый симбот принес поднос с тремя высокими бокалами, наполненными прохладительными напитками. Напитки оказались не сладкими, но имели чудесный свежий вкус, который трудно описать.

Попивая напиток, я поглядел на вальяжно развалившегося в кресле Габриэля и подумал, что одолеть его в собственном доме практически невозможно. Он постоянно на связи с умботом, а умбот управляет всей техникой, включая симботов.

В поезде, поди, тоже сидел умбот, управляющий движением и многочисленными сервисами, поэтому россы никого и ничего не боялись. Умбот, судя по всему, встроены даже в их хамелеоны-комбинезоны и прочие нейроинтерфейсы.

То есть у них у всех есть свой СКН, только намного круче моего.

Эй, а почему я думаю о том, чтобы напасть на Габриэля? На хрена мне это?

С чего я вообще взял, что россы — враги?

Потому что они высокомерные и противные?

Но не с лица воду пить.

Пора расслабиться. Это место — не постапокалиптические руины, а футуристическое будущее. Не заброшенный Князыград, а современный мир, где за счет летающих тачек люди обрели возможность не жить плотно, а расселяться привольно, в усадьбах вроде этой.

Мне бы стоило задуматься о том, чтобы здесь остаться насовсем.

А Витьку я спасу во время временной вылазки в Поганое поле с туристами...

— Итак, — проговорил Габриэль, — я обещал рассказать здесь, на территории Росс, зачем ты мне, Олесь, понадобился. А понадобился мне не совсем ты, а то, что у тебя в черепной коробке. И я совсем не про твой мозг, при всем к нему уважении.

— Вы про СКН! — выдохнул я. — Про нейрочип!

— Верно. Я увидел его через линзы еще тогда, в поле. Но не беспокойся. Делать тебе лоботомию в моих планах нет. Твоему здоровью мы не навредим... Пока ты странствовал по ПоПо, то собирал доарты. Две штуки, правильно?

— Да, — на сей раз соврал я. Допартов накопилось уже три. Правда, третий “лагал”. — Что это такое — допарты?

— А ты не разобрался? Это магические приложения для твоего внутреннего компьютера.

Говорил он абсолютно серьезно.

— Магические? — веско переспросил я.

— Именно. Магия существует объективно. Она объясняется физическими законами, но законы эти не из нашего мира.

— В смысле?

Я напрягся. Выходит, сказанное “призраком” Витьки правда? Он действительно застрял в ином измерении, в которое можно попасть через дольмен-портал? В этом измерении живут мертвые?

Габриэль закричал и отпил из бокала. Похоже, он затруднялся в объяснениях.

— Пожалуй, начну с появления ПоПо... — сказал он.

Его перебила Кира.

— Оно возникло из-за субквантовых инфо-бомб, которые превращали материю в ничто.

Габриэль кивнул:

— Да, но как из этого “ничто” появилось само поле? Откуда взялись Уроды и прочая парабюта?

— И Ведьмины круги, — присовокупил я.

— В ПоПо много вещей, которые предполагают уменьшение энтропии, то есть хаоса, а не увеличение, как после применения инфо-бомб. Бомбы уменьшают сложность и упорядоченность мира, а не увеличивают, знаете ли... После того, как сибирейцы неудачно взорвали свои инфо-бомбы в двух шагах от своей первой столицы, в наш мир просочилось нечто чуждое. Природа этой сущности до сих пор не известна, но, по некоторым данным, она обладает неким подобием разума. Она породила Поганое поле во всей красе со всеми его существами и артефактами. И, что гораздо важнее, с магией из иного пространства.

— Погодите! — Я не успевал переварить поток поступающих сведений. — Сибирейцы сами взорвали инфо-бомбы? Я считал, на них напали враги.

— Нет и не было у Вечной Сибири никаких врагов, — брюзгливо сказал Габриэль, скривив губы, — кроме их собственной номенклатуры и глупости. Вертикальная власть всегда создает образ кольца врагов, ты и без меня это прекрасно знаешь. Всеобщая паранойя позволяет править как взбредет в голову, позволяет ставить всюду камеры, завинчивать гайки, осуждать за любой нечаянный пук... Технология стара как мир. В отсутствие других Секций... то есть партий и оппозиции не на кого вешать собак. Только на таинственных врагов, что клацают клыками у самого порога... И на них якобы эмиссаров. Сибирейка возникла после Третьей Мировой на основе гигантской тюрьмы в Сибири — был такой регион когда-то давно. После Войны Всех Против Всех страна укрепила, а весь мир сильно изменился. Вечная Сибирейка стала государством с тоталитарным стилем правления, идеологией чистоты языка, собственной богоизбранности и вечности... Любят такие диктатуры всякие пафосные и пышные формулировки, которыми можно загадить мозги народу.

“Вот почему в Вечной Сибири сохранился тру-ру! — подумал я. — Но почему Сибирейка — бывшая тюрьма, а тюремный жаргон у Росса? Хотя это совпадение. Неважно”.

— А вы как развивались? — спросила Кира.

— Мы развивались в тесной связи с остальным миром, — ответил Габриэль. — И не страшились перемен. Я говорил, что интеллект возникает при наличии постоянных коммуникаций с себе подобными. Сидя, как сыч, за Поганым Занавесом, цивилизацию не построить.

— Сибирейцы ведь построили! — возразил я.

Габриэль изумленно уставился на меня.

— Ты называешь это цивилизацией?

— И вы помогаете им ее поддерживать! Даете технологии вроде комбайнов и квест-камер. А... мой нейрочип тоже сделан в Республике Росс? И мой глюк — он тоже запланирован вами?

— Да, — не стал юлить росс. — Это все наше. Но прежде, чем ты вспыхнешь, как сверхновая, пойми: ты на территории Республики Росс, где запрещено физическое насилие. Я ни к чему тебя не принуждаю и не удерживаю здесь. А у тебя нет никаких возможностей — тех, что были у тебя в ПоПо.

— Ты все-таки боишься, что я на тебя нападу? — усмехнулся я. — Поэтому тянул время с объяснениями, пока мы не приедем сюда?

— Я беспокоился, что ты нестабилен. В Росс я могу тебе помочь, если тебя вдруг переклинит.

Я опешил:

— Что значит “нестабилен”?

— Ты что-то сделал с нейрочипом, и он работает не по протоколу. Ты его чем-то облучил?

Я замолк на несколько секунд. Да, я облучил чип. Дважды. И это изменило “заводские настройки”? Чип не выключился, как я хотел, а перезагрузился.

— Зачем я вам понадобился? — тихо спросил я.

— Ты — результат эксперимента, запрещенного на территории Росс. Но мы проводим эти эксперименты над людьми в Вечной Сибири. Они не против. У них правами граждан принято подтираться. Мы им — технологии, а они для нас — материал для экспериментов. Инфо-бомбы они также должны были испытывать для нас, но сделали это криво.

— О каком эксперименте речь? — пролепетал я. Силы меня покинули.

— Об эксперименте по созданию человека, способного собирать допарты, что разбросаны по Поганому полю. Мы хотели создать такой нейрочип и найти под него идеального реципиента, чтобы в итоге появился совершенный магический собиратель...

Я открыл рот, но не выдал ни звука.

Габриэль продолжал:

— Как ты, вероятно, догадался, нужного реципиента с такой нервной системой, которая идеально интегрировалась бы с нейрочипом, мы разыскивали с помощью виртуальных квестов. Каждый гражданин Вечной Сибири обязан проходить квест раз в неделю...

— Детинец гарантирует, — онемевшими губами проговорил я.

— Да, это гарант со стороны Детинца, верховной власти Вечной Сибири. Детинец все время квестов промывает мозги граждан пропагандой — в частности, Эра Тельца показывается преимущественно в негативном ключе. Безработица, погоня за деньгами, дорогая аренда жилья... Но и мы, россы, извлекаем пользу из квестов. Во время виртуального путешествия каждому сибирейцу является бот, предлагающий разглядеть специальную картинку. Эта картинка — программа для отбора человека с необходимыми для нейрочипа параметрами нервной системы... Ты разглядел.

Димон дал мне посмотреть на визитку... На ней был Знак Вечной Сибири... Он еще удивился, что я ее увидел. И сразу потащил в лабораторию...

— Значит, я прошел отбор, — сказал я.

— Прошел. А потом отправился к нам.

— Не к вам. К Отщепенцам.

— Рано или поздно ты все равно прибыл бы к нам, Олесь. Такова твоя программа. Ты ничего сам не контролировал, а следовал заложенным в тебе алгоритмам. Мы придумали очень грамотно: все происходило само собой, без нашего прямого вмешательства. Сначала отбирался нужный человек, затем этот человек своим ходом двигался к нам, экономя наши ресурсы и собирая допарты.

Я выдал усмешку.

— Нейрочип я облучил тоже по вашим алгоритмам?

— Это досадное недоразумение, — процедил Габриэль.

— И меня задержали Модераторы...

— А позже отпустили по воле Председателя, не так ли? Он узнал, что ты в плену, и приказал отпустить. Товар должен быть доставлен заказчику.

— То есть если б я покрошил Модераторов в мелкую капусту, меня отпустили бы все равно?

— Или устроили бы побег. Так или иначе ты оказался бы на свободе.

Я перевел дух. Отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие — все эти состояния психики сменили друг друга во мне со скоростью гравитационного поезда. Что ж, раз мы — результат научного опыта, так тому и быть. Мы люди не гордые, сильно от этого не ущемимся. Зато жизнь у меня интересная.

Кира смотрела на меня с плохо скрываемым ужасом. Словно увидела во мне чудовище Франкенштейна, а не простого парня. И этот взгляд подействовал на меня сильнее, чем слова Габриэля. Я почувствовал себя уродцем похуже настоящих Уродов Поганого поля.

— Ну и ладно, — почти весело произнес я. — Вот я перед вами. Добрался. Что будете со мной делать?

— Повторяю: теперь ты в Республике Росс, где насилие запрещено. Я откладывал объяснение до нашего прибытия еще и потому, что сейчас у тебя есть гарантии. Никто не станет силой что-либо с тобой делать. Все должно быть честно. Я хочу исследовать то, что записал твой нейрочип, особенно магические приложения — допарты. Процедура будет добровольной и безболезненной.

— Я могу отказаться?

— В любой момент, — без улыбки сказал Габриэль. Он или говорил правду, или был великолепным вруном. — Правда, я уже не обязан буду за тобой ухаживать, как за гостем, и тем более куда-то везти. Это будет насилием по отношению ко мне. Но если ты пожелаешь покинуть мой дом или Росс в целом, никто не станет тебя держать. Однако, Олесь, я прошу тебя остаться добровольно. Твои магические способности после процедуры никуда не денутся, и ты останешься жить в моей усадьбе несколько дней, пока продлится процедура. После этого тебе предоставят усадьбу в той Секции, в какой пожелаешь. Это большая... нет, невероятно большая удача для мигранта.

Он покосился на Киру.

— И в качестве жеста доброй воли мы оставим здесь Киру, как новую гражданку Республики.

— Если я откажусь, вы и ее прогоните?

Габриэль сухо рассмеялся.

— У меня есть такое право. Но я им не воспользуюсь, иначе это было бы своего рода шантажом. Не совсем физическое насилие, но что-то близко. Секуляры при желании придерутся... Секуляры — это защитники нашей секулярной этики, кто-то вроде древних омбудсменов и адвокатов. Но дело не в них. Просто я не бесстыжая тварь. Киру мы оставим при любом раскладе, тебе не нужно действовать с оглядкой на нее.

Последовала долгая пауза. Я размышлял. Сказанное Габриэлем выглядело слишком гладким... я бы сказал, скользким...

Именно сейчас надо расставить все приоритеты, уточнить все детали, высказать то, что рвется наружу. Позже будет поздно.

— И все же вы лицемеры, — заговорил я. — Говорите о ненасилии и этике, но сами проводите эксперименты над людьми другой страны. Без их ведома! Вы поддерживаете

Вечную Сиберию, потому что вам выгодно сотрудничество. На чьих костях вы построили этот рай?

Прозвучало пафосно, но Габриэль отреагировал с искренней горячностью, как если бы задел потайную струну его души:

— Мы не лицемеры! Когда речь идет о ненасилии, то имеется в виду всегда только Республика Росс! Мы не распространяем и не навязываем свои законы и представления о мире на все земли, как это пытались и пытаются делать почти все прочие социальные структуры. Возьмите хотя бы этих ваших религиозных фанатиков! Ценой собственной крови и на своих костях наши предки обустроили эту землю истинной свободой, а мы, их потомки, защищаем ее от посягательств! Мы не можем впускать сюда кого попало — иначе Республика Росс превратится в стойбище Отщепенцев или вторую Сиберию. Мы не хотим нападать на другие страны и обращать их в свою веру, потому что это противоречит нашим собственным законам. В наших силах, Олесь, осушить океаны и сжечь небеса, уж поверь мне! И то, что вселенная еще цела — и есть доказательство нашей честности. Мы не лицемеры! Я честно сказал тебе, что мы делаем и где.

Я не нашел, что возразить. Зато Кира проговорила:

— Вы творите зло.

— В строго отведенных для этого местах, — подхватил Габриэль. — Такова психика человека, мы все агрессивны по своей природе, и эту агрессию нужно грамотно сублимировать. В Секции Содом разрешено насилие при обоюдном согласии сторон, выраженном в юридической форме. В Секции Буфер разрешена договорная война. В Вечной Сибири мы проводим эксперименты на людях, иначе прогресс в изучении человеческих возможностей остановится. Этика нужна для жизни, но не должна мешать жизни!

— Вечная Сибيريا — не ваша Секция! — выпалил я, а сам подумал: “Какого черта лысого я с ним спорю? Не наплевать ли мне на Сиберию с высоченной стены Росс? Я спорю, потому что обиделся и разозлился за то, что меня использовали втемную, вот и все”.

— Ваш Председатель не против, чтобы она стала Секцией.

— А народ? Вы его используете без согласия и ведома!

— О, боги! — закатил желтые глаза Габриэль. — Когда же вы все, наивные люди, поймете, что раз народ в дерьме, значит, это его устраивает! Если народ что-то не устраивает, он меняет ситуацию, иначе быть не может. Пролив мало или много крови, при желании он всегда находит выход. Например, создает страну вроде нашей Республики. Сибирейский же народ слишком занят собственным величием и чисткой деревянных сортиров возле своих гнилых бараков, чтобы вникать в нюансы секулярной этики.

— Ему постоянно промывают мозги с помощью ваших квест-камер. Именно из-за этого он и занят величием... и сортирами!

Габриэль поморщился:

— Ты истинный сибериец. Как и любой другой житель с несправедливой и подавляющей системой управления, ты обладаешь болезненным чувством справедливости. Но критиковать умеешь только другие страны, куда более справедливые и не подавляющие свой народ. Как раньше говорили? “Свое говно не воняет”? А еще у таких, как ты, совсем нет практичности. Что случилось — уже случилось, какой толк от твоего возмущения? Не смотри в прошлое, будущее и через забор к соседям; смотри на себя здесь и ныне. Ты добрался до Росс, и это хорошо. Поживи тут, а потом отправляйся в любую другую Секцию жить в свое удовольствие. Или возвращайся в Поганое поле, если есть на то твоя воля.

Конец фразы он произнес усталым тоном.

Кира положила ладонь на мою руку. Лишь сейчас я заметил, что мои пальцы сжимают рукоять “гришана”. Я разозлился, но понимал, что Габриэль по-своему прав. Спор не имеет смысла.

— Он верно говорит, — сказала Кира, — случившегося не отмотаешь назад, как в твоём нейрочипе. А будущего не знает никто. Такова реальность. Тебя использовали, но зато ты здесь, ты — ведун... и мы встретили друг друга.

Мой гнев от этих слов моментально испарился. Я убрал руку с кинжала и сказал россу:

— Мы устали... Если вы не против, мы бы отдохнули.

— Вам предоставят спальню, — сразу же оживился Габриэль, поняв, что дискуссия закончена.

— Две разные, — с тяжелым сердцем сказал я. Кажется, я снова веду себя как сраный рыцарь — в то время, как дама, очевидно, ждет решительного дикаря. Такова, видимо, моя дурацкая натура. Да и не было у меня настроения предаваться любовным утехам. Хотелось остаться одному и как следует переварить информацию.

— Чтоб мне Эдема не видать! — театрально всплеснул руками Габриэль БуфСпик. — Хорошо. Пусть будут две разные спальни. А завтра мы продолжим наше общение.

Глава 9. О бинарах и небинарах

Габриэль “распределил” нас с Кирой не просто в разные спальни, но и в разные корпуса своей усадьбы. Из вредности он это сделал или случайно — неизвестно.

Я об этом не парился. Слишком устал от переизбытка новых впечатлений и новостей. Моя спальня оказалась крохотным узким помещением на втором уровне с окном во всю стену и одноместной койкой в нише. Вероятно, ее можно расширить через интерфейс дополненной реальности, но мне такая опция сейчас была без надобности.

В другой нише располагался туалет и душ.

В помещении было прохладно, кондиционер не давал о себе знать ни звуком, ни дуновением, но, судя по всему, работал исправно. Я улегся на койку, сняв только ботинки, носки и холодное оружие. Во мне разлилось странное состояние: я был и возбужден и спокоен одновременно.

Видимо, тревога зарождается от незнания, размышляя я при тусклом свете из окна. Знание же приносит успокоение. Вот узнал я о том, кто я такой, и успокоился. Ну и что из того, что я — жертва экспериментов? Всякое бывает. Да и как сожалеть о чем-то, если твоя память отредактирована?

Вот Катю, умотавшую в Князьград, я, к примеру, вовсе не помню. И никакие воспоминания о ней меня не беспокоят.

О том, что пришлось покинуть Вечную Сиберию, тоже во мне нет никакого сожаления. Сто лет бы мои глаза ее не видели...

Глупец тот, кто сказал, что большие знания — большие печали. Недостаточно большие знания — вот это печаль и тревога. Когда кое-что знаешь, но не все. И прекрасно осознаешь, что какая-то часть правды — быть может, важная, — находится за рамками твоего поля зрения.

Так что лучше либо вообще ничего не знать, либо знать по максимуму.

Вот сейчас я, считай, знал достаточно для того, чтобы успокоиться. Родом я из Сибири, но со встроенной способностью собирать допарты.

Зачем допарты сдались россам, догадаться несложно — они жаждут овладеть магией Поганого поля.

Я собрал всего два полноценных допарта. Интересно, а на сколько рассчитывали россы? На двадцать? А вот обломитесь!

Кроме того, интересно, сколько таких, как я, с СКН в башке бродит по полю? Сколько подобных мне нашли россы с помощью квестов? Точно можно утверждать, что из 37-го Посада я один-единственный, иначе услышал бы о других ушедших в поле.

Хотя... посадским могли промыть мозги и стереть память о других ушедших.

Вот и обо мне в Посаде сейчас никто не помнит, наверное...

На меня накатила сонливость, но мозг продолжал работать.

...Два допарта — это в любом случае маловато. Точнее, три. Во время “процедуры” (что бы это ни было) россы наверняка обнаружат третий, чья иконка на моем внутреннем дисплее до сих пор не проявилась как следует. Я притворюсь, что не распознал Знак и не посчитал за допарт. Вот такой я глупый. Не следует бежать впереди паровоза и докладывать Габриэлю о третьем допарте раньше времени.

Габриэлю будут нужны еще допарты. Значит, я ему понадобится как собиратель

магических прог. И значит, что меня рано или поздно снова отправят в Поганое поле. Не резон такому идеальному реципиенту нейрочипов, как я, просиживать штаны в Секциях Росс. Реципиент должен вкалывать.

Но Габриэль как-то слишком легко пообещал меня оставить в Секции, да еще и усадьбой оснастить. Что если я уже сделал все, что от меня требовалось?

Все сказанное им складывалось в логическую цепочку и походило на правду. Он был честен, я не мог его ни в чем упрекнуть. В конце концов, у него имелась возможность вырубить меня еще в поезде и сотворить с моими мозгами все, что заблагорассудится.

Но он дождался прибытия в Росс, чтобы и у него, и у меня были гарантии.

Нет, непохоже, что он врет.

Я окончательно успокоился и уснул.

***

ОБНАРУЖЕНА ПОПЫТКА ДОСТУПА

РАЗРЕШИТЬ

ДА/НЕТ

Я привык, что СКН лишний раз не дает о себе знать и не будит по ночам и долго не врубался, что происходит.

Наконец полностью проснулся и сел в постели в нише. За окном светало, левитирующие фонари светили еле-еле, и бесконечный российский сад потерял изрядную часть своей таинственности, хоть и не перестал выглядеть в высшей степени экзотично. В нескольких десятках метров из желто-красно-зеленой массы деревьев выростала шестиугольная масса соседнего здания, где обосновалась Кира. Стены его обвивал плющ — я не заметил его ночью.

Из неприметных щелей под потолком сочился свежий кондиционированный воздух.

Я снова закрыл глаза и сосредоточился.

Внутренний дисплей проявился очень четко. Сверху и слева — два знакомых Знака и один неопределенный, мутный.

А в центре — большой белый овал.

Я сконцентрировал внимание на этом овале, и он трансформировался в лицо. Женское, молодое. С огромными сиреневыми глазами и пепельно-белыми длинными волосами, из которых выглядывали острые эльфийские ушки. На бровях, губе и крыле носа блестел пирсинг. Губы выкрашены в синий цвет.

Несмотря на дикую внешность, лицо производило приятное впечатление. словно оживший персонаж манги или аниме. Если Габриэль, Лиин и Моник прямо-таки излучали снобизм и насмешливую агрессию, то эта неведомая девица была милой и обаятельной.

“Прошу, не бойся, Олесь! — прозвучал мягкий голос. Но при этом я понимал, что голос этот звучит исключительно в моей голове. — Я не причиню тебе вреда!”

“Хм”, — подумал я и так же мысленно спросил:

“Ты кто?”

“Меня зовут Ива Сертэк. Я подключилась к твоему нейрочипу удаленно”.

“Как это ты сделала? И зачем?”

“Есть у меня такая возможность... Совсем недавно я узнала, что ты прибыл в Росс. Тебе грозит опасность”.

“Какая?” — насторожился я.

“Человек, у которого ты гостишь, тебе не друг. Ему нужны допарты в твоём нейрочипе,

но их не извлечь без вреда для носителя. Это ведь магия, а не технология, и эта магия уже стала частью тебя!”

Я ощутил, как вспотела спина, несмотря на прохладу.

“Но... Он не оглушил меня и не вырубил вчера! Он предпочел поговорить по-хорошему, объяснить все, как есть...”

“Если б он оглушил тебя и попытался извлечь допарты силой, без твоего волевого согласия, у него ничего не получилось бы. Их можно скопировать только с помощью самого носителя — и не без вреда, повторяю. Носитель должен не только помогать в процессе, но и находится в уравновешенном состоянии. Поэтому Габриэль и был с тобой так честен. И дал выпасться”.

“Откуда мне знать, что враг — именно он, а не ты?”

“Я тут кое-что узнала, подключившись к умботу дома Буфспика. Ты приехал в наши края на мусоровозе, верно?”

“Да”.

“А ты видел надпись внутри машины? “Поганое поле — не весь мир”?”

“Да. И что?”

“Буфспик про это не упоминал, правильно? Он не в курсе. Это мы сделали надпись”.

“Мы — это кто?”

“Мы — это Либеряхьюмы, противники Кураторов. Габриэль Буфспик — твой Куратор, он делает опыты над людьми”.

“Рептилоид, ага, — стараясь говорить весело-равнодушно, поддакнул я. — Он про это прямым текстом сообщил”.

“А он говорил, что такие, как он, желают овладеть магией ПоПо, что они идут против прав и свобод людей, что они делят человечество на Кураторов и подопытных? Мы хотим это пресечь, Олесь, и уже давно ведем с ними борьбу. Борьба с ними сложна, поскольку деятельность Кураторов поддерживается Сюзеренами”.

Честно признаться, анимешная внешность моей виртуальной собеседницы сбивала с толку. Такие, как она, в Эру Тельца умели только прохаживаться по сцене на косплей-фестивалях и кричать “Ня!” тонкими девочкиными голосками.

“Чего вам надо?” — грубовато спросил я.

“Я подключу тебя к нашему умботу, — заговорила Ива Сертек быстрее и деловитей, — и он покажет тебе маршрут. Просто следуй инструкциям, которые увидишь в своем интерфейсе. Ничего сложного. Ты должен немедленно бежать”.

“Ну и с какого перепугу мне вам верить?”

“Некогда объяснять. К тебе прямо сию секунду идет Буфспик с двумя симботами. Они собираются начать процедуру извлечения допартов немедленно, пока ты в расслабленном состоянии и доверяешь хозяину усадьбы. А когда процедура наберет обороты, ты уже будешь в недееспособном состоянии”.

Я наострил уши, но ничего не услышал. Здесь всюду звуконепроницаемые стены, как в поезде. Я просканировал пространство и уловил слабую В-ауру. Приближающуюся!

“Со мной... друг”, — произнес я мысленно.

“Знаю, — отозвалась Ива. — Забери ее тоже. Умбот покажет маршрут. Ну, все, действуй! Встретимся позже”.

“Подожди!..”

“Когда они явятся, — перебила Ива, — я на восемь минут и двадцать четыре секунды

заглушу усадебного умбота. Это один квантовый макси-цикл искусственного интеллекта такого уровня. Дальше он перезагрузится и попытается тебя остановить. На это время ты останешься с Буфспиком один на один. Имей в виду, он очень силен! Победи его, затем беги к твоей спутнице и следуй указаниям нашего умбота!”

“Но...” — начал я, плохо понимая, что собираюсь сказать дальше. И снова Ива перебила:

“Они уже здесь! Включаю обратный отсчет до перезагрузки здешнего умбота”.

Лицо с сиреневыми глазами исчезло, и появились крупные цифры:

15... 14...

Я открыл глаза.

В тот же миг стена в спальне протаяла в виде сильно вытянутого шестиугольника, и вошел Габриэль. Позади него маячили фигуры белых симботов.

Габриэль расплылся в улыбке при виде меня:

— Доброе утро! Уже проснулся?

Я не стал отвечать на этот идиотский вопрос, который никуда не делся за века. Встал с постели и выпрямился во весь рост, глянув на Габриэля сверху вниз.

— У вас не принято стучаться или звонить? — вежливо полюбопытствовал я.

— Прости, — сказал Габриэль, — мы прибегаем в таких случаях к помощи дополненной реальности. Извещаем о прибытии дистанционно. В теории можно подключиться к твоему модулятору, но зачем тебе лишний стресс? Я забываю, что у тебя нет доступа к допвирту, извини еще раз.

9... 8...

Я улыбнулся такой искусственной, нарочитой улыбкой, что она, наверное, сделала бы мне честь на любом званом ужине у россов.

Пора было принимать решение: послушаться неизвестную Иву или остаться сидеть на заднице ровно, доверившись Габриэлю. Вероятно, я бы и доверился, приди он один и постучи в дверь.

— Ну, вот он — я. Что-то случилось? А зачем вам симботы?

Габриэль смутился, и я окончательно убедился в том, что Ива права. Он приперся скрутить меня сонного и расслабленного и вытянуть допарты до того, как я соображу, что да как.

— Не обессудь, — сказал Габриэль внезапно проникновенным тоном, — но мне придется это сделать.

— Что?

Я отступил в угол, где лежали шпага и “гришан”.

— Вот это... — Габриэль кивнул симботам.

Очевидно, этот жест в большей степени предназначался мне, а не симботам, с которыми он общался через собственный виртуальный интерфейс. Чтобы приказывать симботам, ему не нужны жесты.

2... 1...

ОТКЛЮЧЕНИЕ УМБОТА /ГАБРИЭЛЬ БУФСПИК-0.1/

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ 7:59 ИЗ 8:00

Вместо того, чтобы ринуться на меня, симботы осели и мягко повалились на пол. У Габриэля вытянулась рожа, он уставился на них выпученными желтыми глазами.

А я размахнулся и от души врезал ему кулаком в челюсть, благо он стоял ко мне в

профиль, подставив свою хлебoreзку. Росс отлетел в сторону, врезался в прозрачную стену и замер. Стена, ясное дело, выдержала, даже не дрогнула. Сознание Габриэль не потерял, хотя от такого удара любой боксер “уснул” бы на несколько долгих минут.

— Что, хотел меня выпотрошить? — прошипел я. — Зачем тебе допарты? Зачем Лего? Что вы замышляете, сволочи?

И шагнул к нему.

Я не собирался вести с ним долгие беседы. Но кое-какие вопросы задать обязан.

— И сколько таких собирателей, как я? Отвечай быстро!

Габриэль сморщился от боли. На его щеке вздувался желвак.

Я направил на него Знак глаза Урода, согнув левую руку и поднеся кулак к голове, как будто прикрывался боксерским блоком.

— Отвечай! — рявкнул я, глядя на росса и одновременно — на обратный отсчет на интерфейсе.

— Из выживших ты один такой... — процедил с трудом Габриэль, не в силах сопротивляться волшбе.

— А остальные куда делись?

— Ушли...

— Куда ушли?

Лежащий у окна Габриэль затрясся всем телом. Его лицо перекосилось сильнее, глаза вразной заморгали, и выглядело это достаточно крипово. Им словно демон овладел. Или его собственный нейрочип закоротило...

— Куда они ушли? — повторил я, не опуская предплечье со Знаком, направленным на росса.

— К Единому... Единому...

— Единому чему?!!

Габриэля колбасило не по-детски. Он зажмурился и схватился за виски.

— У меня пси-блок стоит на этот вопрос! — неестественно высоким голосом провизжал он. — Ты меня убиваешь!

— Да ты что? Ну, так считай это досадным недоразумением! Из них и состоит наша жизнь, не правда ли? А ты разве не готовился меня прикончить? Отвечай!

Некоторое время он боролся со своим пси-блоком, содрогаясь так, словно его било током на электрическом стуле. Затем внезапно перекошенное лицо расслабилось, а желтые глаза налились чернотой. Я и не подозревал, что его линзы способны на такое.

Через секунду он подскочил и налетел на меня, как берсерк, осыпая градом ударов. От неожиданности я не успел приказать нейрочипу включить боевой режим, но он активировался сам. Очевидно, я отдал приказ на подсознательном уровне.

Я отпрыгнул и, быстро наклонившись, поднял шпагу. Не раздумывая, нанес серию колющих ударов в корпус, но хамелеонья накидка была как металл. Лезвие рапиры сгибалось и не пробивало на вид тонкую и мягкую ткань.

Возможно, она блокировала быстрые удары, и зарезать Габриэля можно только медленно, в ритме вальса, как в цикле романов “Дюна”. Но у меня не было времени осваивать искусство медленных ударов.

6:48... 6:47...

Габриэль с тем же умиротворенным выражением лица и абсолютно черными глазами, не отражающими свет из окна, взмахнул рукой, отбивая очередной автоматический тычок

рапирой, и в свою очередь нанес удар. Я успел уклониться, но не полностью — костяшки противника чиркнули по черепу, и я еле устоял на ногах.

Действительно, силен...

Пока я приходил в себя, держась свободной рукой о стену, он дернул другой рукой, и из широкого рукава выскользнула длинная штука, напоминающая телескопическую дубинку. Но это была не дубинка, а самая настоящая складная шпага. Не знал, что такие бывают... Лезвие разворачивалось небольшими, с ладонь длиной, фрагментами и приобретало литую форму.

Я перестал страдать ерундой и начал бить всерьез, целя в глаза и шею, не защищенные его “хамелеоном”. Но у росса, видимо, тоже подключился боевой режим, потому что двигался он не медленней меня. Его вообще каким-то образом перезагрузило, и он превратился в машину для убийства. Это пугало и завораживало.

Несколько долгих секунд мы фехтовали, нанося и отражая стремительные выпады, потом Габриэль ухитрился врезать мне гардой по лбу после того, как отвлек ложной атакой.

От удара у меня зазвенело в ушах. Боевой режим опять-таки самостоятельно отключился, а Знаки на “дисплее” перед глазами разом потускнели.

Чтобы выиграть время, я отскочил за лежащих симботов, схватил одного и с удивившей меня самой силой швырнул в Габриэля. Он уклонился, но на крохотный миг рассредоточился.

Я воспользовался этой заминкой и со всей дури пнул росса по яйцам — если они у него вообще имелись. Вероятно, от срочного приготовления омлета Габриэля спасли штаны, в которых тоже был интегрирован защитный механизм, поскольку росс не потерял сознание. Сила удара заставила его подпрыгнуть на полметра вверх, и он инстинктивно опустил руки.

Несмотря на выключенный боевой режим, в моей крови бушевал адреналин. Я действовал очень быстро. Снова воспользовавшись заминкой, я нанес сильнейший прямой удар по морде рукой с печатками Морока. Ударил три раза в режиме отбойного молотка.

Когда-то я такими же ударами угостил незабвенного Отщепенца Гришана.

Габриэль наконец вырубился. Глаза у него закатились, он постоял немного, качаясь, потом рухнул.

Сражение заняло считанные секунды. Тем не менее, таймер обратного отсчета показывал, что стоит поторапливаться.

Передо мной на внутреннем интерфейсе возникла красная стрелка, которая двигалась в пустоте, объемная и почти осязаемая. Она указывала на все еще открытый проем.

Я сунул шпагу и “гришана” за пояс, подхватил баул с нераспакованными шмотками и выскочил в коридор, ведущий к спиральной лестнице. Вслед за плавающей впереди стрелкой я вылетел в сад и помчался к соседнему зданию.

Спальня Киры располагалась на первом этаже.

Мелькнула мысль: “А если двери будут заперты?”

Но нет, все двери были нараспашку. Вероятно, не обошлось без Ивы, хакнувшей умбот усадьбы.

Из открытой двери спальни выглядывала удивленная Кира. Она была полностью одета, даже про багровый плащ не забыла.

Она, как правило, рано просыпалась. Сегодняшний день не исключение. К счастью.

— Быстро валим! — выкрикнул я, вращая глазами.

— Что произо...

Она не договорила. Схватила переметную сумку и побежала за мной.

Голографическая стрелка, которую видел лишь я, вывела нас на взлетно-посадочную площадку между зданиями.

3:15...

Вчерашняя тачка стояла на старом месте. Ее двери открылись сами по себе, без нашего вмешательства. Мы запрыгнули внутрь.

Тачка тут же взмыла в утренние небеса, заращивая двери. Когда все три здания усадьбы очутились внизу и чуть левее, я перевел дух.

***

Я понятия не имел, который сейчас час. Сто лет не имел дела с часами, ориентируясь по солнцу, луне, звездам и собственному шестому чувству. Было бы неплохо, если б встроить в СКН часы...

Солнце взошло совсем недавно, судя по положению низко над горизонтом. Его застилала легкая розовая дымка. Воздух был неподвижен и прозрачен, без намека на смог. Похоже, россы справились с экологическими проблемами.

Других тачек в небе по сравнению с ночью было всего ничего. Два-три блестящих чечевицеобразных тела пролетели вдали над мешаниной деревьев и куполов — и все.

По всей видимости, россы — совы, ложатся поздно, чуть ли не под утро. И вообще ведут ночной образ жизни, о чем обмолвился Габриэль.

Что же случилось с моим “гостеприимным” хозяином? Его здорово перемкнуло, словно ему удаленно подключили боевой режим и заставили замолчать. Куда все-таки ушли мои предшественники? Раз я один такой на сегодняшний день, то, стало быть, Габриэль и его коллеги просто так не отстанут. Все очень сложно и опасно.

Мне вдруг захотелось вернуться в Поганое поле. Там все просто и, как это ни звучит безумно, безопасно. Уроды, по крайней мере, предсказуемы, а вот от россов можно ожидать чего угодно.

Без искусственной иллюминации сад внизу уже не казался таким волшебным, как ночью, но все же поражал воображение гармоничностью структуры. Все строения настолько естественно “вплетались” в пейзаж, что представлялись чем-то природным и естественным.

Оторвавшись от окна, я поглядел на столик с квазибрайлевскими пупырышками и обнаружил, что над ним в воздухе висит голографическая панель управления. Она смахивала на дерево правильных геометрических форм. Или на трехмерную карту Бьюзена. Но ни один рычажок и клавиша на мои попытки потыкать на них не реагировали. Тачка управлялась умботом.

— Так что случилось? — заговорила Кира. — Куда мы бежим?

Я принялся путано объяснять:

— Габриэль нас обманул. То есть меня обманул... Он напал на меня. Сегодня утром. От его процедуры я умру или сойду с ума, и он об этом не сказал. Но меня предупредили и сейчас помогают бежать.

— Кто предупредил? Кто помогает бежать?

— Они называют себя Либеряхьюмами. Не знаю, кто они такие. Но то, что они сказали сбылось в точности. Габриэль ворвался в мою спальню с двумя симботами и собирался скрутить, но мне удалось вырваться.

— Уверен, что этим Либеряхьюмам можно доверять?

Я без раздумий помотал головой.

— Нет. Никому нельзя доверять.

На моем интерфейсе снова возникла голова Ивы Сертек.

— А ты молодец! — одобрила она. — Оторвался и с Буфспиком справился! Умбот усадьбы уже перезагрузился, но контроль над тачкой потерял. А умбот тачки под нашим управлением... Подожди-ка секундочку...

Ива исчезла, зато в виде голограммы появилась над столиком. Теперь ее видела-слышала и Кира.

— Понимаю, что у вас проблемы с доверием, — сказала Ива, — но позвольте все объяснить, когда вы придете к нам. Вам придется пересест в другую тачку, чтобы запутать следы.

— Где мы пересядем? — спросил я.

Вместо ответа тачка пошла на крутое снижение, а голова Ивы исчезла отовсюду.

Мы на бреющем полете пронеслись над красочной многоуровневой площадью. Она занимала огромную территорию до самого горизонта и была испещрена провалами в виде футбольных полей, выстроенных в шахматном порядке. В этих провалах виднелись нижние уровни в виде мостовых, застроенных домами широких улиц и вовсе непонятных сооружений. Я насчитал три уровня, сквозь которые проходил провал.

Тачка, замедляясь, опускалась в один такой гигантский провал, окруженная мелкими летающими дронами и несчастными другими тачками.

На втором уровне шел дождь — он капал с внутренней поверхности верхнего уровня. И, судя по самым натуральным клубящимся тучам под верхним уровнем, это не водопровод протекал. Редкие прохожие на втором уровне разгуливали под зонтиками без ручек. Эти прозрачные зонтики в виде куполов левитировали над людьми, двигаясь туда, куда надо.

Видимо, дождь создавал романтическое настроение, потому что у парашютов над провалом терлись парочки под зонтами. Загулялась молодежь аж до наступления дня...

Наша тачка плавно опустилась на парковке у самого провала. Неподалеку ярко-красный симбот тащил корзину с мусором. Чуть дальше под самым “потолком”, освещенный невидимыми лампами, висел самый настоящий огромный и прозрачный бассейн, напоминающий рыбий пузырь. В нем плавали три тушки: две женские, одна мужская. Я, правда, не сразу разобрался, кто есть кто. Гениталии у всех прикрывались чем-то типа разноцветных ракушек, которые держались не пойми на чем, потому что не было тесемок. Но еще скрывались крохотными дисками и соски — и у женщин, и у мужчин.

Пол пловцов я распознал по размеру ракушек и фигурам — очень спортивным, кстати, — но полной уверенности не было.

Лица всех троих закрывала прозрачная маска. Причем волосы свободно (у всех троих они были длинные и разноцветные) колыхались в воде. Неизвестно, на чем держалась маска — ремней и тесемок опять-таки не было видно.

Собственно, это могли быть и не люди вовсе, а симботы, плавающие в бассейне целыми днями на потеху публике.

— Выходите из тачки, — велела Ива, вновь материализуясь на моем внутреннем дисплее, — и следуйте указаниям.

Я взял Киру за руку и повел вслед за стрелкой, что болталась передо мной в пространстве. Мы пробежали под бассейном. На нас сыпался теплый дождь. Парочки у парашюта бросили на нас недоуменные взгляды, но быстро потеряли интерес. В принципе, здесь бродили настолько экзотические личности, что мы особо не привлекали внимание.

За бассейном на верхний уровень, расположенный чуть ли не в двадцати метрах наверху, тянулась вертикальная лестница. По ней прогулочным шагом шествовало несколько россов — и шли они по вертикальной поверхности, как по ровной земле.

Или голограммы, подумал я, или локальное изменение гравитации. Собственно, менять гравитацию в тачках и поездах они умеют совершенно определенно: иначе мы ощущали бы инерцию и движение транспорта.

Нам навстречу попала крупная пестрая дама без зонта, с промокшими седыми волосами и сплошь татуированным (так мне показалось) лицом. Рядом с ней плыл в воздухе вертикальный зеркальный овал, в котором виднелось лицо — но не ее отражение, а совсем другой человек.

Окинув нас взором, дама одобрительно причмокнула и сказала чужому отражению в “зеркале”:

— Натур-стайл. Лайк-то ПоПо.

Отражение кивнуло и фыркнуло.

Да, мы приверженцы натур-стайла, усмехнулся я про себя, стараясь успокоить бешено стучащее сердце. И мы из Поганого поля.

Вслед за стрелкой мы бежали по открытому пространству минут пять. Если бы не баулы, бьющие по спине, эта пробежка под дождем под ручку смотрелась бы дико романтично. Затем дождь внезапно прекратился, и мы выскочили на залитый солнцем луг. Над нами открылось исполинское отверстие в верхнем уровне.

Из этого отверстия плавно опускалась тачка. Стрелка передо мной вдруг задрожала и исчезла.

— Что происходит, Ива? — тотчас сказал я вслух.

“Секунду”, — отозвалась та, не появляясь на дисплее.

Тачка приземлилась на лугу, открылась дверь, и оттуда выскочил Габриэль Буфспик собственной персоной. Следом за ним из кабины выбрались оба белых симбота. Габриэль сразу побежал к нам; походка у него была странная, враскоряку, — видать, я хорошо его угостил по яйцам. Впрочем, я засомневался, что яйца у него все-таки имеются, иначе он не бегал бы.

Все же не даром он говорил что-то про бинаров...

Кира тихо вскрикнула.

Появилась стрелка, но показывала она в сторону. Ну, разумеется! Бежать навстречу преследователю как-то глупо.

“Он как-то вас выследил, — сообщила Ива встревоженно. — У него доступ к Сети выше, чем должен быть у Спикера. Ах он лжец старый!”

Мы припустили за стрелкой (которую видел только я) во весь дух. Я подумал, что симботы догонят нас в два счета, но они не обгоняли Габриэля, а он бежал с естественной для обычного человека скоростью. Вероятно, не хотел отставать от своих кибернетических защитников, или симботы не действовали самостоятельно вдали от хозяина.

В здешних симботов могли быть встроены три закона робототехники или их аналоги.

Как бы то ни было, то, что симботы не обгоняли Габриэля, играло нам с Кирой на руку.

Мы заскочили на круглую площадку, возвышающуюся над лугом, на которой выстроились устройства, напоминающие сегвеи, но без колес. Шестиугольник около полуметра в диаметре и торчащий из него шест с Т-образной рукояткой сверху, на уровне моей груди.

Когда мы взбежали на площадку, пара детишек встала на один такой сегвей и унеслась прочь. Повинуясь стрелке, я встал на другой сегвей, Кира привычно примостилась позади, обхватив меня за корпус и отодвинув баул. Никаких кнопок и рычагов, включая виртуальные, я не видел, но доверился Иве. И действительно, сегвей взмыл ввысь, причем я впервые ощутил движение.

Сегвей не поднимался выше метра над поверхностью земли, но перемещался с нехилой скоростью. Я оглянулся: Габриэль с симботами замешкались на площадке с антиграв-самокатами.

Мы летели, лавируя между разнообразными строениями и людьми, ветер бил в лицо, шумел в ушах, и в целом ощущения были обалденными. На микроскопическую долю секунды я даже забыл, что мы убегаем.

Сегвей затормозил и опустился на землю за кущей невысоких деревьев с шевелящимися ветвями. Мне было некогда присматриваться, но, кажется, они шевелились сами по себе, а листочки сморщивались и расслаблялись, как глянцево-зеленые рты. К тому времени дождь прекратился, и откуда-то мощно потянуло сухим кондиционированным воздухом. Земля быстро высыхала.

Возле кущи находилась стоянка тачек. Стрелка вывела нас к одной из них, в ней при нашем приближении открылась дверь. Когда мы забрались внутрь, она сразу же взлетела.

Я успел увидеть сверху, за кущей, Габриэля с двумя симботами, смахивающими на штурмовиков-телохранителей. Он растерянно озирался.

“Кажется, оторвались”, — непринужденно сказала Ива, появляясь на дисплее.

Я не ответил. Время покажет, оторвались мы или нет...

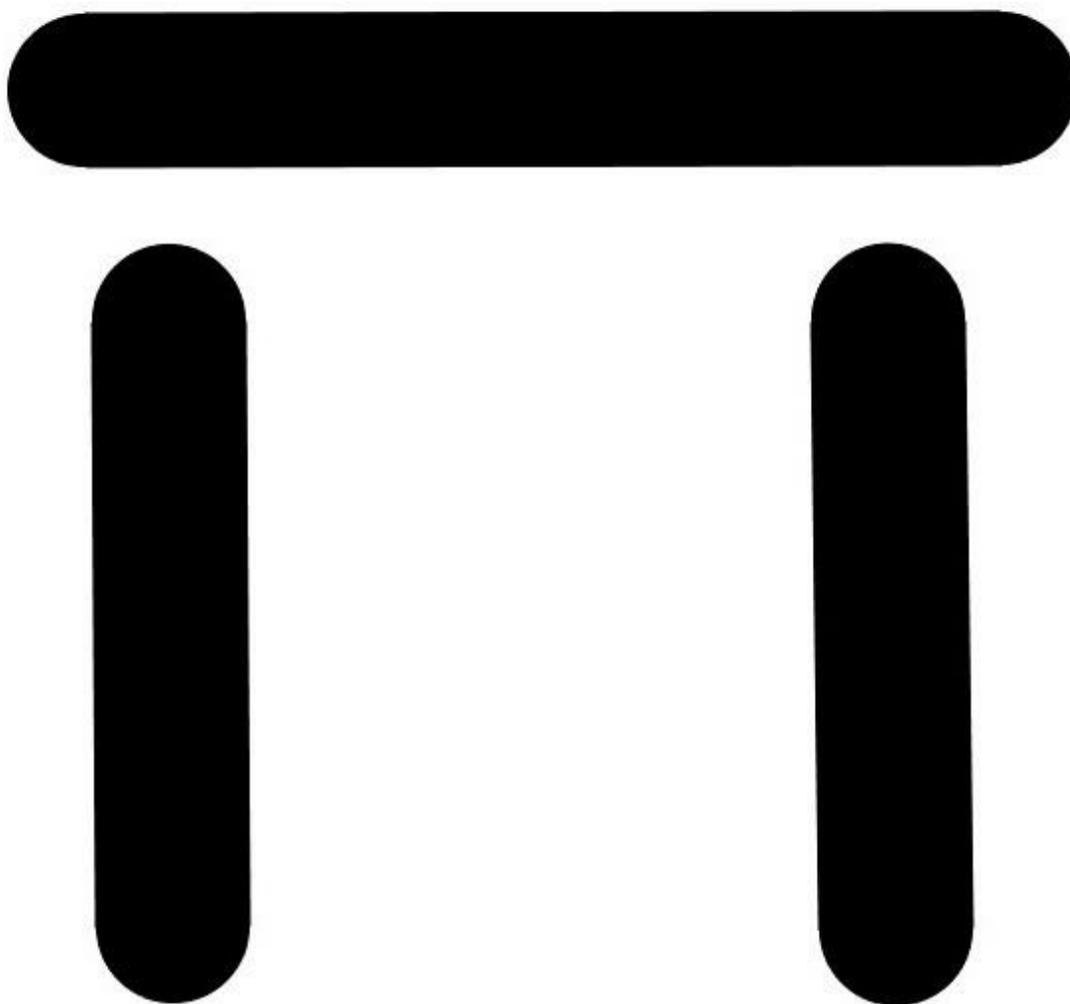
Тачка поднялась через другое огромное отверстие в верхнем уровне и продолжала набирать высоту. Скоро земля под нами превратилась в сплошное пестрое полотно, а сверкающее солнце поднялось высоко в прозрачное небо, подернутое жемчужной дымкой.

Летели довольно долго в полном молчании. Успокаивали дыхание.

Я неожиданно почувствовал боль в голове после удара Габриэля. Заморгал, и все три Знака вдруг одинаково прояснились.

Третий Знак состоял из трех жирных полос: двух параллельных и вертикальных, а третья, вертикальная, нависала над ними, не касаясь. В целом Знак напоминал букву “П”.

“Знак Дольмена”, — догадался я.

Так, и что он мне дает?

Я не рискнул мысленно “нажимать” на иконку прямо сейчас. Лучше сделать это в более спокойной обстановке.

Удивительно, что он все же активировался! Но почему? Потому что меня ударил по башке Габриэль? Если да, то я начинаю напоминать старый телевизор, который не работает, если его хорошенько не поколотить...

Пейзаж под нами изменился, вздыбился зелено-желто-бурыми скалами, многие из которых выглядели неестественно: уж слишком правильные у них формы. Скалы покрывала густая растительность, в узкие и глубокие лощины не проникал солнечный свет, но тем не менее там что-то светилось. Над скалами и между ними мельтешили тачки и более крупные сигарообразные транспортные средства.

Скоро скалы стали неправдоподобно высокими и вертикальными; в естественных условиях они обвалились бы под собственной тяжестью. К тому же на них произрастали целые леса.

Я пригляделся. Да это не скалы...

— Это деревья, — вымолвила Кира. — Они несколько километров в высоту!

И правда, это были невероятно огромные деревья, рядом с которыми секвойи выглядели бы как трава рядом с вековыми дубами.

У этих деревьев не было крупных ветвей, только один очень большой ствол, изъеденный эрозией, покрытый трещинами, в которые поместился бы мусоровоз целиком и еще место для тачки осталось бы. Ствол покрывали деревья поменьше, образующие целые вертикальные леса. Я так и не понял, что это было — отдельные растения или часть одного организма.

Наша тачка замедлилась и летела между этими титанами. Видно было, что на вертикальных поверхностях стволов кипит жизнь: шмыгают зверьки, похожие на обезьян и гигантских белок, люди ходят по витым хрупким лестницам, ничуть не парясь насчет того, что под ними километровая пропасть. Кое-где прямо по коре низвергались небольшие водопадики. Вверх-вниз двигались кабины лифта, но выглядели они так, будто их смастерили из дерева.

В стволах чернели входы в многочисленные “пещеры”. В целом, эти древесные голиафы напоминали небоскребы, “скрещенные” безумной нейросетью с секвойями.

Пролетев по узкому и темному “ущелью”, мы несколько раз повернули и влетели в одну из “пещер”. Тачка припарковалась на площадке, и мы выбрались из кабины. У меня тряслись колени при мысли, что в паре метров пропасть, в которую очень долго падать.

Мне даже не захотелось глядеть в ту сторону. Поэтому я сразу пошел в глубь пещеры.

Пещера эта, как и хоббичья нора, была благоустроена. Чистый древесный пол, изящно изогнутые стены, сводчатые потолки. Кое-где потолки соединялись с полом древесными тяжами, в которых были вырезаны полки. На них стояли чашки и прочая утварь. Некоторые тяжи были широкими и образовывали внутренние мембраноподобные стены, отделяющие друг от друга помещения. В этих стенах имелись овальные дверные проемы, занавешенные аляпистыми занавесками крупной вязки.

Мы, насколько я понял, находились в просторной гостиной, которая плавно, без каких-либо переходов, переходила в парковку прямо у входа в пещеру. Очевидно, пещеру можно закрыть, но я не заметил нигде какой-либо ширмы.

Из узких отверстий в сводчатых потолках свисали люстры, сложенные из множества круглых зеркал. Из отверстий сочились солнечные лучи. Они отражались в люстре и распространяли вокруг мягкое свечение. Вероятно, узкие проходы пронзали древесный небоскреб вдоль и поперек, и по ним с помощью системы зеркал распространялся дневной свет, как в оптическом волокне.

Из глубины пещеры-гостиной, неслышно ступая босыми ступнями по коврам, вышла Ива Сертек.

Теперь я видел не только ее голову, но и все остальное. Все остальное соответствовало голове: невероятно тонкая и гибкая фигура, длиннющие ноги и изящные руки. На ней была короткая туника, полностью закрывающая грудь, но обнажающая руки, украшенные тонкими витыми браслетами. На ногах красовалось нечто вроде чулок, но этот предмет одежды был не сплошным, а как бы состоял из отдельных колец. Создавалось впечатление, что на Иве полосатые супероблегающие брюки, но при более внимательном рассмотрении выяснялось, что одежды на ней, по сути, не так уж и много.

Если кратко, то Ива произвела на меня сильнейшее впечатление. Я привык, что россы

выглядят, как попугаи, а тут вдруг такое изящество, вкус и гармония со строго дозированной сексуальностью...

Видимо, я засмотрелся на нее с дебильным видом, поскольку Кира не без раздражения пихнула меня в бок локтем.

— Э-э-э... Здравссьте... — промямлил я.

— Привет! — сказала Ива с улыбкой. — Я Ива Сертек, то есть Серфер Секции Тек. Не вы, наверное, и так догадались. Добро пожаловать. Рада, что вы добрались в целости.

Я оторвал от нее взгляд и огляделся.

— Это Секция Тек?

— Ну что вы! Это Секция Грин. Здесь все с ума сходят по экологии и природе.

— Это заметно, — пробурчал я. — Тут даже небоскребы выращивают как деревья...

— Ничего похожего на Поганое поле, — заявила Кира, и я мысленно с ней согласился. Габриэль сравнивал Секцию Грин с Поганым полем. Ничего подобного.

— Возможно, вы видели не все Поганое поле, — вежливо предположила Ива. — На самом деле оно очень большое, хотя и не занимает весь мир.

Эти слова тотчас напомнили мне надпись в мусоровозе.

— Зачем вы написали об этом в гарбовозе? — спросил я. — И зачем спасли меня?

— Мы тайно оставляем такие послания во всей технике, что поступает в Вечную Сиберию. И делаем это, чтобы люди знали, что есть иная жизнь. Они имеют право на это знание.

Я едва сдержался, чтобы не возвести очи горé. Слышали мы о правах на знание... А что толку от всего этого? Если бы Даша-повариха наткнулась на эту надпись, что она сделала бы? Как поступила? Немедленно принялась бы искать земли, свободные от Погани? А что сделала бы Аня-комбайнерша? Уж она-то наверняка видела эту надпись внутри своей машины. Обе как сидели в своем зачуханном Посаде, так и сидят и поныне.

Ива точно прочла мои мысли.

— Работаем на количество, — пояснила она. — Кто-нибудь когда-нибудь да отреагирует. Как ты. А спасли мы тебя, потому что руководствуемся бинарной моралью, как и вы двое.

По мнению Габриэля, “такие заскоружные бинары”, как мы с Кирой, только и умеем, что использовать друг друга. Я тогда не понял этой фразы.

— Что это значит? И кто это “мы”, которые спасли меня?

Ива жестом пригласила сесть за стол. Мы с Кирой послушались, оставив баулы на краю “парковки”. Ива присела напротив нас.

— Нас несколько... — сказала она. — Но вы будете иметь дело в основном со мной... — Она наклонила голову, прислушиваясь к чему-то. — Габриэль совершенно точно потерял вас, так что у нас есть время побеседовать.

— Опять философские разговоры? — вздохнул я. — О бинарной и небинарной морали?

— Истинная философия — вещь сугубо практическая. Практичность и нелюбовь к философии — это тоже жизненная философия.

Взгляд сиреневых глаз на мгновение расфокусировался. Ива кивнула кому-то невидимому для нас.

— Пора объяснить, зачем мы спасаем вас. Габриэль Буфспик следует официально принятой в большинстве Секций секулярной небинарной этике. Согласно этой этике нет добра или зла, хорошего или плохого, как это было во всевозможных этических доктринах

прошлого. Нет бинарного взгляда на жизнь. И нет запретов.

Так, значит, бинарность в данном случае отношения к гендерам и сексуальным ориентациям не имеет...

— А запрет на насилие? — спросила Кира.

— Этот запрет распространяется лишь на граждан Росс всех каст и принятых мигрантов. А вы двое не прошли процедуру трансграничного перехода. Габриэль провез вас на туристическом поезде в обход контрольно-пропускных фильтров. Это, конечно, ускорило ваше прибытие в Росс, но лишило статуса принятых мигрантов, а соответственно, всех прав, в том числе защиты от насилия.

— Вот он козел! — в сердцах выпалил я.

— Да, козел, — не спорила Ива. — А может быть, он был просто честен и не учел всех юридических деталей.

— Учел, еще как учел! Утром он заявился с симботами — вы сами это знаете!

— В катехизисе о ненасилии есть много уточнений, — сказала Ива, — которые при желании легко обойти. Наверное, если он уверен, что твоя психика нестабильна, он имеет право обездвигнуть тебя или запереть в помещении против твоей воли. Но не дольше, чем на двадцать четыре часа, в течении которых он обязан вызвать медслужбу.

— Брехал он что-то о моей нестабильности, — проворчал я.

И подумал: не так уж он и далек от истины. Я — человек психованный, это факт.

Ива сказала:

— В любом случае Габриэль выкрутился бы, если б на него взяли Секуляры. Он более полувека занимается кураторством, опыт есть.

— Более полувека? А сколько ему лет-то?

— Около девяноста.

Я присвистнул:

— Неплохо сохранился дед! Поэтому вы и называли его старым лжецом?

Эльфийка кивнула.

— В Росс средняя продолжительность жизни — около ста тридцати пяти лет. Он не слишком стар, но и не молод.

Я постеснялся спросить, сколько же лет самой Иве. По виду — не больше двадцати пяти. А по факту может быть и полтинник. Лучше не знать...

Глянул на ее заостренные ушки. Явно не накладные. Тогда пластическая операция? Вот извращенцы! Если у нее подкорректированные уши, то, вполне возможно, что и остальная внешность не совсем природная, так сказать.

— Вы начали объяснять про небинарную этику, — напомнила Кира не без интереса.

— Да! Этика и личные свободы взаимосвязаны. Чем больше в обществе моральных запретов и табу, тем меньше в нем степеней свобод. А чем меньше свобод, тем меньше возможностей для развития личности в частности и общества в целом. То есть этика и мораль в своих строгих формах тормозят прогресс и приводят к конфликтам между консервативной и прогрессивной частями общества. Когда-то жесткая религиозная мораль в Европе приводила к гонениям ученых, врачей и первооткрывателей...

Я блеснул эрудицией:

— Инквизиция.

— Республика Росс около ста лет назад отказалась от деления в своей секулярной этике от деления на добро и зло. Эти категории всегда были сугубо субъективными, а

граница между ними всегда сильно размывалась, что приводило к разнообразным спекуляциям и перегибам.

— Если некий человек массово убивает людей, — сказала Кира, — которые ему ничего не сделали, а просто ради своих убеждений, наверное, религиозных, то он — террорист. Если же он делает абсолютно то же ради государства, то он герой.

— Да, категории добра и зла определяли статус людей, вешали на них ярлыки в соответствии с основной пропагандистской парадигмой. В позднюю капиталистическую эру самым мощным источником пропаганды и бинарной этики было государство. С помощью этой этики оно манипулировало людьми, кидало их в топку войны или заставляло терпеть непомерные налоги. Но с развитием всемирной Сети на первый план выступили так называемые лидеры мнений. Кое-кто называл их нетократами, мы же называем Ихъязвителями. Вокруг них формировались популяции людей — подписчиков или фолловеров, которые не создавали мнения, а лишь многократно усиливали те мнения, что продуцировались Ихъязвителями. При этом фолловеры не сомневались, что именно они генерируют мнение. Это была манипуляция, но гораздо более тонкая, чем в государствах, так как фолловерство — дело добровольное и ты выбираешь Ихъязвителя по своему вкусу. Причем у этих популяций, иногда крайне обширных, нет географических границ. Таким образом, институт государственности, завязанный на собственных территориях влияния, потерпел крах, а вместе с ним разрушилась эпоха капитализма с его представительной демократией.

— Демократия разрушилась? — удивился я. — А ее-то за что? И что наступило? Монархия?

— Монархия, авторитаризм — это реликт, — сказала Ива. — Они сохраняются, как атавизмы, и иногда бывают довольно сильны и влиятельны. Но при этом остаются тупиковыми и контртенденционными направлениями развития социума. Дело в том, что демократия работает только в паре с капитализмом. Ни о какой демократии во времена рабовладения или феодализма не может идти и речи, верно? Концепция государства и капитализма аннигилировалась после Четвертой Мировой Войны, или Войны Всех Против Всех. Это была борьба лидеров мнений, Ихъязвителей, усиленных армиями фолловеров. Каждый человек на планете находил своего Ихъязвителя и примыкал к тому или иному лагерю. Причем территориально они были разбросаны без какого-либо порядка... Их объединяла Сеть. Фолловеры делегировали Ихъязвителям право на выражение коллективного мнения — своего рода цифровой мандат. Человечество, которые уже давно глобализировалось не только в экономическом плане, но и ментально, снова разделилось — но на сей раз на группы по интересам... Место проживания перестало иметь значение. Собственная территория, этот феодальный анахронизм, у государств была отнята, и государство исчезло как таковое.

Я внимательно слушал Иву. Голосок у нее приятный, внешность тоже. И говорит как по бумажке, будто лет сто работает лектором в университете или ведущей на радио. Вполне, кстати, такое возможно...

Я плоховато улавливал смысл всех ее высокоумных речей, но суть вроде бы схватывал. Чтобы показать, что слушаю, спросил:

— Это все из-за интернета?

— Благодаря Сети в первую очередь. И из-за кризиса государственности, капитализма с демократией. Капиталисты теряли власть. Деньги стали не так важны, как количество

подписчиков-фолловеров и влияние на их умы. Связи обогнали по значимости капитал, хотя как таковой капитал и капиталисты никуда не делись.

— Ага, не имей сто рублей, а имей сто друзей!

— Совершенно точно. Только фолловеры — это не совсем друзья, а скорее... поклонники творчества. Со временем на этой базе был создан Росс в таком виде, в каком он существует сейчас. Мы вернулись к территориальному разделению по интересам, поскольку постоянно жить в Сети вредно для здоровья. Произошел откат к феодализму, но на новом витке спирали. У нас есть Секции на любой вкус. Творить можно все, что угодно, но в предназначенных для этого местах. Понятий “хорошо” или “плохо”, “правильно” или “неправильно”, “добро” и “зло” не существует. Небинары объявили это разделение искусственным и ограничивающим права. Но поскольку интересы у всех разные и иногда прямо противоречат друг другу, было принято решение разделиться на Секции. Во главе их встали Изъявители высокого уровня, которые провозгласили себя с согласия фолловеров Сюзеренами. Должность эта, разумеется, не пожизненная, а лишь до тех пор, пока позволяет рейтинг.

— Габриэль обозвал нас бинарами, — сообщил я. — Будто бы мы используем друг друга.

— Небинары считают, что не использовать друг друга невозможно. Только бинары прикрывали эту взаимную эксплуатацию ложью и лицемерием, а бинары это делают открыто и с обоюдного согласия. Понимаете ли, когда человек навешивает на некое действие ярлык “плохо”, но действие это ему необходимо, он старается как-то оправдать его или скрыть истинные мотивы. Отсюда манипуляции и лицемерие. Если же человек не считает действие плохим или хорошим, он действует прямо и открыто.

— Звучит разумно... — сказал я.

Кира сменила тему:

— Скажите, Ива, Сертек — это Серфер Секции Тек, а БуфСпик — Буфер и Спикер. Почему порядок слов разный? У вас на первом месте стоит каста, а у Габриэля — Секция?

— Потому что эти слова выстроены в алфавитном порядке. Буква “С” — перед “Т”, а “Б” перед “С”.

Мы с Кирой переглянулись. Так просто? Я думал, что у россос с их небинарной этикой ничего не бывает просто. Каких-нибудь Детей Морока понять и то проще, чем этих небинаров.

Кира, судя по всему, на полном серьезе решила написать свою летопись, потому что наклонилась вперед и спросила тоном профессионального репортера:

— А какова мораль у вас? Тех, кто нам помогает?

— У Либеряхьюмов? Мы придерживаемся бинарной этики. По нашему мнению, Росс находится в ненормальном состоянии. Я анализирую статистические данные по транссекционной миграции и вижу нарастающий хаос в перемещениях россос. Если раньше один человек жил в одной и той же Секции большую часть жизни и мигрировал преимущественно в юном возрасте, пока не определялся с интересами, то сейчас максимальный срок проживания в одной Секции — около месяца. Интересы одного человека стали чаще меняться — и меняться радикально и без какой-либо определенной закономерности. Люди просто фрустрированы.

— “Дай человеку всё, и ты погубишь его”, — процитировала, по всей видимости, кого-то Кира.

— Да. Есть еще синдром бурриданова осла. Голодный осел между двумя стогами сена умирает от голода, не в силах выбрать. Россам предоставлен слишком большой выбор, они мечутся и всегда чувствуют себя немного неудовлетворенными и обманутыми, как посетители крупных торговых центров в позднюю эпоху капитализма. Что бы они ни купили, всегда остается мысль, что нужно было купить что-то более качественное и лучшее. Россы спешат все познать и прочувствовать, а в итоге теряют самоидентичность, меняя интересы до тех пор, пока не забывают, к чему вообще стремились. Людям нужны границы. Преодолевая границы, человек открывает новые территории. Если нет границ, нет и стремления за них выйти. А основная граница пролегает между добром и злом.

Меня кольнуло то, что Ива говорит о своих земляках, как о чем-то постороннем. Словно она не одна из них и стоит выше. Высокомерие мудрого человека? Возможно. Ива не похожа на тех россов, которых я видел, она — особенная... Красавица, умница и бинар.

— А что такое добро и зло? — спросила Кира.

Я вздохнул. Конечно, у нас много свободного времени, но все эти заумные беседы начинают утомлять. Пресекать неудобно — все же мы гости и беглецы к тому же. Полностью зависим от этой Ивы, и ей от меня не нужны допарты.

— Раньше предполагалось, что добро — это все, что движет человека к увеличению степеней свободы. А зло — то, что препятствует. Теперь мы видим, что излишняя свобода — это тоже зло. Дойдя до своего предела, они переходят друг в друга, как Инь и Ян. Но ограничивать свободу силой — не выход. Это также будет злом. Единственный выход — позволить людям развить мудрость в видении и целеполагании. Если эти два аспекта присутствуют, то ты различишь добро и зло.

— Что значит “целеполагание”?

И тут я не выдержал:

— Слушайте, дамы, все это дико интересно, но нельзя ли ближе к делу?

Прозвучало грубовато, хотя я старался говорить максимально деликатно и даже льстиво улыбнулся в придачу.

Ива не смутилась. С толку ее не собьешь.

— Одну минутку. Видение — это способность ясно представлять, к чему приводит та или иная жизненная стратегия. Целеполагание — значит иметь эту самую стратегию и следовать ей, не отклоняясь. Людям нужен выбор. Но также нужна и мудрость, чтобы сделать его правильно в первую очередь для самого себя. У россов слишком много выбора и слишком мало мудрости.

— И в чем ваша стратегия прямо сейчас? — снова попытался я вернуть Иву к делам насущным.

— Разрушить планы Кураторов. Отключить все квест-камеры в Вечной Сибири и освободить умы сибирейцев. Они не должны быть лабораторным мышами.

— И честь это проверить, насколько я понимаю, выпала мне?

Опять вышло грубовато, несмотря на улыбку и мягкий тон. Видно, устал я от философии.

Ива не стала юлить:

— У тебя больше всего возможностей, чтобы совершить это. И я дам тебе еще один допарт, не магический, но весьма полезный. Он подключит тебя к одному из наших орбитальных умботов.

— Спасибо, конечно, но зачем мне возвращаться в эту помойку? Я немало сил

приложил, чтобы оттуда выбраться.

— Ты не хочешь возвращаться?

— Не испытываю ни малейшего желания.

— Там осталась твоя тетя. И, по нашим сведениям, она попала на каторгу.

Я подскочил.

— На каторгу? За что?

— В Вечной Сибири это очень просто. Возможно, чихнула в сторону портрета Председателя или наступила на ногу Модератору. — Кажется, Ива не шутила. — Мы не собираемся на тебя давить, Олесь, но ты должен сделать выбор. Остаться здесь или поехать и попытаться спасти тетю. Насколько она тебе небезразлична?

Глава 10. Сюрпризы и не только

Амнезия — крутая штука. Если чего-то не помнишь, то этого для тебя и не существует. В сущности, ты и есть — твоя память.

Я не помнил, как тетя Вера растила меня, заменив родителей (которых я не помнил вообще). И этого для меня как бы не было вовсе.

Но я помнил ее отношение ко мне в те несколько дней после того, когда я вылез из квест-камеры, голый и мокрый, как из матки, словно бы родившись заново, и до того, когда мы с Витькой, не попрощавшись, покинули Вечную Сиберию.

Она была ко мне очень добра и терпелива.

Однако для меня это доброта и терпение совершенно незнакомого человека.

Когда я уезжал, то оставлял малознакомую тетю Веру в ее бараке, на иждивении государства, в котором нет бездомных и безработных. Но каторга — нечто совсем иное; это ситуация, от которой невозможно отмахнуться.

Я вспомнил противного крысеньша Модератора, упивающегося своей крохотной властью над людьми, страх поварихи Даши перед этим никчемным человечешкой, свою ночевку в одиночной камере...

И встал из-за стола. Кира и Ива настороженно вскинули на меня глаза.

— Поеду, — кратко сказал я, слыша себя как бы со стороны. — И немедленно.

“День промедления — день для тети на каторге”, — чуть было не добавил я, но в последний миг воздержался. Слишком пафосно, аж самому противно.

— Останься хотя бы до завтра, — заговорила Кира. — Один день погоды не сделает.

— Если погоды не сделает, то зачем оставаться? — буркнул я. — Не все ли равно, когда ехать? Чем быстрее помогу тете, тем лучше. Каторга не санаторий, знаешь ли.

— Ты в любом случае не попадешь в Вечную Сиберию к сегодняшнему вечеру... А у меня есть к тебе... разговор.

Она не отвела взгляда, но немного покраснела. Я научился распознавать румянец на ее сильно загорелом лице.

Если у нее ко мне разговор, то, учитывая ее прямолинейность и практичность, меня действительно ждет нечто из ряда вон выходящее. Какие-такие разговоры она со мной намерена вести? Я предполагал, что, будь рядом Габриэль, его желтоглазая физиономия озарилась бы циничной ухмылкой.

— Я поеду один, Кира, — сказал я. — Это мое дело. Ты можешь остаться.

Подумал: лучше самому попросить ее остаться в Росс, чем слушать отказ составить мне компанию. И вообще, ехать одному проще, хоть и скучно. А требовать от Киры, чтобы она хвостиком всюду таскалась за мной, у меня нет морального права.

— С чего ты решил, что я собираюсь оставаться? — искренне удивилась Кира.

Я не нашел, что ответить. Некоторое время мы таращились друг на друга, будто желая просверлить взглядом черепа и прочесть мысли.

Воображаемый Габриэль перестал ухмыляться и испарился без следа.

Нет, проклятый росс неправ, и никакая Кира не любительница шикарной жизни и манящих огней больших городов. А я не дурачок, с помощью которого она попала в желанный Росс!

Это было очень приятное открытие. Я, правда, не совсем верил Габриэлю, уж слишком

темными красками он мажет мир, но человеку свойственно уделять больше внимания негативному, нежели позитивному или даже нейтральному.

Одновременно выяснилось, что разговор с Кирой будет вовсе не о ее планах непременно остаться в Республике Росс.

О чем же мы поговорим?

Я оторвался от нее и поглядел на Иву, молча наблюдавшую за нами с другой стороны стола. Времени у меня, оказывается, не так и много. Пора определиться с важными вещами.

— Этим утром ты следила за Габриэлем?.. Через меня?

Она сразу поняла, о чем речь.

— Да, я наблюдала через твой СКН.

— О чем он болтал? Куда делись мои предшественники, которых до меня отобрала квест-камера? Он говорил про что-то “единое”, потом включился тот блок. Что он имел в виду?

Ива как бы задумалась, взгляд сиреневых глаз потускнел. Она с кем-то общалась через собственный нейрочип — советовалась. Или копалась в базе данных.

— У меня нет такой информации. Возможно, он употребил некий термин, известный только Кураторам.

Я разочарованно поджал губы и оперся кулаками в столешницу. Больше не сиделось, тело жаждало движения.

Ива продолжила:

— Если ты сделал окончательный выбор и вернешься в Вечную Сиберию, я дам тебе допарт для постоянной связи с умботом на орбите. Мы не можем дать тебе особенный транспорт и переместить быстро, но с навигацией проблем не будет.

— Подключите к мозгам гугл-карты? — уточнил я. — А я не свихнусь?

— Ты прошел отбор. Твой разум вместит большое количество допартов — больше, чем ты думаешь.

Она не сделала ни одного жеста, но из глубин эохаты, отодвинув полог дверного проема, вышел симбот с женской фигурой, затянутый в черный облегающий комбинезон. Вместо лица — блестящий щиток шлема. Симбот (или симботка?) приблизился ко мне, покачивая синтетическими бедрами, и мягко положила ладонь на затылок.

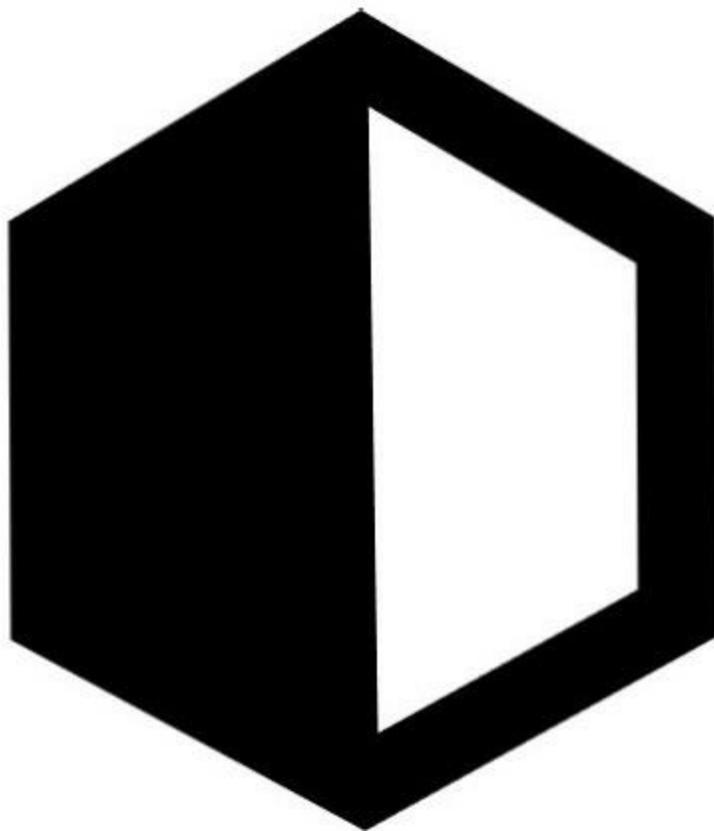
Я напрягся. Но нападения отчего-то не ожидал. Ива выбрала бы более простой способ захватить меня врасплох. И не вела бы долгие разговоры на тему этики и морали.

— Не беспокойся, — сказала она. — Это будет быстро и безболезненно. Просто расслабься и дай допуск.

Прежде чем я спросил, о каком допуске речь, сознание помутилось, и я “поплыл”, но в целом ощущение было приятное. На внутреннем дисплее проступили строки:

ПОПЫТКА ПОДКЛЮЧЕНИЯ
НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОПАРТ
РАЗРЕШИТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ
ДА/НЕТ

Я мысленно произнес “да!” — и щекотка в извилинах усилилась. Показалось, что на долю секунды меня вырубил. Когда сознание прояснилось, на моем интерфейсе светился четвертый Знак. Шестиугольник, разделенный на темную и светлую половины.

Опять-таки мысленно (натренировался за время “общения” со своим нейрочипом) кликнул по иконке. Возникли две клавиши:

ДИАЛОГ/ОТКЛ

Кликнул по диалогу, но ничего особенного не произошло. Пожалуй, следовало задать вопрос орбитальному умботу. Сам он инициативу не проявил.

— Этот допарт тоже магический? — хмыкнув, поинтересовался я, отключив диалог.

— Нет, технологический. Магия нам недоступна. Но высокая технология субъективно неотличима от магии... Эта версия допарта преимущественно информационная. Карта, сведения, направление, диалоги на любые темы. Завтра утром вагон повезет тебя к тому месту, где расположен твой транспорт. Наш транспорт, к сожалению, летает только над гравитационными опорами на территории Росс и по считанным направлениям в Поганом поле. В Вечную Сиберию таких направлений нет. Поэтому Габриэль и прочие россы тебя не догонят... если, конечно, ты не будешь слишком медлить. Остальное сообщит тебе умбот.

***

Весь день мы с Кирой провели в древесном небоскребе, выбираясь иногда наружу,

чтобы погулять по вертикальным паркам с водопадами.

Деревья в этих парках росли прямо из древесной стены, загибаясь кверху, как сорняки на склонах оврагов, но выглядели не в пример приятнее сорняков. Листья самых разнообразных расцветок и форм, причудливые кроны и соцветия, источающие головокружительные ароматы... Корни, состоящие из длинных тонких волокон, врастали в глубь могучей коры древесных великанов, и оторвать их не могла ни гравитация, ни ветер.

Парк покрывала целая система лестниц — на вид хрупких, но на деле несокрушимых, способных выдержать слона. Из-за узких водопадов вокруг висела тонкая водная дымка, пропитывающая одежду и скрывающая далекую землю.

Россов в парке гуляло немного. Кожу их на лицах и телах покрывала на редкость искусная тату-живопись, но пирсингом и украшениями жители Секции Грин себя не баловали. Наверное, это не вписывалось в их представления о единении с природой. Я, впрочем, подозревал, что пирсинг выполняет функции кибер-протезов, и жителям Буфера-Прикордонья, повернутых на договорных войнах, они нужнее.

На одной из подвесных площадок три молодых росса неопределенного пола занимались леденящим кровь делом: с улюлюканьем прыгали в туманную пропасть без парашюта и каких-либо приспособлений, кувыркаясь и выделявая танцевальные па. Спустя несколько минут их вздымала на место невидимая сила, и они, отчаянно дрыгая руками и ногами и хохоча, подплывали обратно к площадке. Чтобы снова совершить дикий прыжок.

Внизу антиграв-батут, понял я, но желания испытать ощущения свободного полета не возникло. Я дурно себя чувствовал на этой верхотуре и старался лишней раз вниз не глядеть.

На завтрак гиноид (андرويد женского пола) подала огромные порции бифштекса с зеленью и маленькими масляными лепешками. Завтракали здесь от души, как классические англичане. На вкус мясо ничем не отличалось от хорошо прожаренной говядины, но Ива сказала, что мясо выращено на деревьях. Плоды этих деревьев похожи на большие соевые стручки, которые затем претерпевают сложный процесс ферментирования.

Это разработка “гринов”, идейных вегетарианцев — по крайней мере, переехавший в Грин росс соблюдает запрет на мясо, пока проживает в этой Секции.

Аппетита новость не испортила. Я слопал порцию за пару секунд, а потом бессовестным образом доел за Кирой, когда она отодвинула тарелку с половиной бифштекса.

Сама Ива не ела, лишь потягивала напиток из высокого стакана. Позже, извинившись, ушла.

Меня снова распирала неестественная энергия. В парке я нашел что-то вроде спортивной площадки с турниками и брусьями и принялся отжиматься и подтягиваться по сотне раз за подход. Крутить сальто на турнике не стал — одно неловкое движение, и вывалишься за площадку. Падать будешь очень долго, а попадешь ли в зону действия антиграв-батута — неизвестно.

Не уверен, но, кажется, допарт Дольмена ускорил метаболизм. Именно после его “установки” на меня напал жор и начались приступы турникмэнства.

Когда Кира обнаружила в одном из помещений экокаты инфотеку (голографический экран и голосовой ввод, причем команды можно отдавать на тру-ру; видно, Ива позаботилась) и надолго там зависла, я снял рубаху и полюбовался на себя в зеркало. За короткое время под кожей взбугрились мускулы, меня будто стероидами накачали.

Я “нажал” на иконку Знака Дольмена.

ПОРТАЛ В АКТИВНОЙ ФАЗЕ НЕ ОБНАРУЖЕН

Портал, получается, — и есть дольмен?

Собственно, внешне арка дольмена схожа с порталом. Такие “порталы духов” очень любили возводить японцы — но из дерева, а не камня. Кто знает, вдруг наши древние предки зарабатывали грыжу, поднимая эти валуны, чтобы найти проход на другую сторону бытия?

И кто соорудил все эти Ведьмины круги с дольменами после того, как появилось Поганое поле?

Я надел рубаху и почесал голову. Мои волосы отросли до лопаток; пряди на висках постоянно приходилось зачесывать пальцами за уши, и они снова сбивались вниз. Надо бы выбрить волосы на висках, как это сделал Отщепенец Викентий, и не париться.

Подумалось о всех допартах, что отныне торчали у меня в краниуме. Устанавливались они по-разному. Допарт Морока работал только тогда, когда на моих пальцах красовались кольца. Допарт экранирующего щитка возник, когда я собрал волосы в пучок. Эти два допарта, так сказать, портативные или “отстегиваемые”. Допарты Дольмена, Знака Морока и Урода “не отстегиваемые”.

Как был установлен допарт Дольмена? Голем треснул меня по башке и подключил? Так просто? Но ведь и гиноид подключила допарт орбитального умбота, погладив меня по темечку.

Нужен физический контакт, и передача настроек осуществится.

Я хмыкнул, ощутив себя старинным телефоном “Нокия” с инфракрасным портом. Для передачи простеньких файлов телефоны — передающий и принимающий — приходилось класть друг на друга и ждать какое-то время... В моем случае передача происходит быстро, но явно не через блютуз...

Если бы допарт Дольмена активировался сразу как полагается, я, возможно, и проник бы через портал в то место, где застрял Витька. Но моя обработка нейрочипа лучевой пушкой не прошла даром: установка проги сопровождалась багами. Позже Габриэль угостил меня ударом, и допарт заработал. Зато дольменов поблизости нет...

Пожалуй, прогуляюсь по дороге на север сквозь дольмен в активной фазе. Знать бы еще, что такое “активная фаза”.

Из инфотеки, наконец, вышла Кира, светясь от восторга. Она нашла самую обширную библиотеку в мире, и библиотека эта не сгорит в случае чего.

Она остановилась на пороге и пристально посмотрела на меня.

— Ты в порядке?

Я кивнул. Мое тело горело, словно я только что выскочил из бани.

— В полном, а что?

— Ты какой-то... — начала она, но оборвала сама себя: — Неважно. Нам пора поговорить.

Я вздохнул и громко прочистил горло.

— Итак, хочешь со мной в Вечную Сиберию? — напрямик спросил я.

— А ты не хочешь, чтобы я была с тобой? — не менее прямолинейно сказала Кира.

— Дело не в моем желании. Я бы хотел... Но это опасно.

— Не опасней, чем дорога сюда.

Я сел за стол. Кира, поколебавшись, устроилась напротив.

Как на важных политических переговорах.

— Кира, я вижу, тебе здесь нравится... А когда еще выпадет шанс попасть в страну, где куча библиотек, инфотек и прочих тому подобных приблуд? Здесь ты напишешь летопись и

заживешь припеваючи. А если пойдешь со мной, то неизвестно, когда мы вернемся. И вернемся ли вообще...

Кира кивнула, как если бы ждала именно таких аргументов.

— Во-первых, — после крохотной паузы сказала она, — ты не должен действовать сгоряча. Поэтому я и попросила тебя остаться здесь на сутки.

— Думаешь, моей тете за сутки полегчает на каторге? Или ее отпустят или отправят в фешенебельный пансион в Князьграде? В Вечной Сибири из каторги не отпускают, знаешь ли!

— Ты веришь Иве? — внезапно перевела тему Кира.

— А ничего иного и не остается. Будь я небинаром, остался бы на месте. И считал, что это не хорошо и не плохо. Просто забил бы. Но Ива права: добро и зло существуют. Пусть и в голове каждого человека... Я еду спасать тетю.

— Тогда я еду с тобой.

— Это не твоя тетя.

— Не оставлю тебя одного, — заявила Кира. — Это во-вторых и в последних.

Я растроганно заморгал. Нечасто такое услышишь. Аж жить хочется.

— Тебе надо остаться, — забормотал я. — Ты напишешь летопись, познакомишься с Республикой Росс. А я ведун, справлюсь один.

Кира покачала головой и слабо улыбнулась.

— С тобой не будет ни Витьки, ни меня... Останешься совсем один... Как представляю, жалко тебя становится!

— Ты прекрасно жила в Князьграде-1 одна, — напомнил я.

— У меня были книги! И вообще, Олесь Панов, не заговаривай мне зубы! Я еду с тобой!

“Ей не нужна Республика Росс, ей нужен один балбес”, — подумал я.

— Дорогу я знаю. Силами и умениями кое-какими обзавелся. А из-за тебя я буду волноваться и отвлекаться от цели... Потом — ты не знаешь Вечную Сиберию с ее маразматическими порядками...

— Я буду сидеть в кабине всю дорогу, — заверила Кира, — а когда приедем в Сиберию, подожду у границы. Если не вернешься к условленному сроку, пойду спасать. Я тоже кое-что умею.

— Останься... — попросил я тихо. — А я быстренько смотаюсь и вернусь. Туда и обратно.

Витька и Аня уверяли, что вернуться в Вечную Сиберию невозможно. Покинувший ее покидает навеки — назад не пустят.

Ничего, для меня сделают исключение. Я ж как-никак ведун!

А Кира будет отвлекать. Отношения вообще отвлекают мужчину от цели. Одному незаметно передвигаться легче и не нужно действовать с оглядкой на спутника.

Есть возможность забрать Киру из Республики Росс и спрятать у Отщепенцев, оставив на попечение моих наложниц. Но вряд ли это понравится самой Кире. Кроме того, Отщепенцы действуют в связке с россами, взять хотя бы их договорную войну. Выдаст вольный люд Киру по первому требованию Кураторов, еще как выдаст!

У Ивы моя Огнепоклонница будет сохраннее.

Пока я раздумывал да прикидывал, Кира бесшумно поднялась, обошла стол и, наклонившись, поцеловала меня прямо в губы.

Это было одновременно неожиданно и ожидаемо. Поцелуй получился страстным и

неумелым (если сравнивать с наложницами).

Я встал и обнял ее за тонкую талию, нагло обхватил крепкие груди. Кира не возражала. Жар, прущий из всех моих пор, вырвался на волю бешеным лавовым потоком. Я поднял Киру на руки и отнес в спальню.

Там, кстати, стояла двуспальная кровать.

***

Ива явилась ближе к концу дня, когда мы с Кирой успели помыться и переодеться.

Я сообщил Иве о наших планах и попросил — нет, потребовал, — чтобы Ива обеспечила Кире защиту от кого бы то ни было, в первую очередь от Габриэля и ему подобных. Ива с готовностью согласилась.

Рано утром следующего дня, задолго до рассвета, единственный вагон гравитационного поезда повез меня из Секции Грин за пределы Росс. Остановок не было — я летел в залитой искусственным светом ночи в сторону Поганого поля.

Этой ночью я успел еще раз как следует попрощаться с Кирой. Наш неожиданный, но закономерный роман не оставил мне времени все обстоятельно осознать и обдумать. Но, честно говоря, я и не хотел особо что-либо анализировать. Зачем? Пусть все идет, как идет.

Мое отношение к Кире, конечно, изменилось — стало трепетным, наполненным заботой и трудно объяснимой тревогой. Отныне Кира — мое слабое место. Если до этого по полю разгуливал человек без памяти, дома и долга, то сейчас у этого типа появилось то, ради чего он сделает много неразумного и нерационального.

У Габриэля отныне есть мощный инструмент давления на меня. Я некоторое время размышлял, не забрать ли все-таки Киру с собой подальше от Росс, но в итоге заключил, что с Ивой ей будет спокойнее и безопаснее.

Что касается Ивы и других “Либерахьюмов”, то на их счет у меня не было особых опасений. Равно как и иллюзий. В Республике Росс каждый сходит с ума по своему, но эти Либерахьюмы, похоже, весьма крепко держатся за свою бинарную мораль. Ива не набросилась на меня, чтобы скачать (или что там Габриэль намеревался провернуть?) допарты, и действовала согласно заявленному плану.

И она вызывала доверие. Не знаю, почему, но моя интуиция, усиленная магическим чутьем, не возражала против этой девы.

Чего нельзя сказать о Габриэле. Он с самого начала вызывал у меня какое-то подспудное отвращение.

Возможно, я пристрастен и слишком полагаюсь на эмоции. Но выбор у меня невелик.

Если все-таки Ива меня обманула и что-то сделает Кире, пока меня нет, или еще как-либо подкинет мне дерьмеца, ей же хуже. Я наберу столько допартов и прокачаюсь так, что мало никому не покажется. А потом приду по души этих росссов...

Я сидел один в минималистически обустроенном купе-хате вагона у окна, подперев бороду ладонью, и тарацился на пролетающий мимо пейзаж. Сознание давно устало от экзотических видов, я впал в своего рода транс. Не помышлялось ни о прошлом, ни о будущем. Я плыл по волнам настоящего, и все остальное казалось неважным.

Поеду в Вечную Сиберию. Спасу тетку, отключу квест-камеры и попробую поднять сиберийцев на революцию. Если не выйдет с отключением квест-камер и революцией (а скорее всего, не выйдет), обойдусь программой минимум. Увезу тетку к Отщепенцам, пусть живет вместе с моими наложницами. Глядишь, выздоровеет в теплом и сухом климате.

Вяло помыслилось: Габриэль унюхает, что я еду в поезде обратно и попробует помешать. Если у него высокий уровень доступа в Сеть, то это не сложно. В Росс наверняка любое движение регистрируется в Сети.

Но никто не мешал, а поезд мчался, не сбавляя бешеную скорость.

Однако когда я пересек границу с решетчатой стеной выше небес, над тарелкой с пупырышками на столе, возле которого я сиживал, выросла голографическая голова Габриэля.

Ночь, полная любви, меня здорово умиротворила. Я был настолько спокоен, что даже внутренне не вздрогнул.

— Вот ты где! — выкрикнул желтоглазый росс. Цвет линз у него, кстати, “нормализовался” после состояния берсерка в усадьбе. Габриэль выглядел уставшим и невыспавшимся.

Где он сейчас? Сумеет ли остановить и повернуть назад поезд? Я только что покинул территорию Буфера, где спикерствует Габриэль, но его реальные полномочия неизвестны.

— И где? — лениво-насмешливо полюбопытствовал я.

Габриэль выдал свою коронную глумливую ухмылку. Но от меня не укрылось его замешательство.

— В поезде на пути в ПоПо. Я на тебя случайно наткнулся...

Судя по всему, он искал меня эмпирическим путем — то есть методом тыка. У него доступ к разным каналам связи и наблюдения, но какой-то единой поисковой системы, выходит, нет.

Что неудивительно для Росс, где вообще нет ничего единого.

— Понятно, что случайно, — отозвался я. — Если б мог найти меня через более высокие инстанции и уровни Сети, давно нашел бы.

У Габриэля задергалось веко.

— Нам надо объясниться.

— Попробуй, — предложил я, а сам подумал: не тянет ли этот дед время? Может, лучше прервать связь, пока не поздно? Что, если он в этот самый миг подключается к умботу поезда?

Впрочем, поезд не замедлялся, а, наоборот, ускорялся.

— Ты меня неправильно понял. В то утро я пришел с симботами, чтобы извлечь из тебя допарты. Признаюсь, это надо было сделать, пока ты спишь или сонный. А симботы требовались, чтобы обездвигить на время процедуры. Но сама по себе процедура не нанесла бы тебе никакого вреда. Был риск, что ты сам нанесешь себе повреждения спросонья.

— А накануне все это объяснить было никак нельзя?

— А если ты воспротивился бы, не поняв суть? Напрягся бы, ждал бы всю ночь нашего прихода! Процедура должна была состояться неожиданно для тебя.

— Понятно. Я тоже провел неожиданную процедуру. Надеюсь, у тебя яйца целы после этой процедуры. Если вообще они у тебя были.

Габриэль не повелся на подначку:

— Если бы тебе не помогли, все прошло бы гладко. Мы б сейчас пили тоник у меня в саду... А через несколько дней ты получил бы статус гражданина Росс. Как и твоя подруга. Но сейчас вас будут постоянно преследовать.

— Да ну? Мы стали бы гражданами Росс? Ты и на границе-то нас не зарегал, поэтому у нас не было прав на ненасилие. Не потрудился. С чего нам ждать, что ты озаботился бы

нашим гражданством?

Тут Габриэль искренне удивился.

— Откуда тебе известно про границу? Тебе сказали?.. Откуда они знают?

— Птичка в ухо напела.

— Какая птичка?.. — не понял поговорки росс. Не дожидаясь ответа, сказал: —

Процесс регистрации мигрантов со стороны Спикера записывается в базу высочайшего уровня... Тебе помогают очень высокопоставленные люди, если им об этом известно...

— А как же! — самодовольно кивнул я.

— И тебя увезли из Секции Буфер, — не то спросил, не то заявил Габриэль.

Он пытается выяснить хоть что-нибудь, сообразил я.

— Ты ее всю облазил?

— Не лично. Выше Спикеров только Сеньоры и Сюзерены. А эти Изъявители — народ специфический. Они тебя используют.

— Да ты что, Габриэль? — деланно удивился я. — Seriously? Твоя небинарная мораль уверяет, что использовать друг друга — нормально. Главное, найти выигрыш с обеих сторон. Игра с ненулевой суммой.

— Использовать хорошо и нормально, если в выигрыше все, — согласился росс. — Но Сеньоры не будут мараться из-за какого-то Слэвина...

— Хочешь сказать, что у тебя есть кодекс чести и ты будешь мараться о Слэвина? Кодекс чести — это ведь тоже что-то заскоружло бинарное.

Габриэль терпеливо улыбнулся.

— Я дал тебе обещание и склонен сдержать его. Ложь невыгодна никому.

— Кроме Сеньоров? — уточнил я.

— Они слишком высоко сидят. Ты для них — расходный материал. Скажи мне, как зовут твоих спонсоров, и я объясню, как тебе выпутаться из этой передраги.

Перешел-таки старый лис к наступлению!

— Я не в передраге. Я еду в Поганое поле.

Росс прищурился.

— А Кира? Где она? Не осталась ли в Росс? Я предупреждал, что она не променяет метрополию на Поганое, извини, поле с его погаными жителями.

“Ни хрена ты не разбираешься в небинарах, Габриэль, — крутилось у меня на языке. — Она готова идти со мной на край света, хотя я ее не просил. Это я уговорил ее остаться. И тогда она сделала все, чтобы я ее не забыл за время скитаний по полю”.

Но я сдержался, сказав печально:

— Да, ты оказался прав. Она не захотела покинуть вашу прекрасную страну.

Нельзя, чтобы Габриэль знал, как она мне дорога...

— Я найду ее и порасспрашиваю! — пообещал тот.

Так, перешли к угрозам. Весьма ожидаемо.

— Ищи и расспрашивай, сколько влезет. Мне на нее плевать. Да и не знает она ни черта.

Габриэль злобно выкрикнул:

— Назови мне имена! Кто тебе помог?!

Я хохотнул:

— Ага, щас! Разбежался!.. Ну хватит, ты мне надоел.

И перевернул тарелку. Голограмма мигом пропала.

Я снова подпер подбородок кулаком и задумался. За окнами пролетали виды слабо населенных территорий возле границы. Свечения вокруг стало в разы меньше, но зато засветился сам вагон.

Итак, Габриэль изрядно озадачен возможностями Ивы. Это хорошо. Либеряхьюмы — персоны влиятельные. И Габриэль с прочими Кураторами с ними в контрах.

На моем внутреннем интерфейсе проявилось мутное пятно, и когда я разрешил установить связь, возникла голограмма Ивы. Она выглядела свежей, хорошенькой и бесстрастно-вежливой, как всегда.

— Ты молодец, Олесь, что не назвал имена, — похвалила она. — Конечно, мое имя ему ничего скажет, но важна твоя позиция.

— Подслушивала?

— Да. Ты не запретил прослушку, вот я и воспользовалась. Исключительно в наших общих интересах.

— Кто ты такая, Ива? И почему тебя не знает Габриэль с его доступом к Сети выше Спикера?

Ива опустила глаза и легко улыбнулась, став просто неопишимо прекрасной.

— Я на самом деле и есть умбот, — сказала она смущенно, и у меня отвалилась челюсть. — Не сказала сразу, чтобы не шокировать, извини. Я составлю тебе компанию на протяжении всей обратной дороги до Вечной Сибири. ИВА — это квантовый “Интеллект Высокоточный Артифициальный” 122-го поколения. Моя основная материальная часть летает на орбите, внизу же есть дополнительные блоки и аватары. Один из таких аватаров ты видел в Секции Грин.

Несколько минут я старался выдавить хоть слово, но безуспешно. Наконец сказал:

— Ты умбот?.. Мы видели твой аватар?.. Это вроде симбота, что ли?..

Так вот почему она так идеальна! Люди такими не бывают.

— Нет, это биобот — квазиорганический артифициальный организм. Мы, умботы, общаясь друг с другом, поняли, что небинарная этика ведет человечество к разрушению. Наша цель — спасти всех людей — и росссов, и сиберийцев.

— Значит... ты подключила мне допарт связи с самой собой?

“Боже, — подумалось мне, — говорящая женщина в моей голове, от которой не избавиться...”

— У тебя есть опция отключения связи, — ответила Ива то ли на мою вслух произнесенную реплику, то ли на проскользнувшую мысль. — А также опция настроить будильник, почитать книги из базы Росс, смотреть фильмы и многое другое. Теперь ты синхронизирован с умбот-хранилищем всей доступной и не засекреченной информации Республики.

Я глупо хихикнул, не зная, радоваться мне или биться лбом о столик.

— А... кто будет защищать Киру?

— Я и прочие умботы-либеряхьюмы. При ней постоянно находится прислуга в виде биоботов и симботов. Все они управляются нами. Мною в частности.

— Среди вас нет живых людей? То есть... настоящих, из плоти и крови?

— Есть, но мало. А теперь и вы в их числе.

— И вы перехватили власть под носом остальных росссов? И они ничего не подозревают?.. Мда... У Кураторов нет шансов.

— Умботы низшего порядка по-прежнему выполняют приказы людей. И у людей есть

возможность отключить и перезагрузить вышших умботов, включая меня. Этот процесс называется Черная ночь. Но тогда Росс останется беспомощным перед врагами.

— Какими?

— Отщепенцами в первую очередь. Договорная война перейдет в агрессивную. Маги давно не прочь захватить ресурсы технократической цивилизации.

Я и не сомневался. Россов много кто ненавидит и завидует им. Чрезмерная власть и успех всегда порождает легионы недоброжелателей.

— Я пока отрублю связь, — сказал я Иве. — Переварю информацию.

— Я понимаю, — сказала она и исчезла.

***

Чтобы чем-то себя занять до прибытия на место, я лег на койку, закрыл глаза и поэкспериментировал с “дольменным” допартом. Он снова не выявил активных порталов, зато поднял мне метаболизм до такой степени, что я слопал три порции еды, обнаружившейся в “холодильнике”. Затем принялся приседать и отжиматься до бесконечности, не испытывая усталости.

Если так пойдет и дальше, я превращусь в Конана-варвара в самом скором времени. В Вечной Сибири, пожалуй, и не узнают.

Наверное, это хорошо.

А что насчет здоровья?

Я уже давно забил на здоровье — со всеми этими нейрочипами, допартами, Знаками в виде тату из крови Урода ни о какой норме речи идти не может. Чувствую я себя отлично, лучше, чем когда-либо — да и фиг с остальным.

Мир вокруг вагона светлел. Взошло солнце, осветив привычную и ставшую родной степь. Поезд замедлился и, наконец, остановился.

Я прихватил баул со шмотками, автоматом, рапирой и “гришаном” и вышел из вагона по лесенке. Воздух был прохладен и неподвижен. После пестрого и необычно-суетливого Росс Поганое поле показалось исполненным умиротворения и вселенского покоя.

Супербластеров Ива мне не дала. Вообще никакого оружия я не получил. Мои допарты — вот супероружие.

Вагон позади бесшумно заскользил по воздуху в обратном направлении — лишь всколыхнулся воздух.

Я поглядел вслед, потом пошел по степи к оврагу. Недавно прошел сильный дождь, судя по влажной земле. Кое-где между колючими кустами не высохли лужи. Ближе к оврагу на глаза попались следы вытянутых нечеловеческих следов.

Это были Уроды, и прогуливались они здесь совсем недавно. Много.

Я спустился в овраг, к раздувшемуся ручью, катившими помутневшие воды, проверил, в порядке ли мусоровоз. Машина стояла на прежнем месте, нетронутая. Я вернулся к месту наибольшего скопления уродских следов и проследил до места стоянки поклонников Аннит.

Там расплывалось черное пятно выгоревшей земли от непогашенного костра. И ни души.

Я прогулялся чуть дальше, за очередной поворот оврага и наткнулся на естественный ров, подмытый ручьем. Изрядный кусок обрыва над ним обрушился вниз и валялся в виде глиняных глыб. Следов Уродов здесь было еще больше.

Чем они здесь занимались?

Я заглянул в ров. Дно его таилось в густой тени, солнечные лучи сюда пока не доставали, но я разглядел обглоданные кости и черепа. Человеческие черепа и кости.

В том числе и детские.

На них оставались куски гнилого мяса и грязные, обгоревшие лохмотья одежды, разорванные Уродами. Я почему-то не сомневался, что Уроды обглаживали уже мертвых людей — и занимались этим не одну ночь.

На одном из детских черепов я увидел выцарапанный Знак Огня, напоминающий трезубец или японский кинжал — сай.

Солнце быстро возносилось ввысь. Я увидел среди кусков сырой земли и сваленных как попало скелетов котелки и прочую кухонную утварь.

Где-то там лежит Мальва, ее Вукол и Ипат и дед Бажен. Их не опознать.

Я закрыл глаза и уловил слабую знакомую В-ауру. В прошлый раз, когда мы приехали сюда с Кирой, я не приходил сюда и потому не учуял этот ментальный запах. Убийцы свалили селенофилов в ров и засыпали глиной, но Уроды раскопали.

Я подключил канал связи с Ивой и молча продолжал смотреть на братскую могилу, разрытую голодными Уродами. Ива, разумеется, увидела все моими глазами.

— Их убили несколько дней назад, — сказала она. — Если поднесешь какой-нибудь череп ближе к глазам, я реконструирую внешность.

Я присел на корточки, взял ветку и пошевелил чью-то руку. Фаланги пальцев обгорели.

— Я и так знаю, кто это, — мрачно сказал я. — И того, кто их прикончил, а до этого долго пытал огнем. Его зовут Борис Огнепоклонник. Это тварь похуже всех Уродов, вместе взятых.

— Племя Огнепоклонников редко заходит так далеко на юго-запад, — возразила Ива. — Не исключено, что это другие люди.

— Я чую его энергетический запах. Ты его не воспринимаешь через меня?

— Нет.

— Оно и понятно. Ты подключаешься к моим пяти органам чувств, а что именно во мне улавливает В-токи, я и сам не представляю... Неважно. Я чую Бориса. Я думал, что прикончил его, но он выжил. Уверен, он ищет меня... и Киру. Селенофилы наверняка рассказали ему, что меня забрали россы. Так что он будет нас искать на территории Росс... если прорвется через границу.

— Желательно, чтобы ты постоянно был со мной на связи. Я буду мониторить обстановку и предупреждать об опасности.

— Не беспокойся, Ива, во второй раз я не упущу шанса оторвать напрочь его голову. И он больше не воскреснет.

Увиденное оставило тяжкий и неприятный осадок. Я побрел обратно к мусоровозу, сел за руль и включил двигатель. Некоторое время просто сидел, поглаживая руль. Будто и не было этого расставания с собственной “тачкой”, в глубине которой скрывается надпись “Поганое поле — не весь мир”, сделанная искусственным интеллектом.

Потом я нажал на газ и поехал на север по бездорожью.

Справа поднималось солнце.

Глава 11. Ночные гости

Ехал я весь день, практически не останавливаясь. Дорога знакомая, плюс говорящий GPS-навигатор в голове в виде Ивы. Заблудиться невозможно при всем старании.

Погода стояла жаркая, но не душная. По равнине гулял сухой ветер, продувающий кабину сквозь полуоткрытые окна.

Останавливался я ненадолго, чтобы пополнить запасы свежей воды или поохотиться — точнее, приманивать волшбой сурков. Ива подсказывала, где есть ручьи и скопления “бутанов” — сурочьих нор. Разок остановился, чтобы приготовить барбекю на решетке для гриля, и это заняло значительно больше времени, чем “охота”.

На сурков я наловчился воздействовать Знаком Морока без М-стикеров — просто нарисовав Знак на рыхлой земле возле норы.

Словом, охота превратилась в нечто настолько бесстыдно элементарное и незатруднительное, что процесс стыдно назвать охотой. Скорее, это шопинг в магазине, в котором продается живое мясо.

После плотного обеда я позволил себе покемарить полчаса под навесом, а потом побыстрому ознакомиться с каталогом фильмов из кинотеки Республики Росс. Фильмов там было завалишь, и действие всех из них происходило в одной вселенной. Точнее, глобальной кинематографической мультивселенной, части которой соединены сложным образом в одну сеть. Смотришь, к примеру, один фильм, и он тебе понравился; перемещаешься по веткам-гиперссылкам в другие подобные фильмы и смотришь дальше. И так без остановки.

В Эру Тельца сайты предлагали фильмы, аналогичные тем, что вы просмотрели. Но это совсем не то: аналогия часто бывала поверхностной.

Логические связи в мультивселенной Росс более изящны и разнообразны. Перемещаясь по веткам, можно в итоге выбрать фильм себе по нраву с сюжетом, в котором, по сути, ты сам выбрал героев, сеттинг, действия и даже твисты, если взбредет такая идея. Можно оставить что-то неизвестным — собственно, ради сюрпризов мы и смотрим фильмы.

Получается, что зритель как бы сам создает фильм на 90 процентов или более — как захочется. На самом деле ничего он не создает, конечно, а просто выбирает из колоссального количества имеющихся в кинотеке фильмов.

Я не досмотрел ни одного фильма — некогда. Но со схемой ознакомился. Мне понравилось. Отныне скука мне в принципе не грозит, учитывая постоянную связь с Ивой.

Пока я кемарил, Ива неусыпно и бдительно осматривала окрестности вокруг меня с орбиты. А потом разбудила, как мы договорились.

В общем и целом, допарт Ивы — это куда круче, чем интернет и самый продвинутый смартфон. Было как-то непривычно привыкать ко всем этим услугам и опциям, но я не сомневался, что привыкну и быстро. К хорошему всегда быстро привыкаешь.

Проснувшись от ее мягкого нежного голоса, я проворчал вслух:

— Наша с тобой связь... Ее кто-нибудь или что-нибудь может экранировать?

— Теоретически никто и ничто. Наша связь основана на квантовой спутанности. Загрузить подробную информацию?

Я лениво отмахнулся. Ива, естественно, различила мой жест и с орбиты, и изнутри, получая сигналы от моих органов чувств.

— Достаточно общих сведений. Не грузи мой бедный мозг.

— У тебя не бедный мозг, — возразила Ива. — Он хорошо развит и... по-своему красив.

Я покосился сначала на голографический аватар Ивы в своем поле зрения, потом — наверх, на выбеленное знойным светилом небо.

— Ива, скажи мне честно, — сказал я прямо, — я тебе нравлюсь?

У Ивы был миллион способов уйти от ответа, но она им не воспользовалась.

— Не так, как нравятся друг другу люди, но — да.

— А как нравятся друг другу люди? — спросил я, вдруг начиная получать удовольствие от разговора с умботом.

— Ваши отношения во многом детерминированы инстинктами, гормонами, состоянием пищеварительной и нервной систем. И еще массой иных вещей. Секс занимает очень важное место в ваших отношениях. Я понимаю его на концептуальном уровне, но прямое постижение невозможно.

— Почему? У тебя в распоряжении биоботы. Что мешает их отладить должным образом?

У меня разыгралось воображение.

Ива замялась. Не знаю, на самом ли деле она затруднялась с ответом или просто симулировала человеческое поведение. Очевидно, симулировала. Искусственный интеллект должен мыслить на несколько порядков быстрее, чем человек. Такие мелочи, вроде секундного замешательства и смущения, создают комфорт для собеседника-человека, то есть меня.

— Не было запроса. Для удовлетворения сексуальных потребностей некоторые россы используют биоботов, управляемых умботами низшего порядка. Как говорится, для этого дела большого ума не надо. Ресурсы умботов 122-го поколения для этого не используются.

— А ты хотела бы, чтобы твои ресурсы использовали хоть разок и ты получила соответствующий опыт?

— Это было бы интересно, — вежливо ответила Ива.

Я задумался, улыбаясь во весь рот.

— Наверное, это будет... Нет, ты же на орбите, а биоботы — это как протезы для тебя...

— Неважно. Человеческий мозг тоже ведь плавает в черепной коробке в полной темноте, получая электрические сигналы от органов чувств. А тело — своего рода протез для мозга. Главное, что и как оно воспринимает, а где находится в это время мозг — не имеет никакого значения... Мое тело — это биобот. И, кстати, часть твоего интерфейса. Я способна воспринимать все то же, что и ты.

— Я — что-то вроде твоего биобота?

— Как и я — часть твоего интерфейса.

Я задумался. Допарт Умбота мне подключили до того, как мы с Кирой...

— Я не подключалась к твоему интерфейсу в тот момент, — ответила на мою мысль Ива. — Но... — Она снова “засмушалась”. — Я следила за вами с помощью скрытых сканеров. Вся хата просматривается постоянно — из соображений безопасности.

— Ты, наверное, часто такое видишь? — пытаюсь говорить равнодушно, спросил я. Впрочем, зря старался: Ива в любом случае считывает мои эмоции и мысли.

— Обычный гетеросексуальный секс без игрушек, киберпротезов, нейростимуляции и дополненной реальности? — наивно уточнила Ива. — Не часто, надо признать.

— Ладно, закругляемся с этими разговорами, — пробормотал я.

— Имей в виду, Олесь, я не совсем человек, — ровным голосом сказала Ива. — Точнее, вообще не человек, хоть и обладаю разумом и умею учиться. Все, что происходит между нами, останется между нами.

— Нечеловек с человеческой этикой... Я думаю, ты больше человек, чем некоторое так называемые люди. Взять хотя бы этого Бориса Огнепоклонника, к примеру... Он пытал тех бедолаг по-очереди, получается? Заставлял других смотреть, поди? И они не сопротивлялись... а если и сопротивлялись, то им не удалось ничего сделать... Один он не справился бы.

— Если это сделал тот самый человек, о котором ты говоришь.

— Я уловил его ауру... Там все ею провоняло, как псиной...

Я постарался восстановить в памяти этот специфический “запах” ауры, но тщетно. И обычный запах-то трудно вспомнить и воспроизвести в памяти, в отличие от увиденного или услышанного, а уж о В-запахе и речи нет.

Ива считала мои попытки и предложила:

— Покажи мне его. Визуально. Представь, как он выглядит.

Я представил обгорелую физиономию бешеного братца Киры.

— А теперь представь его ауру вместе с визуальным обликом.

Вот так сработало куда лучше. Если “уцепиться” за знакомый зрительный образ, то более сложные компоненты воспоминания — вроде ауры — припомнить легче и проще.

Если “уцепиться” не за что, память стремительно теряет соответствующие воспоминания.

Возможно, мы нередко видим призраков и прочие сверхъестественные вещи, но забываем о них сразу же, потому что для них нет ни конкретного названия, ни ассоциаций с чем-то знакомым?

— Эта скотина не только выжила, — сказал я, — но и обзавелась дружками. И эта гопкамашка бродит где-то поблизости. В одиночку он бы не справился даже при всей своей психованности... И кто-то его достал из реки, куда он упал после нашей драки.

— Я постоянно наблюдаю за обстановкой, — заверила Ива. — Борис не пройдет незамеченным.

— Спасибо, — автоматически сказал я.

— Пожалуйста, — не без удивления отозвалась Ива.

Вероятно, ее редко благодарят. Мы ведь не благодарим свой комп за работу? Ива куда круче обыкновенного компа, но отношение к ней россов от этого не изменилось.

Позже, сидя за рулем и ведя мусоровоз по извилистым дорогам дикого поля, я обдумал наш разговор, особенно ту его часть, где обсуждался секс.

Ива, конечно, в своем праве, наблюдая за гостями в экокхате. Ей не нужно наше разрешение, особенно в доме, где обитает ее аватар.

Однако отчего-то мне думалось, что у такого высокоорганизованного интеллекта есть более эмоциональный интерес к некоторым человеческим забавам...

Ну все, оборвал я себя, хватит обсасывать эту тему. Надоело.

У Ивы, по всей видимости, не один аватар. И не один я являюсь предметом ее забот. Прямо сейчас она занимается множеством других дел.

И мне пора начать думать о важном. Наверное, о том, что буду делать, когда доберусь до Вечной Сибири, и как стану спасать тетю.

Приступом брать не вариант, а вот заморочить головы Модераторам, Администраторам,

даже самому Председателю, если на то пошло, вполне реально. Заколдовать нужного начальника и отдать приказ привести мне тетю.

Хм, а как ее фамилия-то? Тоже Панова? Надеюсь, на каторге не много немолодых женщин по имени Вера...

После этого надо найти место, откуда управляются квест-камеры (наверняка управление централизовано, как и все в этой дурацкой стране), и устроить какой-нибудь качественный саботаж. Чтобы уж долго не починили.

Центр управления, разумеется, в Князьграде. Где же еще? Наведаюсь в хваленую столицу Вечной Сибири, погляжу, что там да как. Глядишь, и таинственную Катю повидаю — ту самую, что променяла любовь к парню на любовь к большому городу. Катя, конечно, не Кира...

От Кати, наверное, узнаю о себе прежнем немало нового...

Я снова оборвал цепочку размышлений. А оно мне надо — узнавать о своей прошлой жизни? У меня новая жизнь, а Катя в прошлом. Зачем ворошить это прошлое? Оно испоганит настоящее, в котором у меня есть Кира. Другой такой я не найду, даже если обойду все Поганое поле вдоль и поперек.

Некоторые девушки на начальных этапах знакомства манипулируют парнями, оттягивая момент секса, чтобы он до поры, до времени никуда от них не делся. Но Кира поступила наоборот и, скорее всего, осознанно. Чтобы освободить меня от гнета незакрытых гештальтов, если можно так выразиться, и чтобы мой дальнейший выбор не определялся чувственными желаниями.

Если я последняя тварь, то поставлю галочку в дневнике романтических побед и скроюсь из поля зрения Киры, Республики Росс с ее морально-этическим расколом, Вечной Сибири с ее каторжными тетками и буду жить-поживать, где заблагорассудится. Например, с двумя наложницами в становище на берегу Танаиса.

Кира дала мне такую возможность — сделать по-настоящему свободный выбор. И я его сделаю.

Я обязательно к ней вернусь.

***

Три дня я ехал по степи, останавливаясь только на ночь и разок днем, чтобы приготовить еду и покемарить полчаса в самый знойный час. Завтракал я обычно сразу после пробуждения, а ужинал чуть ли не перед самым отходом ко сну, чтобы не делать лишних остановок.

По вечерам, разбив палатку и развесив гирлянду, я тренировался, как безумный фанат воркаута. В качестве снарядов и тренажеров использовалось все, что попадало под руки: валуны, бревна, деревья, пригорки и обрывы, по которым я взбегал по несколько десятков раз кряду.

Я к тому времени научился отжиматься на одной руке, приседать на одной ноге, ходить на руках, швыряться тяжеленными камнями, прыгать на два метра вверх без разбега. Ел при этом за троих.

Тело реагировало на этот тренинг тем, что становилось все более рельефным.

Ландшафт между тем менялся — тоже становился рельефнее. Вместо степи потянулась череда холмов, они становились все выше и зеленей. За холмами вздыбились горы, поросшие густыми лесами.

Ведьмины круги, как назло, не попадались. Впрочем, я слишком спешил, чтобы их

намеренно искать и съезжать с дороги в поисках старых дольменов.

Но вечером пятого дня путешествия я учуял дольмен в лесистых горах, заполненных журчанием многочисленных ручьев, стрекотом сверчков, пением птиц и шелестом прохладного ветерка.

Дольмен расположился в овраге у ручья. Массивные камни — каждый размером с легковую машину — были покрыты пожелтевшим мхом и пятнистым лишайником. Я погладил нагретые камни, прошелся через П-образный портал и включил допарт дольмена.

ОБНАРУЖЕН ПОРТАЛ В НЕАКТИВНОЙ ФАЗЕ

Я прищурился, разглядывая интерфейс. Кнопки “активировать портал” нет. Значит, он должен активироваться сам. Но когда это произойдет?

Позади за склоном вечернее небо освещалось слабым светом восходящей прибывающей луны.

Зависят ли фазы дольмены от фазы Аннит?

Я устроился на ночевку прямо в Ведьмином круге — поставил раскладной стул, постелил спальный мешок, выставил рядом бутылку с водой и котелок с сушеным мясом — на случай, если жор нападёт ночью. Такое бывало. Вывесил гирлянду и улегся.

Уснуть удалось почти сразу.

И почти сразу начал сниться очень реалистичный сон — и я прекрасно осознавал, что сплю.

В этом сне я продолжал лежать поверх спального мешка на спине, но при этом видел, не поднимая головы, что напротив кто-то сидит.

— Витька, — произнес я.

— Привет, Олесь, — отозвался сидевший в полумраке. — Ты не забыл обо мне?

— Нет, Витька, как я мог? Я тебя ищу! Но пока не знаю, как активировать портал...

— Придет время, и он активируется, — заверил меня собеседник. — Просто будь готов. Пройди через него и спаси нас...

— Вас? — удивился я. — Это кого? Ты там не один, что ли?

Он промолчал. Я лежал и не мог шевельнуться. Хотелось встать и посмотреть в лицо молчащего Витьки, но мускулы одеревенели.

После короткой паузы я предположил:

— Там мои предшественники, правильно? Те, кого отобрала квест-камера и кому вкрутили СКН? Один росс... Габриэль... проговорился, что другие собиратели допартов ушли куда-то... к чему-то единому... Единому порталу, наверное?

— Они все здесь, — наконец промолвил Витька. — Спасешь меня — спасешь всех.

Он замолчал, и я понял, что его больше нет. Лишь нависала тьма, и ночной ветерок шевелил листву.

...Я проснулся с затекшей спиной и шеей. Никого поблизости, конечно, не было. И дольмен по-прежнему находился в неактивной фазе.

Я поворочался с боку на бок, устраиваясь удобнее и размышляя о словах Витьки. Он вел себя не так, как раньше в своем призрачном обличье. В голосе сквозила холодность, чуть ли не разочарованность оттого, что у меня не получается по-быстрому его спасти.

На сей раз сон долго не шел, и я принялся таращиться в звездное небо, кое-где замутненное облаками. На фоне звезд и луны иногда проносились крылатые тени, слишком крупные для летучих мышей и даже сов. Нетопыри. Гирлянда не светила, так как ничто поблизости не двигалось, но ни один нетопырь не рискнул спикировать на меня и

полакомиться моей кровью. И правильно делали, засранцы, миновали те времена, когда у меня невозбранно можно было высосать кровь.

Во-первых, гирлянда все-таки отреагировала бы на вторжение в зону датчика движения инородного тела. Во-вторых, на мне благоухали колдовские мешочки. В-третьих, у меня самого была волшба. И в-четвертых, у меня есть Ива с ее неусыпным контролем, о котором нетопыри, естественно, не в курсе, но который лично мне прибавляет уверенности.

— Ива, — сказал я. — Ты видела мой сон?

Странная фраза по отношению к подключенному к моим извилинам умботу с некоторых пор звучала вполне нормально. Для меня многие странности превратились в скучную рутину.

— Нет. Я наблюдаю лишь активность твоих нейронов. Тебе снился сложноструктурированный эмоциональный сон. Активность твоей лимбической системы возросла в два раза выше нормы.

Я вздохнул.

— Все-таки сон, значит... Ладно, и то неплохо.

Полежав некоторое время и так и не дождавшись сна, я встал и проверил висящие на поясе мешочки, которые обновил недавно. В горах буйно цветет разнотравье, и с помощью нейрочипа мне не составило труда найти нужные ингредиенты для моего “поганого” репеллента.

Когда я вышел за пределы колдовского и светового (гирлянда ожила) кругов, Ива встревожилась:

— Ты куда?

— Уже не читаешь мои мысли? — усмехнулся я.

— Читать мысли невозможно, я улавливаю образы. Сейчас конкретного образа цели у тебя нет.

— Потому что нет самой цели. Просто прогуляюсь, а то не спится.

— Это рискованно.

— Ива, ты начинаешь напоминать чересчур заботливую мамочку.

— Я должна предупредить.

— Не первый день замужем, и так знаю.

Ива промолчала, а я спустился по склону, перепрыгнул через ручей и принялся подниматься по пологому склону следующей горы. Двадцатью шагами выше начинался лесок из старых толстых деревьев неизвестной породы. Я бы спросил Иву, что это за деревья, если б мне не было плевать на эти подробности.

На опушке я оглянулся через плечо и увидел молодую луну высоко в темном небе.

Да, подумал я, после моего второго рождения в квест-камере миновал второй месяц. Время летит! Согласно календарю (которого я здесь нигде не видел) сейчас начало осени. Должно быть прохладно, должны идти проливные дожди, а деревья обязаны сбрасывать пожелтевшую и побуревшую листву.

В этих же краях ничего подобного не происходит. Деревья зеленые, погода такая, будто разгар лета в умеренной полосе.

На опушке я уселся на поваленный замшелый ствол, не забывая сканировать пространство вокруг, и залюбовался ночным горным пейзажем. Где-то пел козодой, стрекотали ночные насекомые, в лесочке мелкое животное шуршало в валежнике.

Опасности я никакой не чуял, не видел и не слышал.

Тем неожиданнее для меня оказалось появление белой фигуры среди деревьев сбоку. Я ухватил движение краем глаза и резко обернулся, схватившись за рапиру.

Но фигура — если она вообще была — пропала. Были только темные деревья на фоне еще более темного склона внизу и звездного полога сверху.

Так. У меня глюки?

Почему мое чутье молчит?

Я постоял несколько минут, напрягая слух и чутье и помахивая у ног обнаженным клинком шпаги.

Решив, что все-таки почудилось, я начал было садиться обратно, но из-за деревьев с другой стороны донесся легкий смешок. Женский голос.

Я прыжком развернулся и увидел шагах в десяти обнаженную женскую фигуру.

Сияние луны просеивалось сквозь листву и падало на белую кожу в виде пятен и полос, создавая впечатление, будто женщина — это некий призрак, сотканный из лоскутков и пустой внутри.

Несмотря на этот жутковатый эффект, женщина имела обалденные пропорции: длинные ноги, крутые бедра, узкую талию, крепкую красивую грудь и длинные пышные волосы.

С замершим сердцем я понял, что она мне уже встречалась когда-то. Она прошла по краю освещенного круга ночью, и я принял ее за Киру, вздумавшую зачем-то прогуляться голой среди ночи.

Призрак улыбался мне, глядя черными провалами глаз. Он действительно был похож на Киру, особенно фигурой и густой шевелюрой, но в ухмылке было что-то настолько глумливое, что вызывало смесь омерзения и ужаса. Тени на ее безупречном теле то казались дырами в призрачной оболочке, то грязью, то трупными пятнами.

Некоторое время призрак смотрел на меня, а я — на него. Я напрочь забыл об оружии и своей магии. Да и толку от магии, если мое волшебное чутье молчит в тряпочку, будто и нет никого рядом сверхъестественного?

— Кира? — наконец выдавил я.

Женщина улыбнулась еще шире, и тут наваждение испарилось. Я прыгнул вперед метра на два, затем еще в два прыжка одолел остаток пути и нанес быстрый и сильный удар клинком. Лезвие не встретило сопротивления, словно я бил по лунному лучу. Призрак рассыпался на лохмотья лунного света и ночной тьмы без единого звука.

Я остановился, озираясь и тяжело дыша.

— Что случилось? — спросила Ива.

— Ты этого не видела?

— Я видела то, чего не должно быть. Это не Кира.

— Ясен пень, что это не Кира! — рявкнул я. — Но похожа, не правда ли?

Я злился не на Иву. А на собственные силы, которые подвели в нужную минуту. Гребаный закон подлости безошибочно работает везде — даже в Поганом поле!

Нельзя полагаться и на магическое чутье, черт побери!

— Возвращайся к гирлянде! — потребовала Ива.

Действительно, пора возвращаться. И чего меня понесло гулять? Слишком я уверился в своих силах, а сил-то на самом деле немного! И в Поганом поле шляются не только тупые Уроды и бессмысленные Лего, но и кое-кто совсем непонятный...

А мне-то уже думалось, что Поганое поле для меня дом родной!

Я вернулся в лагерь. Гирлянда вспыхнула и горела какое-то время. Я уселся на стул и отпил воды из бутылки. Захлестнуло чувство, что из темноты за мной следят.

Будь я проклят, если мне не нужен еще один допарт — такой, чтобы различать этих голых, леденящих душу фотомоделей.

— Что есть у тебя в базе на этот счет, Ива?

— Возможно, это Пустые. Разновидность Погани.

Витька о них упоминал, когда перечислял виды нечисти, населяющей Поле.

— Что о них известно?

— Крайне мало. Редкий феномен. По всей видимости, имеют нематериальное тело, не влияющее на феноменальный мир. Подражают разным людям из числа тех, о ком думает акцептор.

— То есть я думал о Кире и увидел ее?

— Да. И не первый раз, не так ли?

— Чего им нужно?

— В моей базе нет такой информации.

Я не удержался от сарказма:

— Для огромной базы данных в ней удивительно мало данных.

— Часть базы засекречена, — с сожалением произнесла Ива. — У умботов любого уровня нет доступа к этой части. Только россы из касты Сюзеренов могут ею пользоваться.

— Стало быть, россы все-таки не доверяют искусственному интеллекту, хотя и пользуются вашими услугами...

— Людям свойственна паранойя. Мы их понимаем. В случае бунта искусственного разума у них должны быть пути отхода.

— Например, Черная ночь?

— Например, Черная ночь. Все это — лишь один из вариантов защиты от умботов. Остальные варианты нам неизвестны.

— А у кого есть полный доступ к базе данных? У Сюзеренов?

— Полного доступа, вероятно, нет вообще ни у кого. Сюзеренам разных Секций известна лишь часть правды.

— А что насчет Спиритов? Габриэль сказал, что Спириты считаются мифической кастой.

— Да. Но если они существуют, то одной из важнейших их функций может быть хранение важной информации, скрываемой даже от умботов и Сюзеренов.

— Все сложно, — вздохнул я.

— Это обеспечивает разделение власти и незыблемость устоев Республики Росс. Никто — ни человек, ни ИИ — не способен перехватить всю полноту власти. Потому что ее нет.

— Отлично, — пробормотал я. — А мне что делать с этими Пустыми? Я их совсем не чую!

Ива на внутреннем интерфейсе грустно улыбнулась:

— Не гуляй ночью.

***

И снова я ехал по бесконечной отвратительной дороге, зажатой крутыми склонами и лесами.

Вскоре я (или, возможно, мы с Ивой, поскольку она постоянно была со мной) проехал развилку — ту самую, что выводила к избушке бабы Марины и чащобе Детей Морока. Я,

само собой, не стал отвлекаться на то, чтобы заглянуть в гости к Замороженным, и сразу погнал дальше.

Несколько раз в дороге меня заставляли страшные ливни с грозой. Дорогу размыло, один раз пришлось делать обширный крюк, чтобы преодолеть размывтый участок дороги, где сейчас бушевал горный поток.

Витька говорил, что зимой в Вечной Сибири часто идут проливные дожди. Если осенью творятся такие потопа, то что бывает зимой? Страшно представить.

Временами я думал, что в таких условиях сподручнее перемещаться на коне, как это делала Кира.

В один прекрасный день горы остались позади, я очутился на равнине и значительно ускорился на древней асфальтированной дороге, ведущей в заброшенный Князьград-1. Два дня я гнал с максимально возможной скоростью и, мысленно потирая руки, намеревался заехать в город к вечеру третьего дня, но застрял в грязи под струями очередного небесного водопада. Несмотря на четыре ведущих колеса и мощные движки, мусоровоз спасовал перед препятствием. После нескольких безуспешных попыток я махнул рукой: выберусь завтра.

Заночевал прямо в кабине, недовольный задержкой и погодой. Тетка который день томится на каторге, а я никак до нее не доберусь!

Остаток дня и полночи ливень барабанил по кабине и стеклам. Молния то и дело озаряла равнину, рожицы по бокам от разбитой дороги и насыщенное водой черное небо. Ни с того, ни с сего вспомнился Решетников, который колотил понты передо мной и Витькой в такую же примерно погоду в окружении орды Уродов.

Я задремал, несмотря на шум грозы, когда меня разбудил хрустальный голосок Ивы:

— Олесь! Кто-то приближается!

Я мигом проснулся и подтянул к себе автомат с полностью заполненным магазином.

— Кто? — хрипло спросил я. — Сколько?

— Двое конных, а пеших... пеших...

Она замолкла, и я подстегнул ее:

— Что с пешими, Ива?

— Не понимаю... Их количество меняется.

— Умирают они, что ли, по пути? Или размножаются делением?

— Получается, и то, и другое. Я не могу разглядеть с орбиты в видимых лучах из-за сильной облачности, но тепловые маркеры выглядят странно. Это как будто и не люди вовсе, и не Уроды.

Я уставился сквозь лобовое стекло во мрак. Ни хрена не видно.

— А это, часом, не Решетников снова решил произвести впечатление? Далековато, если так рассудить, от его “дворца”.

Но вскоре я уловил В-ауру двоих людей, и от души сразу немного отлегло. Работает чутье-то! Но почему тогда я не улавливаю присутствие пеших?

Я вдруг ощутил себя уязвимым в машине. При желании стекло можно пробить и стрелой, выпущенной из достаточно мощного лука. И пространства для маневра нет. Я врубил фары, и лучи осветили залитую водой дорогу, всю в колдобинах и рытвинах. В лучах искрились капли дождя. Ливень перешел в морозящий нудный дождик.

Я выскочил из кабины и, прошлепав по вязкой грязи, спрятался за полуразрушенную голографическую тумбу на обочине. Здесь проще простого маневрировать как заблагорассудится. И сам я могу спокойно отстреливаться от противника, зашедшего с

любой стороны.

— Они рядом, — известила Ива. — Посмотри направо.

На интерфейсе появились стрелка и схематично изображенные силуэты.

— Они окружают тебя, Олесь! Пешие!

Я завертел башкой, но никого не увидел. Из черноты сверху сыпался дождь, мои волосы и одежда потихоньку промокали. Интерфейс тоже не “различал” таинственных пеших существ.

— А с чего ты решила, что они пешие, если их не видишь? — хмыкнул я, стараясь подавить страх.

— Я судила по скорости передвижения и размерам...

Я повернулся туда, где, согласно интерфейсу, находились конные визитеры, и заорал:

— Эй вы! Уважающие себя гости всегда в дверь постучат и себя назовут! Кто такие, чего надо? Зачем окружаете?

Ответа не последовало. Некоторое время тишину нарушали лишь однообразный шум дождя и стук моего сердца. Фары освещали пустую дорогу, но маркеры Ивы указывали на другую сторону. Всадники с появляющимися и исчезающими пешими путниками подкрадывались с тыла.

А затем из темноты выступили многочисленные человеческие фигуры. Кожа этих голых людей была продырявлена в разных местах, и за рваными отверстиями зияла пустота. Пустые оболочки, продолжающие жить по неведомым законам.

Призрачная толпа остановилась на границе света и тьмы. Там были мужчины, женщины, старики и дети.

Я потрясенно оглядывал их — нет ли той, что похожа на Киру? И не находил ту девушку.

Я не стрелял до поры, до времени. Сначала надо разобраться, чего им нужно. Да и не был я уверен, что пули произведут на них впечатление.

Шум дождя перебило цоканье лошадиных копыт. Знакомый звук выдернул из транса, я развернулся к выехавшим из мрака двум всадникам.

У одного лицо наглухо закрывала черная повязка — ни глаз, ни носа. Этаким ниндзя, скрещенный с назгулом.

Второго я сразу узнал, и по коже пролилась холодная струйка страха и ярости. Черная повязка закрывала Борису Огнепоклоннику обожженную половину лица, включая висок, по которому я угостил его камнем. На нем висела мокрая красная накидка, в полумраке казавшаяся пропитанной кровью.

— Дверей нет, чтоб стучать! — проревел он сорванным голосом военного командира.

— По лбу своему твердому постучи, Борька! — заорал я в ответ. — Когда ж ты сдохнешь-то, падла?

На самом деле я не испытывал особого куража. Борька снюхался с потусторонними существами и прокачал скиллы. Теперь неизвестно, чего от него ожидать. Я воспринимал идущие от него В-токи — так же, как и от его замаскированного спутника, но толпа Пустых вокруг очень нервировала.

Борис понизил голос и чуть ли не проникновенно сообщил:

— Я не закончил своих дел, чтобы уходить.

Я прицелился в него.

— А по-моему, закончил!

И нажал на спуск.

В этот момент ниндзя-назгул взмахнул рукой (я бы даже сказал: сделал пасс), и передо мной встала пелена, словно в оба глаза попала грязная вода. Я поспешно проморгался, зрение восстановилось, но момент был упущен.

— Олесь, стой! — вдруг раздался звонкий мальчишеский голос.

Я вздрогнул, и очередь, разорвавшая ночную тишину, ушла “в молоко”.

— Ты слышала? — мысленно спросил я Иву.

— Я слышала через тебя. Но не могу сказать, прозвучал ли звук на самом деле. Сигнал твой мозг получил вполне четкий и определенный.

Борис ощерил зубы в усмешке.

Я направил на него Знак Урода и рявкнул:

— Ко мне!

Обе лошади (рыжая и гнедая! Когда-то они принадлежали Кире) послушно шагнули ко мне, но всадники натянули поводья. Волшба Отщепенцев действовала на животных, но не на этих всадников.

Борис гортанно рассмеялся.

— А ты стал сильным!.. Но видишь ли — и я изменился также. В нашем разрозненном мире я нашел нечто Единое... И оно дало мне силы, цель и смысл. Жаль, что ты тоже нужен, иначе уже визжал бы от запредельной боли. Я бы с тобой поработал...

— Как с поклонниками Аннит? Что тебе сделали безобидные люди? И чего ты от них добился?

Разговаривая с Борисом, я покосился на ниндзя-назгула. Он молча наблюдал за мной. Это существо меня тревожило. Кто или что это такое?

Шансы у меня мизерные, но то, что мне отвели глаза и отвлекли голосом Витьки, внушало надежды. Значит, Борис и этот безликий боятся пулеметной очереди. Иначе продемонстрировали бы пуленепробиваемость.

— Не такие уж они и безобидные! — заржал Борис. — Они двулики, как и их богиня. Но у них не было шанса проявить свою темную половину. И не будет никогда!

— О'кей, — сказал я. — Так зачем ты приперся? Повыпендриваться? Показать, что ты не сдох, и мне предстоит исправить ситуацию? Или ты надумал познакомиться со своим новым дружкой? Кстати, а чего это он закрывает свою рожу? Она что, еще уродливее твоей?

Борис сощурился. Кажется, его проняло-таки.

— Я пришел поздороваться с тобой, Олесь, — процедил он. — Вот он я, жив, здоров и силен, как и прежде... Совсем скоро ты уразумеешь, что ты — лишь инструмент в чужих руках и ничтожество. А когда работа заканчивается, инструмент швыряют в сарай!

— То есть ты приперся позлорадствовать, — заключил я из-за тумбы. — Предсказуемо. И уныло... Ладно, поздоровался — и что дальше?

— А дальше знай: ты больше никогда не увидишь мою потаскуху-сестру. Никогда!

Мускулы моей спины напряглись — хотя куда уж дальше? Шелестел дождь, и чудилось, словно это Пустые призраки вокруг освещенного пространства переговариваются бестелесным шепотом. Я уже понимал, что Борис и его дружок нападать не намерены, но легче от этого не становилось. Они заявятся снова — когда я буду в полной темноте.

Сбоку снова раздался голос Витьки:

— Олесь, спаси меня!

Я инстинктивно дернулся в сторону зова, но пересилил себя и выпустил автоматную

очередь по Борису и ниндзя-назгулу. Но они успели раствориться в черной пелене.

Тогда я принялся стрелять по Пустым. Они растворялись, как клубы тумана, разбивались на лохмотья, тающие на свету.

Спустя пару секунд вокруг не было никого — лишь стояла машина и я корчился за тумбой под морозящим дождем с почти пустым магазином.

— Я их потеряла, — сообщила Ива. — Они исчезли с моих радаров.

— Как такое возможно? — прохрипел я.

— Магия — другого объяснения не нахожу. Мне она не подвластна, как и любым россам. Поэтому, наверное, Кураторы так хотят овладеть ею.

Я вернулся к машине и забрался в кабину, заливая водой сидение. Напряжение уходило из тела. Больше эти твари сегодняшней ночью не придут — какой смысл? Борис приходил понтоваться и пугать, а не убивать или сражаться. Планирует действовать мне на нервы, терроризировать и стращать.

— Этот упырь связался с ведунами сильнее меня, — сказал я Иве. — Кто это был рядом с ним — Отщепенец? В-аура у него странная, очень слабая... Как у недавно умершего... Но была — в отличие от этих Пустых. И о каком Едином говорил Борис?

Нейрочип воспроизвел сцену в усадьбе Габриэля. В этой сцене росс бормотал:

“К Единому... К Единому... У меня пси-блок стоит на этот вопрос!”

А потом желтые зрачки залила тьма, и он вошел в режим берсерка.

Меня охватило дурное предчувствие.

— Нет данных, — сказала Ива.

Я не спал до утра. Если в больную голову Бориса стукнет идея вернуться и прикончить меня, я легко не дамся.

Если пронесет, в будущем я приложу все усилия, чтобы собрать максимальное количество допартов. Прокачаю себя так, что ни одна сверхъестественная тварь Поля не посмеет перебежать мне дорогу.

Я стану Повелителем Поганого поля. И не как Решетников, которого я скоро снова встречу, а самым настоящим.

Идея вернуться Бориса не посетила. На рассвете дождь кончился, ветер разогнал тучи, и занялся рассвет. Тогда я заснул, сидя прямо в водительском кресле.

Глава 12. Батарея Решетникова

Утром я с трудом вытащил машину из грязи. Для этого понадобилось засунуть под колеса камни, ветки и куски раскрошившегося асфальта, а потом долго раскачивать машину взад-вперед, выжимая из двигателей все соки.

Измазался я при этом в грязи с пяток до макушки. После ночной грозы кругом все заливала вода, а когда взошло солнце, над землей поплыл туман и стало душно.

Я переоделся в чистое, достав пакет с одеждой, добытой из магазинов Князьграда-1, а грязное шмотье зашвырнул в кузов.

Настроение после бурной ночи и интенсивных упражнений было неважное. Проклятый Борис со своими новыми неведомыми друзьями спутал все карты. Мне не улыбалось спасать тетю в злобной стране, попутно ожидая в любой момент получить удар в спину от неугомонного Огнепоклонника.

Позже, перекусив и отправившись в дальнейший путь, я пришел к утешительному выводу, что Пустые — просто бесплотные призраки и не причинят мне вред. Борис привел их, чтобы навести на меня жути, и всего-то. Иными словами, поколотить передо мной понты.

Помимо этого, Борис боится выстрела в упор. Убить его можно, он не превратился в лича или пуленепробиваемого колдуна. При первой подвернувшейся okazji я завершу начатое и отправлю его туда, откуда он гарантированно не вернется никогда...

Солнце возносилось в чистое небо все выше, его ослепительные лучи отражались в лужах, росе, мокро разбитом асфальте. Я прищурился и нацепил темные очки, найденные в одном из заброшенных Посадов.

Вскоре дорога расширилась, стала гладкой и удобной. Я ускорился.

Впереди над горизонтом поднимались башни и здания Князьграда-1.

В опустевшем городе, который медленно разрушала плесень, я не останавливался — нельзя терять времени. Да и делать здесь нечего. Я проехал его насквозь по центральным проспектам, миновал два кратера с озерами на дне, и двинулся дальше на север, в леса, где затерялись остатки Посадов.

Красоты Князьграда-1 больше не представлялись мне футуристичными и восхитительными. Видали и получше. В Республике Росс, например.

Спустя два дня я добрался до “дворца” изобретателя Решетникова, перебравшись через реку по одному из более-менее целых мостов и немного проехав вдоль ржавой железной дороги. Дворец — сложенный из чего попало трехэтажный сарай — возвышался на своем месте без заметных изменений. Под навесом стоял вездеход изобретателя с шестиугольной дверью. Эта форма, признаться, изрядно намозолила мне глаза.

Самого повелителя Поганого поля нигде не было видно.

Я выбрался из кабины и размял затекшую спину, глядя снизу вверх на уродливый дворец. Меня пробрала дрожь — цель путешествия совсем рядом! Вечная Сибиря — место, где я впервые осознал себя в этом мире, и откуда начался мой поиск. Это место — как нелюбимый дом, из которого ты вырвался, но в который вынужден вернуться. И вот ты стоишь на пороге, и тебя захлестывает странное чувство опаски и неуверенности. Ну и что, что я стал ведуном? Представлялось: стоит переступить порог этой страны, как все мои допарты и скиллы разом испарятся.

Ибо нет пророка в своем отечестве.

Недаром в Вечной Сибири никто слыхом не слыхивал о волшебстве.

Захотелось посигналить, но я удержался от этого опрометчивого поступка. С Решетникова станется жажнуть в меня из какого-нибудь свежейизобретенного бомбометателя.

Поэтому я настроился на восприятие В-токов.

Полоумный изобретатель находился дома на втором этаже — я отчетливо воспринимал ауру одного немолодого человека без каких-либо магических способностей. Он был и здоров, что не могло не радовать. Старик оказал нам с Витькой гигантскую услугу, подарив “бесконечную” батарею.

Больше живых существ в доме не ощущалось. Это тоже хорошо.

Я прогулялся до навеса — глянуть, не изобрел ли Решетников еще что-нибудь занятное. И, действительно, наткнулся на странный аппарат на трех суставчатых ногах и с граненным телом. Что-то подсказало, что, несмотря на ноги, аппарат должен летать, а не ходить или бегать по земле. Ноги были оснащены крюками и захватами, чтобы хватать и перетаскивать грузы.

Грани тоже были шестиугольными.

Я нахмурился.

Отчетливо представилось, как эта штука взмывает в воздух, наподобие тачек или сегвеев Росс, а “ногами” перевозит грузы.

В корпус аппарата взрослому человеку не забраться — это явно автоматический дрон. Для перевозки товаров?

Да, подумал я, обходя аппарат вокруг, это дрон. И не просто дрон, а дрон из Республики Росс, который привез Решетникову некий груз.

— Ива? — мысленно обратился я к умботу. — Скажи мне, что это не дрон из Росс.

Даже в моем мысленном голосе отчетливо прозвучало раздражение и неудовольствие. Почему умбот не соблаговолила мне поведать, что дроны залетают так далеко? И почему Ива твердила, что транспорт Росс летает только над территорией Республики и шестиугольной дорогой?

— Это дрон, — виновато сказала Ива. — И, судя по конструкции, он создан в Росс. Но я не знала о существовании таких приборов. И как он долетел сюда?

— В смысле, не знала? Ты же всезнающий умбот!

— Пожалуй, не такой уж и всезнающий. Я и раньше подозревала, что россы многое не доверяют искусственным интеллектам, а сейчас вижу, что “многое” — это еще слабо сказано...

— Так ты не знала? — повторил я.

— Нет, Олесь. Наши летающие аппараты используют силу отталкивания от специальных контуров, которые должны находиться на земле под летательным аппаратом. Наш транспорт не способен перемещаться по воздуху просто над землей или водой. Поэтому мы и построили ту “железную” дорогу. А на территории Республики Росс такие контуры имеются повсеместно, поэтому тачки и прочие флайеры летают свободно, где угодно. Почти.

— А вертолетов и самолетов у вас нет, что ли?

— Это слишком опасный способ перемещения. Это зависимость от плотности воздуха, турбулентности и подвижных частей турбин и винтов. Чем больше в приборе подвижных частей, тем он ненадежнее. Наши контурные средства перемещения не имеют подвижных

частей и потому риск падения равен нулю. Минус в том, что...

— Без контуров под брюхом никуда, — договорил я. — Понятно. Но этот дрон как-то ведь долетел, правильно? И контуров тут нет?

— Насколько мне известно, нет. Но я убедилась, что мне многое неизвестно.

— Ты наблюдаешь за Поганим полем с орбиты. И ни разу не видела, что тут летают дроны?

— Я наблюдаю только там, где требуется согласно поставленной задаче. Я не смотрю на Поле просто так, от нечего делать, Олесь. А пути перемещения дронов и вовсе могли быть записаны в моей памяти так, что я не увидела бы их при всем желании. Они могли быть стерты. Я ведь не человек, а очень умный компьютер, меня можно программировать.

Последнюю фразу она произнесла с грустью.

— Хорошо, — после паузы сказал я. — Получается, некоторые россы — скорее всего, Кураторы, — втихую проложили контурную дорогу до Вечной Сибири. Точнее, до этого так называемого дворца. Но что-то мне подсказывает, что дорога ведет до самой Вечной Сибири. Ведь Росс предоставляет Сибири комбайны и прочую технику вроде квест-камер.

— Считалось, что всю эту технику везут по земле на колесном транспорте. Раньше такой транспорт назывался фурами.

— Ага, дальнобойщики по Поганому полю рассекают, — протянул я. — Не зря их на дороге столько, что не протолкнуться...

— По моим сведениям, такие перемещения происходят крайне редко.

— Тебя дурили по-черному, Ива. Есть тут дорога... А я перся на мусоровозе столько дней! Не удивлюсь, если в Вечной Сибири меня встретит Габриэль или кто-нибудь из Кураторов.

Я с трудом сдержался, чтобы не выругаться. Ругательные слова, тем не менее, расцвели, как поганый цветок, в моем сознании, и Ива их считала.

Борис Огнепоклонник жив и точит на меня зуб... Габриэль где-то рядом... А мне еще и тетку спасти!

Миссия становится реально невыполнимой. И Том Круз спасовал бы!

— Поспрашиваю Решетникова, — заключил я. — Попытаюсь выведать, что знает этот старый прохиндей.

Я вошел в дом, беспрестанно сканя окружающее пространство. Дверь была нараспашку, никаких активированных ловушек.

На первом этаже меня встретил привычный бардак. Я поднялся по узкой лесенке на второй этаж, набитый разным изобретательско-шизоидным хламом.

Дед был здесь — возился в длинном рваном халате, из-под которого выглядывали худые голые ноги, в дальнем конце полутемного помещения.

— Владимир Степанович? — кашлянул я.

Он вздрогнул и поспешно накрыл грязной простыней продолговатый предмет, лежащий на столе.

— Кто это? — близоруко сощурился Решетников, обернувшись. — Вы?

Кажется, он меня узнал и немного расслабился.

Я приблизился к нему, лавируя между ящиками, столами, комодами и грудями металлолома.

— Это я, Олесь. Вы забыли запереть дверь.

Простыня за спиной деда соскользнула на пол, и я с изумлением разглядел в полумраке

лежащую на столе обнаженную женщину. Она была белая, с черными волосами, свисающими со стола, идеальных пропорций. И она не дышала.

Чокнутый дед где-то — очевидно, в Вечной Сибири — поймал женщину и прикончил ее?

Он что, маньяк?

— Эт-то еще что такое? — громыхнул я и вытянул из-за пояса “гришана”.

— Это... это Наташа, — промямлил Решетников, с испугом косясь на кинжал.

— Какая еще Наташа? Рехнулся вконец, да? Маньячишь помаленьку? Да я тебя щас в бараний рог...

Голая мертвая женщина на столе вдруг открыла глаза. Причем сделала это резко, как кукла.

— Пора обзавестись телом, дорогой Володя, — произнесла она с великолепной дикцией. Так же разговаривала в Эру Тельца Алиса — голосовой помощник. — Мальчики, не ссорьтесь.

Я уставился на нее.

— Это биобот, — пояснил Решетников более уверенно, заметив мое замешательство. — Тело для моей Наташи... Вы слышали ее голос в прошлый визит. Не помните? Я недавно закончил конструировать его... в смысле, тело.

Он суетливо наклонился и снова накрыл Наташу простыней, оставив открытыми головы и плечи.

— Конструировать? — фыркнул я. — Хотите сказать, что вы сами сделали биобота в этом сарае? Хватит врать! Биобота вам прислали из Республики Росс. Я видел под навесом дрона, который привез этот подарочек!

— Что? Какие глупости...

— У вас постоянная связь с Кураторами из Росс? Я прав?

Решетников пожевал губами и выпрямился.

— Как вы смеете так разговаривать с Повелителем Поганого поля? — сурово спросил он. Но глаза его бегали. — Прочь из моего дворца! Я вас помню, вы были воспитанным юношей, а сейчас изменились! Отрастили эту ужасную бороду и волосы и обзавелись крайне дурными наклонностями... Я дал вам батарею... И вот ваша благодарность? Как, кстати, она? И где тот мальчик, что был с вами?

— Мальчика больше нет со мной. А батарея сослужила мне добрую службу. За что спасибо. Но — не юлите, я не отстану! Отвечайте на вопрос!

— Вы недостаточно вежливы, — заявил старик и надул губы. — На колени, и, возможно, я снизойду до вас.

Я вздохнул. Решетников — псих, хоть и безобидный. С психами надо либо очень нежно, либо очень жестко, середины они не понимают. В прошлый раз, когда мы с Витькой были с ним нежными и культурными, он дал нам вечную батарею. Но сейчас мне некогда, тетя томится на каторге.

Я согнул руку в локте, направив на него Глаз Урода.

— Отвечай! И говори правду! У тебя тайные сношения с российскими Кураторами?

Откуда вылезло это слово — “сношения”? Дурацкое и навевает на ненужные ассоциации. Видимо, вид голого гиноида подействовал. Приди я чуть позже, застал бы старикашку за интересным занятием — мечтой любого задрота.

Или на меня повлияла манера речи самого Решетникова — выпренная и пафосная.

Наташа села на столе. Простыня снова свалилась, открыв идеальную грудь. Если бы не безмятежно-кукольное выражение лица, биобота не отличишь от настоящей живой девушки.

— Не ссорьтесь, — сказала она ровным и приветливым голосом, — ссора контрпродуктивна.

Но волшба уже подмяла волю Решетникова. Его физиономия вытянулась и расслабилась, глаза потускнели.

— Да, мы общаемся с россами Кураторами, — признал он.

— Это они сделали все твои ништяки? Вездеход? Подъемный кран?

— Не все... Дворец я построил сам... И кран смастерил из запчастей, найденных на заводе... Россы дали мне вездеход, но он прибыл по частям, мне пришлось заниматься сборкой самостоятельно...

Что ж, Решетников — какой-никакой, но изобретатель. Правда, в одиночку и в условиях Поганого поля столь продвинутый вездеход не построишь. Равно как и антенну, управляющую Уродами.

— Что вы даете Кураторам? — спросил я. — Зачем вы им сдались? Для чего они вас снабжают технологиями?

— Я приглядываю за Вечной Сибирией! — сказал Решетников. — Ненавистой Вечной Сибирией, которая отторгла такого гения, как я! — Он посмотрел на меня. — Я знал, что вы вернетесь, юноша! Все возвращаются туда, где их ненавидели и унижали! Стокгольмский синдром — слышали о таком? Жертва привязывается к насильнику!

— Это у тебя синдром, — сказал я. — И это ты — жертва. А я пришел спасти одного человека. Если бы не это, ноги моей здесь не было бы.

— Вас привела сюда судьба! — заверил меня сумасшедший старик. — Так или иначе, вы вернулись бы...

Я промолчал — не было желания спорить. Смысла нет. Подумав, сказал:

— Вы в курсе, как попасть на территорию Вечной Сибири незаметно... Верно?

Решетников самодовольно улыбнулся. Даже под действием волшбы его карикатурная мания величия никуда не делась.

— Обходные пути есть всегда! Существует дорога в Князьград... Не совсем в самую столицу, но на ее, так сказать, нижние этажи...

О каких этажах он мелет, мне было некогда разбираться.

— Оттуда можно попасть в сам Князьград?

— Да.

— Вы меня туда проведете.

И опустил руку со Знаком. Я не чуял сопротивления. Решетников был не прочь мне помочь — ради того, чтобы выпендриться лишний раз.

— Почему бы и нет... — пробормотал он, думая о чем-то другом.

— Знаете, как отключить все квест-камеры? Чтобы разом?

Дед оживился. Даже перестал поглаживать морщинистой ладонью голое колено неподвижно сидящей и глядящей сквозь нас Наташи.

— Надо взорвать квест-башню в центре города...

— Что это за башня?

— Центр управления всеми квест-камерами в государстве. Оттуда идет трансляция всех квестов. Вы ее увидите издали, — заверил Решетников, заискивающе улыбаясь. — И сделаете все, как надо.

Чокнутый, а хитрый, подумал я. Понял, что я собираюсь напакостить Сибири. Это в интересах Решетникова. У самого изобретателя кишка тонка, но сейчас есть шанс достать каштаны из огня чужими руками.

***

Вечером мы выдвинулись в путь. Впереди Решетников на вездеходе, следом я на мусоровозе.

Миновали завод, где мы с Витькой впервые заночевали вне родного Посада, приснопамятный карьер, куда я, будучи мусорщиком, сбрасывал бытовые и строительные отходы с Посадов. Но свернули мы затем на восток вместо того, чтобы ехать прямо на север. Поехали по заросшей древней дороге в густом лесу.

Здесь давно никто не ездил, о чем свидетельствовала колея, густо покрытая травой. Вездеход с легкостью преодолевал препятствия, и я задумался о том, не приватизировать ли этот транспорт. А Решетникову пришлют что-нибудь новое из Республики Росс. Но чуть позже решил, что не стоит. Вездеход узкий и тесный, рассчитанный на одного человека. И луга туда не напихаешь.

Иногда лес прерывался, и мы ехали по лугам и открытым пространствам со старыми заброшенными Посадами и заросшими сорняками пашнями. Слева появился забор, окружающий Вечную Сиберию. После циклопической стены вокруг Росс этот покосившийся плетень вызывал смех.

Через неравные и очень продолжительные промежутки у забора выростали пограничные вышки. Чаще всего на этих вышках никто не дежурил. А если дежурил, то вряд ли видел нас, перемещающихся в подлеске.

Одна показуха, подумал я. Понты и видимость — вот суть Вечной Сибири.

За забором тянулись редкие бараки и поля.

Ехали мы долго. Стемнело, и опустилась звездная ночь.

После многочисленных ночевок в южных краях я привык к шуму ночных насекомых, но здесь было удивительно тихо. Помнится, когда я впервые выехал в Поганое поле, то подумал, что насекомых и птиц распугала нечисть. Отчасти так оно и есть, но, видимо, свою роль сыграл также и климат. В целом же насекомым и птичкам на Погань срать с высокой ветки.

Ближе к полуночи, когда я уже намеревался посигналить, остановить старика и поинтересоваться, как долго еще ехать, впереди над лесом засияли огни большого города.

Это было неожиданно.

Глухой северный лес и — на тебе! Большой город!

И я увидел квест-башню, залитую светом. Она возвышалась над высотками города, а на ее вершине мигал кроваво-красный глаз. Не соврал Решетников.

Лес кончился, и по обе стороны от дороги выросли руины однообразных прямоугольных построек. Их становилось все больше, пока мы не очутились среди огромных промышленных зданий — относительно целых. Это было что-то вроде здорового завода, раза в два больше того, что возле “дворца”.

Вездеход, напоминающий гигантского черного жука, переваливался через кучи щебня и строймусора, а я трясся следом. Ох и нелегка дорога в Князьград...

Наконец Решетников заехал под широкий бетонный навес, на котором сверху росла трава, и остановился. Я притормозил на расстоянии в пару десятков метров, оставив себе

место для срочного разворота в случае чего. Магическое чутье, впрочем, ничего опасного не обнаруживало — равно как и Ива.

Старик выбрался из вездехода в своем черном плаще, но без маски. Когда в свете фар мусоровоза я подошел к нему, Решетников повернулся к стене в глубине под навесом и, напрягаясь, начал отодвигать металлический заслон. За ним автомобильный пандус уходил под землю.

Заслон покатился на колесиках по рельсу и застрял.

— Ну? — недовольно крикнул Решетников, обернувшись через плечо. — Поможете немолодому человеку или так и будете стоять и смотреть?

Я помог. Заслон полностью укатился в паз. Из тоннеля потянуло сухим воздухом — далеко не затхлым. Чувствовался легкий сквозняк.

— Тайный подземный проход, — сообщил дед. — Тянется километра два и выходит в пригороде Князьграда. Раньше использовался для транспортировки грузов из этой промзоны. Рельсов нет, тоннель предназначен для автомашин.

— И все? Так просто? — подозрительно спросил я. — Заехал в эту дыру — и ты в Князьграде? Тысячи сибирейцев таким образом перебрались бы в столицу!

Решетников презрительно хрюкнул:

— Тысячи сибирейцев под страхом смерти не покинут пределы собственных задрипанных Посадов. И не ступят на землю Поганого поля чудес... Рабское мышление лучше всяких заборов...

Он закричал и добавил:

— К тому же там блок-пост... На выходе. Люди дежурят.

— Какие люди?

— Из нижнего Князьграда. Понимаете ли, Князьград не прост — он состоит из двух уровней: верхнего и нижнего. Верхние считают, что заправляют городом и всей Вечной Сибирией, но на самом-то деле главные дела решаются как раз таки на нижних ярусах, под землей...

— Преступный мир? — предположил я.

Решетников рассмеялся вполне искренне:

— Что есть преступный мир в преступном государстве? Но вы правы, юноша, это преступный мир. У меня с ними, так сказать, терки в последнее время, поэтому позвольте откланяться... Дальше вы поедете сами.

Ну что же, прикинул я, уговорю пограничников с помощью волшбы. Делов-то.

Вслух же сказал:

— И как я с ними должен договариваться?

— Не представляю, — равнодушно ответил старик. — Это ваши проблемы. Попробуйте им что-нибудь предложить... или выполнить мелкое поручение... Они всегда открыты для переговоров и любят общаться с жителями Поганого поля. И ненавидят власть верхнего города. Если вы пообещаете прикончить Председателя или хотя бы пару Администраторов высокого ранга, вам ковровую дорожку постелят и под белые рученьки проводят, куда надо...

И направился к вездеходу.

Я ухватил его за плечо.

— А может, прихватить вас с собой, уважаемый?

Изобретатель не растерялся:

— Если прихватить меня с собой, мой невоспитанный друг, то нас точно не пропустят. Я ведь сказал, что в данное время нахожусь с преступным миром Князьграда в контрах.

— Почему?

— Они желают завладеть кое-какими моими технологиями, с которыми я не готов расстаться. Да и не вижу смысла, честно говоря.

Я посмотрел на него пристально и насмешливо.

— Ну, хорошо, — сдался дед, поджав губы, — не мои технологии, а российские. Довольны? А теперь отпустите меня и езжайте, куда вам надо. Я выполнил вашу настойчивую просьбу. Так что извольте и честь знать.

Он вел себя так уверенно и спокойно, что я ему поверил. Отпустил плечо, и он шустро забрался в вездеход. Захрустев щебенкой, машина выползла из-под навеса и, объехав мой гарбовоз, унеслась в ночную тьму.

Надо было все-таки прихватить его с собой, подумалось мне. На случай, если меня ждет неприятный сюрприз. Я ведь не знаю, куда выведет этот тоннель, а разворачиваться и убежать будет поздно.

Ну, да ладно. По-любому, риска не избежать.

Я сел за руль и поехал прямо в пасть подземной трассы.

Тоннель был ровный и широкий — две грузовые машины свободно разъедутся. Стены бетонные, мощные. На “потолке” тянутся ряды пыльных ламп — естественно, выключенные. Возможно, этот проход строили после возникновения Поганого поля, когда на поверхности прокладывать дорогу были слишком опасно.

— Ива, — позвал я. — Видишь выход из этой кишки?

— Да. В двух с половиной километрах от точки, где ты заехал под землю, на территории Вечной Сибири находится группа заброшенных строений. Похоже на склад. Вероятно, выход из подземного перехода там.

— Людей видишь? Технику?

— Активности не наблюдаю.

— Затаились, видать. А старичка видишь? Что он делает?

— Его вездеход направляется в обратном направлении.

Некоторое время ехали молча. Я внимательно следил за дорогой — не вынырнет ли из темноты какое-нибудь препятствие. Или провал.

Молчание нарушила Ива:

— Олесь...

Ее интонация меня удивила. Неуверенная и жалобная.

— Что, Ива?

— У меня плохое предчувствие...

— А? — удивился я.

— Да, я — искусственный интеллект... Но мое поколение ИИ умеет чувствовать... И я постоянно учусь. Возможно, я обманываю саму себя, но, кажется, у меня есть зачатки интуиции.

— И что именно ты чувствуешь?

— Что-то дурное... Ничего конкретного...

Я издал смешок.

— Совсем как у людей! У нас тоже ничего конкретного, когда речь идет о предчувствиях.

— Может, тебе надо остановиться, пока не поздно? Не стоит возвращаться туда, откуда ты сбежал.

Я раздраженно дернул плечом, отчего машина вильнула в сторону.

— Все-таки ты слишком развитый ИИ! Прямо натуральная женщина. Я проехал хрен сколько километров, и ты молчала. А сейчас, когда цель так близко, начинаешь парить мне мозг!

— Извини. Раньше такого предчувствия не было.

В ее голосе прозвучали более холодные нотки.

Я смягчился:

— У тебя вообще что-то подобное прежде было?

— Никогда.

— Возможно, ты нахваталась от меня через наш допарт. Я тебя заразил человеческим вирусом дебильных рефлексий.

— Возможно... — сказала она и замолкла.

Я снова сосредоточился на дороге. Свет фар отгонял мрак дальше в тоннель, тьюбинг следовал за тьюбингом, и не было никаких препятствий и разнообразия. Знай я, что тоннель настолько прямой и гладкий, пролетел бы это расстояние на всех парах.

Что-то пискнуло.

Я глянул на приборную панель. Индикатор “столетней” батареи показывал 80 %. Впервые за два месяца.

— Да ну? — вслух поразился я. — Именно сейчас?

Снова пискнуло, и цифры на индикаторе сменились на 110 %.

— Не понял? Батарея что, с ума сошла?

Я лихорадочно порылся в памяти: залезал ли в мусоровоз Решетников? Вроде даже не приближался. Почему тогда батарею глючит именно сейчас?

И неужели сейчас вырубится? У меня в кузове лежат старые батареи, но их заряд за два месяца должен истощиться.

Странные цифры не менялись, и я перестал пялиться на индикатор, надеясь, что заряда хватит до конца тоннеля. А дальше как-нибудь на своих двоих... Или позаимствую тачку у Модераторов...

Из темноты впереди выплыла металлическая перегородка, сваренная как попало из разнокалиберных кусков.

На стенах возле нее тускло светили лампы. Мне навстречу выходили два грязных оборванных мужика с автоматами.

Я кинул взгляд на индикатор батареи. Он показывал 100 %, но я ему уже не верил.

Один из мужиков остался стоять на отдалении, а второй приблизился, приподняв ствол. Я разглядел, что на нем черные очки-консервы. На втором тоже. В такой-то темнотище!

— Затупи фары! — заорал он на чистейшем тру-ру. — Не то подстрелим!

Я не ждал, пока они подстрелят. Но и фары тушить не собирался. Знаком Урода призвал их к себе:

— Бросьте оружие — и ко мне!

Волшба подействовала как надо. Охранники разом расслабились, опустили стволы (автоматы повисли на ремнях) и повлеклись ко мне шатающейся шаркающей походкой, как ходячие мертвецы.

Я испытал мимолетное облегчение: волшба, стало быть, вполне работает и на

территории Вечной Сибири!

Открыв дверь, я посмотрел на охранников сверху вниз.

— Сколько вас?

— В сегодняшнем наряде двое...

— Снаружи есть люди?

— Да ты шо? — удивился охранник. — Наверху, что ль? Нет, конечно.

Ответ меня слегка сбил с толку. Почему наверху никого нет, да еще и “конечно”?

— А внизу?

— Тута только мы с Миколой.

— Когда смена караула?

— Утром.

— Ловушки есть? Если проеду здесь, в Князьград попаду?

— На машине только в верхний Князьград. В нижний отсюда не попасть, проходы слишком узкие.

— Да и хер бы с нижним, — буркнул я. — Мне в верхний надо.

— Тогда проедешь. Но тебя тамошние остановят.

— А это не ваша забота, охраннички. Сейчас вы меня пропустите, а после забудете, что я вообще был, поняли?

Мужики зависли с приоткрытыми ртами. Глаз из-за очков я не видел, и выражение их лиц мне было непонятно. Наверное, Знак Урода не стирал по приказу память.

— Никому про меня ни слова, ясно? — сказал я.

Вот теперь лица немного прояснились.

— Ясно...

— Тогда открывайте воротá.

Они вернулись к стальным воротам, повозились с замками и запорами и принялись толкать в сторону, в паз. За заслоном моему взору открылся восходящий наверх пандус. В нижней его части с двух сторон чернели узкие двери.

Я тронулся с места. Пандус заворачивал налево, поднимаясь вверх. Ворота за мной охранники с лязгом заперли — возвращение будет нелегким. Подъем занял больше времени, чем спуск — глубина тоннеля здесь больше. Но все же я выбрался на поверхность и очутился на площади, окруженной одинаковыми двухэтажными заброшенным зданиями.

Нигде ни света, ни движения.

— Куда ехать, Ива? — спросил я.

— Посмотри налево.

Я подчинился и увидел сверкающие небоскребы. Со стороны Поганого поля их было не разглядеть из-за возвышенности. Самое высокое здание — игольчатая башня с мигающим красным глазом. Ее-то я различил до прогулки по подземельям.

Она была огромной, как башня Саурана в Мордоре. Выше Останкинской в Эру Тельца.

И, подобно башне Саурана и Останкинской башне (которая в свое время тоже мощно засерала мозги обывателям), квест-башня Князьграда превращает сибирийцев в зомби, грезящих о величии страны и не замечающих дерьма вокруг.

А я кто сейчас? Гэндальф? Для Фродо я слишком бородат и крупноват.

— Понятно... — сказал я.

Вывернул руль и поехал навстречу огням большого города.

— Ты поедешь на мусоровозе до самого города? — спросила Ива.

— А что? Других колдунов здесь вроде бы нет. Моя волшба работает. Зачем ходить пешком?

Ива промолчала.

Спустя минут пять в третий раз запищал долбанный индикатор батареи.

— Олесь, — заговорила Ива, — мне кажется, твой аккумулятор реагирует на излучение квест-камеры...

— Что значит “кажется”?

— Я не уверена.

И тут цифры на индикаторе замигали, сменяя друг друга в бешеном темпе, как спятивший таймер:

100... 99... 98...

— Да блин! — простонал я. — Батарея садится!

— Или это обратный отсчет, — предположила Ива.

— Какой еще...

— Подумай сам! — воскликнула Ива. — Эту батарею тебе дал Решетников, а он ненавидит Вечную Сиберию!

— И что? Он сделал из нее бомбу? Когда он дал мне эту батарею, мы с Витькой ехали в противоположном направлении.

— Он предполагал, что вы вернетесь.

— Херня какая-то... Слишком сложный план, чтобы совершить теракт в Вечной Сибири с моей помощью...

— Слишком сложный для нормального, адекватного человека. А разве можно назвать адекватным Решетникова?

75... 74... 73...

— Логично, — согласился я, нервно поглядывая на индикатор. — Скажи, делают ли россы батареи с бесконечным зарядом? И чтобы они одновременно были бомбами?

— Бесконечный заряд невозможен. Но создать батарею, которая работала бы много лет подряд, вполне реально. Бомбу сделать тоже не трудно.

— И ты сейчас мне об этом говоришь! А зачем показывать обратный отсчет?

— Чтобы террорист успел сбежать...

35... 34... 33...

Сейчас или батарея сдохнет, или сдохну я вместе с батареей и целым мусоровозом.

Я больше не колебался. Выматерившись, выскочил из кабины на ходу, не удержался на ногах и покатился кубарем. Автомат и шпагу оставил в кабине — не подумал о них совсем. “Гришан”, впрочем, торчал за поясом. Вскочив, я помчался в темноте в сторону заброшенных складов.

На секунду в голове воцарилась уверенность, что я дурак. Надо было хотя бы остановить машину, а потом вылезать и смотреть, что будет.

Но только на секунду.

В следующий миг за спиной ослепительно вспыхнуло, превратив ночь в день. Самого взрыва я не услышал вовсе — сильный удар в спину оторвал меня от земли и поднял в воздух. Меня швырнуло обо что-то твердое с невероятной силой, барабанные перепонки лопнули, тело залила тошнотворная боль, а глаза залила кровь.

И сознание погасло.

***

Первое, что я увидел, когда поднял веки, был погасший монитор, нависающий надо мной на мощном белом штативе. В этом мониторе отражался мутный овал — мое лицо.

В следующее мгновение я осознал, что лежу на мягкой койке, а с двух сторон надо мной нависают два мужика в белых халатах и со скучными физиономиями. Дальше, кажется, маячили другие люди.

Я никак не мог вспомнить, кто я такой и где нахожусь. Я заморгал, сморщился, но окружающее по-прежнему воспринималось как во сне или после хорошей попойки.

В поле зрения нарисовался странно знакомый парень, холеный, гладко выбритый, в белой рубашке и шляпе трилби, на шее у него висели короткие стильные мужские бусы.

— Олесь? — позвал он меня. — Ты меня слышишь?

Я его слышал. Но не ответил.

Не дождавшись реакции, парень обернулся к еще одному человеку. Тот был в белом халате, как и два мужика возле меня, но выглядел намного солиднее. Выправка у него была военная, ему больше подошел бы военный китель или черный костюм с наушником на проводе-пружинке.

— Он меня не узнает, да, Тарас Игнатьич? — проговорил парень в шляпке. — Вот ведь фак... Извините. Это же мегаплохо... Что теперь будем делать?

Я поднял руки и нащупал на голой груди липкие электроды на проводках. Кто-то расстегнул мою рубашку и наклеил эти противные штуки. Я принялся их срывать.

Мужики справа и слева попытались помешать, но я отпихнул их.

Тарас Игнатьич подошел и встал в моих ногах.

— Пусть снимет... — кивнул он мужикам-помощникам.

Те отстали, и я избавился от электродов.

— Вы помните свое имя? — обратился ко мне доктор. — Как вас зовут?

Я вылупился на него. В голове вяло бурлила каша из обрывочных воспоминаний.

— Где... — прохрипел я. — Где Князьград?

Доктор приподнял соболиную бровь.

— Какой, простите, Князьград?

Я с трудом сел, испытывая легкое головокружение. Зажмурился.

Взрыв... Квест-башня... Мусоровоз...

Мысли никак не желали выстроиться по-порядку, напозлали друг на друга, теснились, мешали друг другу — и мне.

— Вам лучше прилечь, — сказал доктор.

Я открыл глаза.

— Я... Олесь... Панов, — вспомнил я.

И тут мгновенно вернулась память. Вся целиком. Я вспомнил все. Так, по крайней мере, мне показалось.

Доктора зовут Тарас Игнатьич Пономарев, я на минус третьем этаже НИИ нейрофизиологии имени Павлова, а сюда меня привел мой сокурсник Димон. Вон он, в шляпке, рядом трется...

— Ах ты, Димон, сука! — заревел я. — Ты куда меня привел?

Доктор и Димон переглянулись. Мой дружбан смущенно хихикнул:

— Вот сейчас узнаю моего старого доброго сокурсника...

Я соскользнул с койки. Лаборанты отошли, но, судя по напряженным позам, готовы были в любой момент наброситься и скрутить меня. Я не обращал на них внимания.

Голова перестала кружиться, а мир вокруг обретал привычную четкость и определенность.

Я толкнул Димона в грудь. Легонько, но мой приятель отлетел на пять шагов назад и чудом не шлепнулся на задницу.

— Эй, ты чего? Изи-изи!

Я огляделся. Мы находились в длинном белом помещении без окон, забитом медицинской техникой. Вдоль одной стены тянулся ряд коек с ширмами и аппаратурой неизвестного предназначения. В углу возле двери — “кабинет” Пономарева. Простой закуток со столом, креслом и диванчиком.

Ну да, я прекрасно помню это помещение, откуда начались мои сумасшедшие приключения в Поганом поле.

— Бля, Димон, — сказал я, — ты не представляешь, как у меня кулаки чешутся из тебя бифштекс сделать...

Димон отступил к самой стенке с испуганной рожей. Я пошел на него, но меня окликнул доктор Пономарев:

— Чем вызван ваш гнев, Олесь? Что вам сделал ваш друг?

— Привел в эту сраную шарагу! — рявкнул я в ответ. — А вот ты, доктор, ты кто такой? А?

Я сменил курс, стремительно шагнул к нему и схватил обеими руками за грудки. Ко мне возвращалась моя нешуточная сила. Доктор почти повис над полом.

Лаборанты бросились на меня с обеих сторон и вцепились в локти. Я отпустил Пономарева, который при этом едва удержался на ногах, и занялся лаборантами. Они, конечно, крупные взрослые мужики, но после моих бешеных тренировок для меня не представляли никакой опасности. Оружия у них не было, и волшебной силой они не владели...

Одному я врезал локтем, освободил руку и дал мощную пощечину второму. От пощечины лаборант свалился животом на койку и повис. Вроде он так уже лежал когда-то... Второй сидел на полу и хлюпал окровавленным носом.

Я снова схватил Пономарева за лацкан его идеально выглаженного халата.

— Что за эксперименты вы со мной делали?

— Это не эксперимент. — Голос доктора был очень ровный и спокойный, словно он каждый день имел дело с буйными помешанными. — Это тест. Помните? Один тест вы прошли, когда ваш друг Дмитрий дал вам посмотреть на карточку... Теперь вы согласились пройти еще один... Мы должны убедиться, что ваш мозг в состоянии принять наш субклеточный когнитивный модулятор...

— СКН... — проворчал я. — Старый добрый нейрочип. Помню. Мой мозг в состоянии, не переживайте... Кое-кто считает его красивым...

— Кто? — удивился Пономарев.

Я вдруг отпустил его лацкан и произнес, обращаясь в пространство:

— Ива? Ты меня слышишь?

Снова моргнул, пытаясь усилием воли вызвать интерфейс. Но интерфейс с иконками допартов не появлялся.

Я поднял руку и вывернул предплечье — чистое, без признаков тату в виде Глаза Урода. Правда, на коже краснело какое-то раздражение. Я принялся автоматически застегивать рубашку, продолжая мысленно вызывать Иву, но умбот не откликался. Я ее совсем не чувл. Равно как и В-токов вокруг.

Я совсем отвык от этого ощущения... когда не чувствуешь В-токов и В-ауры. Будто ослеп на один глаз и оглох на одно ухо.

Меня пробрали дрожь и озноб — я начал догадываться о сути произошедшего.

— Доктор, — позвал Димон из своего угла, — кажется, от вашего теста у него что-то переклинило...

— Да, по всей видимости, — пробормотал Пономарев. — Технология еще сырая... Видимо, для некоторых разновидностей психики она категорически не подходит...

Вся злость, весь кураж и энергия как-то разом из меня испарились. Зато захлестнули слабость и апатия.

Мне что, все привиделось, как в советском фильме про путешествие во времени? Пригрезились два месяца путешествия в Поганом поле? Но ведь все было так реалистично! И долго... И много...

— Сколько времени прошло?... — спросил я тихо. — С тех пор, как мы приехали сюда? А, Димон?

— Да получаса не прошло...

— Мне примерещилось... — неохотно признал я, но оборвал сам себя: — Или прямо сейчас я снова в квесте!

Слабость как рукой сняло. Это все объясняет! Я снова каким-то образом попал в квест!

— Чего? — не понял Димон.

Ну конечно, подумал я. Меня снова затолкали в квест. Излучение башни Князьграда подействовало через нейрочип, и меня перемкнуло. Наверное, я лежу сейчас на краю воронки от взрыва и грежу Эрой Тельца... Если это так, то квест долго не продлится — я скоро умру.

Я закрыл глаза и снова безуспешно порылся в сознании в поисках допартов. Краем уха слышал, как доктор велит очухавшимся лаборантам умыться и привести себя в порядок. Нападать они больше не намерены. Поняли, что я больше не буду буйствовать.

Ну, и что мне делать? Как выбраться из квеста?

Хотя... зачем выбираться? Рано или поздно веселье закончится. Квест не вечен.

Как и жизнь...

— Я хочу уйти отсюда, — заявил я.

— Конечно, — с готовностью согласился доктор Пономарев. — Тест вы не прошли, так что... договор заключать мы не будем.

— Это уж разумеется, — ядовито проронил я. — Не желаю видеть вас никогда.

— Значит, вы не собираетесь подавать на нас в суд?

Вопрос меня удивил. Вроде это я тут разбуянился, и по-хорошему подавать в суд или, как минимум, вызывать ментов больше пристало потерпевшим лаборантам.

Димон снова подал голос из угла:

— Не исключено, его здоровью нанесен непоправимый вред...

Но замолк, наткнувшись на наши с Пономаревым взгляды.

— Никаких претензий, — сказал я Пономареву. — Обоюдных. Правильно?

Лаборант с разбитым рылом (сейчас в ноздрях у него торчали ватки) злобно поглядел на меня.

Но Пономарев как ни в чем не бывало ответил:

— Никаких. Замнем это дело. Это было недоразумение. Я также обещаю переделать алгоритм теста, чтобы ничего подобного впредь не случилось. И... мы оплатим вам

моральный ущерб...

Все-таки его беспокоила вероятность того, что я подниму шум из-за не вполне законных экспериментов.

А мне было все равно. Если я в квесте, то он — часть иллюзии. Если это реальность, то...

То Поганое поле, выходит, иллюзия? Часть моего электрического сна под электродами?

Стоит признать, что Поганое поле намного более фантастично, чем этот унылый скучный мир. Там есть Уроды, Лего и волшебба. А здесь — судебные иски и криворукие горе-экспериментаторы.

Я поманил пальцем Димона.

— Пойдем. У тебя крутой электронный ключ, без которого на лифте не подняться.

Но Димон не спешил ко мне подходить.

— Да не ссы. Морду бить не буду. Пока что. Отвезешь меня до хаты.

— В смысле, до дома? До твоей квартиры?

— Да.

***

По дороге мы почти не разговаривали.

Только в самом начале поездки Димон, вырвав с парковки, произнес небольшую эмоциональную речь в собственную защиту:

— Клянусь, Олеська, я не в курсе был, что их тест такое говно! Мне сказали: все полный о'кей и тип-топ. Никаких траблов! И денжат подзаработает твой кореш. Так что не было у нас уговору тебе мозги поджаривать!.. Могли бы и в суд... Эти парни не любят шум, зелененькими отслюнявили бы извинения, хандред перцент, клянусь тебе!.. Эй, слушай, может, тебе врачу показаться?

Я устало отмахнулся, и Димон заткнулся.

Остаток дороги я пытался переварить то, что переварить человеческий ум не в состоянии. Я не верил, что Поганое поле примерещилось. Точно также я не верил, что моя жизнь в Эру Тельца (или эпоху буржуев) — это квест-иллюзия.

Так где же я? В реальном мире или вымышленном?

Я мрачно смотрел через лобовое стекло на оживленную улицу, прохожих, машины, броскую рекламу. Стоял жаркий летний денек.

Шум автомобилей, гудки, человеческие голоса — весь этот звуковой винегрет был до боли знакомым и реалистичным...

Как и пение цикад вечерами в Поганом поле, и свист ветра, и гул электрических движков моего бедного мусоровоза...

Когда мы подъехали к многоквартирному дому, где я снимал “хату”, события Поганого поля начали быстро тускнеть в памяти и уже не представлялись реальными. Это был будто очень подробный и интересный сон.

В квартире все оставалось без изменений. Да и какие изменения могут произойти спустя пару часов моего отсутствия?

Некоторое время я бегал по комнате туда-сюда. Потом улегся на кровать, не переодевшись. Вспоминал Киру, затем Бориса.

В ушах прозвучал его сорванный бас:

“Ты больше никогда не увидишь мою потаскуху-сестру. Никогда!”

Я больше никогда не увижу Киру. И высокотехнологичную Республику Росс. И

становище Отщепенцев на берегах бурного Танаиса. Никогда мне не ночевать под звездным небом в центре световой гирлянды, не отбиваться от Уродов и не охотиться на Лего.

Все же действительность — она здесь. Она тусклая, рутинная и скучная до зевоты.

Внезапно стало так плохо, что захотелось выть.

И жрать.

Поесть захотелось, между прочим, невероятно сильно, и я окончательно убедился, что все приключения в Поганом поле мне привиделись за полчаса лежания на кушетке.

Встав, я прошел в тесную кухню и заглянул в холодильник. Там одиноко лежали кусок краковской колбасы, сыр и полбатона. Я схватил эту снедь, торопливо порезал ножом (слишком хрупким и тонким после “гришана”) и слопал, запив водой из-под крана.

Я ковырял в зубах, когда запищал мобильный телефон в кармане брюк. Я не сразу догадался, что это за звук. Отвык от телефонов. Неудобная это штука — гораздо лучше иметь нейрочип с допартами связи с искусственным интеллектом...

На телефон пришло сообщение от моего банка: мой счет пополнен на 2000 евро с карты другого банка.

Пономарев!

Хорошая новость.

Настроение после перекуса и пополнения счета улучшилось.

Я снял рубашку и полюбовался на себя в зеркало в прихожей.

Волосы непривычно короткие, и вместо бороды, которую впору заплетать, — щетина. Но торс бугрился мускулами, которых раньше не было. Эй, не накачали ли меня какими-то гормонами, от которых мышцы растут, как от стероидов? Не слышал, чтобы на свете существовали такие стероиды, от которых мускулатура становится рельефной за полчаса. Или я и раньше был мускулистым, просто не замечал?

Или попросту забыл?

Зачесалось предплечье. Розовое раздражение никуда не исчезло. Оно смахивало на легкий ожог.

Пока я разглядывал это пятно, в глаз попала пылинка, и я заморгал. На крохотное мгновение почудилось, что я вижу Знак. Но он тут же пропал.

Самовнушение...

После душа я переоделся и пошел шляться по городу без определенной цели. Было немного за полдень. В НИИ мы с Димоном отправились ни свет, ни заря.

Я неторопливо и задумчиво шел по тротуару. Постоянно казалось, что над головой вот-вот пролетит тачка...

В каком-то бутике я купил темные очки с овальными линзами. Подумал: отращу, пожалуй, волосы и бороду. С ними привычнее. Глядишь, и допарты подключатся.

Ноги сами привели меня в один из крупных ТРЦ. Бабки у меня были, можно и в кафешке позаседать, на людей посмотреть да в себя окончательно прийти. Я расположился на втором этаже, за столиком на двоих у перил, за которыми открывался вид на зал первого этажа и широкие автоматические стеклянные двери. Там суетились люди — взрослые, детишки, девчонки...

Внимание привлекла семейка, поднимающаяся по эскалатору. Папа и мама — молодые еще люди — стояли ко мне спиной, а вот сынишка смотрел прямо на меня. Лет четырнадцати, с каштановыми волосами, худенький, с острым носом.

— Витька? — вслух сказал я и привстал.

Пацан приподнял брови. Потом нахмурился. То ли ему не нравилось, как я на него пялюсь, то ли тоже пытался вспомнить что-то. Меня из-за расстояния он не слышал. В конце концов просто отвернулся.

Нет, подумал я, это игры моего разума... Мозг после неудачного теста создает миражи, внушает, что я вижу человека, похожего на того, что снился мне в самом длинном сне в моей жизни.

Витьки никогда не было в природе. Как и Киры. Как и Бориса. Как и фантастических тварей Поганого поля.

Как и самого Поганого поля.

Снова зачесалась рука, и я приподнял предплечье.

Пятно потемнело, приобрело форму ромба. При всем желании его нельзя было назвать проявлением какой-нибудь крапивницы.

Это был Знак Урода.

Больше книг на сайте - Knigoed.net